

**ЕЖЕГОДНИК
финно-угорских
исследований**

Вып. 1

Ижевск

2010

Редакционный совет:

В. Е. Владыкин (Ижевск, УдГУ)
А. Е. Загребин (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН) – председатель
В. И. Макаров (Йошкар-Ола, МарГУ)
А. С. Казимов (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
М. В. Мосин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
В. А. Юрченков (Саранск, НИИГН)
А. Ф. Сметанин (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)
В. М. Лудыкова (Сыктывкар, Сыктывкарский ГУ)
Н. Г. Зайцева (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельский НЦ РАН)
А. Кережи (Будапешт, Этнографический музей)
К. Салламаа (Финляндия, Оулу)
С. Сааринен (Финляндия, Турку)
Д. В. Герасимова (Ханты-Мансийск)
Ю. А. Мишанин (Республика Мордовия)

Редколлегия:

В. М. Ванюшев (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
Т. Г. Владыкина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
М. Г. Иванова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А. В. Ишмуратов (Ижевск, УдГУ) – заместитель гл. редактора
Р. В. Кириллова (Ижевск, УдГУ, ФУНОЦГТ)
Н. И. Леонов (Ижевск, УдГУ) – главный редактор
Р. Ш. Насибуллин (Ижевск, УдГУ)
Г. А. Никитина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А. Н. Прокопьев (Ижевск, УдГУ)
А. С. Измайлова (Ижевск, УдГУ)
И. В. Тараканов (Ижевск, УдГУ)
Ю. В. Семенов (Ижевск, УдГУ)

Министерство образования и науки РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий

ЕЖЕГОДНИК ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Вып. 1

Ижевск

2010

УДК 08
ББК 94.3
Е 36

Главный редактор – Н. И. Леонов, доктор психологических наук, профессор, проректор по научной работе УдГУ

Зам. главного редактора – А. В. Ишмуратов, кандидат педагогических наук, доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Ответственный редактор – Д. И. Черашняя

Е 36 **Ежегодник финно-угорских исследований.** Выпуск 1 / Науч. ред. Н. И. Леонов; сост.-ред. А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. ред. Д. И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – 180 с.

В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам изучения социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыт разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания.

Адресуется специалистам-историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам культурных учреждений.

ISBN 978-5-904524-13-5

© Коллектив авторов, 2010

© Удмуртский государственный университет, 2010

© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2010

© А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова – составление, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора	
Ресурсный потенциал знания (Н. И. Леонов)	7
Языкознание	
А. Н. Куклин. Объединяющие и разъединяющие черты языков полиэтнического Урало-Поволжья	9
С. А. Мызников. Прибалтийско-финские наименования сосны и их рефлексy в северорусских говорах	15
Фольклористика	
А. Т. Липатов. «Югорно» как героический эпос и песнь о вещем пути марийского народа	22
Г. Н. Шушакова. Модификации фольклорно-эпических героев в литературном эпическом повествовании	28
Литературоведение	
В. М. Ванюшев. Пуцек-Григорович, Екатерина Вторая и первые стихотворные публикации на удмуртском языке	32
Н. А. Федосеева. Литературные памятники первой половины XIX века и просветительская деятельность духовенства в Марийском крае	40
В. Г. Пантелева. Переводческая практика в условиях глобализации: проблемы этнокультурной рецепции	47
История, археология, этнография	
Г. А. Никитина. «Крупхозы» в аграрном секторе Удмуртии: опыт успешных адаптационных практик	52
А. Керези, Э. Сойка. Финляндия глазами венгров	60
Е. В. Попова. Культовые объекты в этнических смешанных селениях: опыт межэтнического и конфессионального взаимодействия	74
Е. М. Берестова. Фонды центрального государственного архива УР как источник изучения процесса христианизации народов Вятско-Камского междуречья	86
Культура, искусство	
И. В. Пчеловодова. Аэрофоны в системе традиционной инструментальной культуры удмуртов	95
Технологии и инновации	
В. Н. Денисов. К вопросу о создании Единой Фонотеки удмуртских архивных записей: принципы, методы и технологии	109
Н. И. Ураськина. Некоторые трудности изучения сложноподчиненных предложений русского языка в национальной (удмуртской) школе	118

Дискуссии, гипотезы

Ю. А. Тамбовцев. Частота встречаемости фонемных групп и классов в звуковых цепочках финно-угорских языков и диалектов. 125

Рецензии

В. И. Рогачев, Ваганова Е. Н. О мифах с любовью..... 134

Отзыв на диссертацию А. Е. Загребина «Этнографическое изучение финно-угорских народов России в XVIII–XX вв.: вопросы истории, теории и практики «Этнография, этнология и антропология» (*А. А. Никишенков*) 142

Юбилей

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Удмуртская музыкальная культура в годы Великой Отечественной войны (*А. Н. Голубкова*) 149

На подступах к постструктурализму. К 60-летию проф. А. С. Измайловой-Зуевой (*В. Л. Шибанов*) 155

Рабочие программы

Использование астрономических и геофизических понятий удмуртов в преподавании школьного курса «Астрономия» и вузовских дисциплин национально-регионального компонента: Особенности методики преподавания курсов с астрономическим содержанием (*А. И. Гатауллина*) 162

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗНАНИЯ

Выходит в свет очередной Ежегодник. Радует, что представленная география авторов приобретает все прирастающий характер. Мы можем с полным основанием говорить о том, что наш проект выходит на международный уровень, подтверждением чему является также поддержка, которую он получил на проходившем выездном совещании Международной ассоциации финно-угорских университетов в Удмуртском госуниверситете в 2008 году.

Выходит очередной ежегодник. Представленная география авторов приобретает всё прирастающий характер. В издании публикуются материалы, посвященные изучению, разработке и внедрению в общественную практику современных гуманитарных технологий, направленных на социально-экономическое, духовно-нравственное и культурное воспроизводство финно-угорского этноса и его жизненного пространства.

Эксклюзив этого года – это периодичность выпуска (4 сборника в год). Состав авторов ежегодника – международный. В редакционный совет включены ученые финно-угроведы ближнего и дальнего зарубежья. 1 марта 2010 г. университетом заключено соглашение о включении в Редсовет также представителей Ассоциации финно-угорских народов, проживающих на территории Франции.

Так, в статье «Финляндия глазами венгров», публикуемой авторами из Венгрии, представлен процесс, в ходе которого финны проделали путь из лесов в города, достигнув нынешнего экономического и культурного уровня. Авторы характеризуют так называемое финское чудо, упоминаемое многими в Венгрии на основе отзывов и воспоминаний венгерских путешественников, писателей и ученых.

В структурном и в содержательном планах ежегодник сохраняет свою эксклюзивность. Принципиальным является наличие теоретико-методологического раздела. Известно, что народы современной Урало-Поволжской историко-этнографической области разнообразны как по антропологическому составу, так и в языковом отношении. В связи с этим актуальны исследования коллеги из г. Йошкар-Олы А. Н. Куклина, который отмечает, что финно-угорские и тюркские языки Урало-Поволжья, представители номинативной типологии, имеют ряд общих черт (сингармонизм гласных, отсутствие категории рода и др.), поэтому определенные совпадения в их структуре, имеющие параллельные явления в их системе, могут считаться типологическими схождениями или результатами конвергентных языковых изменений, вытекающих главным образом из типологических параметров.

Учитывая плюрализм мнений в научном знании, мы считаем, что только в диалоге возможен совместный поиск ответов на животрепещущие проблемы

независимо от того, где территориально находится автор и какие политические разногласия могут возникать между государствами.

Традиционно отводится в Ежегоднике место дискуссии. Так, коллега из Новосибирского государственного педагогического университета Ю. А. Тамбовцев в своей статье исследует типологию строения звуковых цепочек в языках и их диалектах. На основании доминантных фонетических признаков звуковых картин построены типологические расстояния между лингвистическими объектами, то есть языками и диалектами. С учетом порогового значения коэффициента Тамбовцева (ТМВ) лингвистические объекты, которые взяты для анализа, классифицируются как диалекты или отдельные языки (на основании показателей типологических расстояний).

В предыдущем ежегоднике Е. П. Кузнецовым и М. И. Хуснуллиным предлагался к обсуждению вопрос о трансконтинентальном речном транзите как факторе этногенеза и сохранения единого этно-исторического пространства уральских народов. Данный проект вызвал резонанс. Авторы представили его широкой общественности УдГУ на междисциплинарном научно-методологическом семинаре в марте 2010 года.

Старейший музыковед, долгие годы сотрудник УдНИИ А. Н. Голубкова очерчивает важнейшие аспекты деятельности работников культуры Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. В ее статье воссоздается широкая панорама культурных событий, которые помогали поддержать дух советских людей на фронте и в тылу. Музыкальная культура Удмуртии рассматривается в трех направлениях: профессиональное творчество, профессиональное исполнительство, самодеятельное искусство, – что позволяет затронуть все сферы музыкальной деятельности. Богатый фактографический материал делает статью достоверным источником информации, а подбор высказываний «главных действующих лиц»: композиторов, артистов концертных бригад, членов художественной самодеятельности – воскрешает атмосферу военных лет, подчеркивая полноту самоотдачи работников «культурного фронта».

В основу идеи Финно-угорского научно-образовательного центра гуманитарных технологий положена концепция поликультурности (сосуществования и взаимодействия в условиях глобализации национальных и мировой культур). При этом глобализация рассматривается с позиции ресурсного потенциала и поиска способов минимизации негативных последствий глобальной интеграции. Думается, что представленные материалы ежегодника показывают, как последовательно реализуется идея сохранения и развития финно-угорские этносов и их культур.

Леонов Николай Ильич,
доктор психологических наук, профессор
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск,
ул. Университетская, 1

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81(470.4+470.5)

А. Н. Куклин

**ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ
И РАЗЪЕДИНЯЮЩИЕ ЧЕРТЫ ЯЗЫКОВ
ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ**

Из совокупности методов, применяемых для интерпретации объединяющих и разъединяющих черт языков Урало-Поволжья, ведущего рассматривается контенсивная типология, оперирующая приемами компаративистики и контрастивной лингвистики, что позволяет учитывать интралингвистические факторы и диалектные данные близкородственных финно-угорских и контактирующих с ними диалектов тюркских и русского языков.

Ключевые слова: контенсивная типология, компаративистика, интралингвистические факторы, системность и асистемность языкового материала.

***1.0. Схожие и различительные признаки
в языках народов Урало-Поволжья***

Народы современной Урало-Поволжской историко-этнографической области достаточно разнообразны как по антропологическому составу, так и в языковом отношении. В седой древности эта область, как и Западная Сибирь и Казахстан, была контактной зоной между европеоидами и монголоидами. Причем у финноязычных мари и мордвы, удмуртов и коми, а также тюркоязычных татар, башкир и чувашей отмечены лишь слабовыраженные признаки монголоидной расы. Расовый тип этих народов принято называть лапоноидным, или субуральским. Русское население Урало-Поволжья является представителем восточно-европейской группы промежуточной по пигментации европеоидной расы [4: 369, 374].

По устойчивым и характерным для каждого языка признакам в морфологическом строении слова языки народов Урало-Поволжья составляют два противоположных друг другу объединения: фузионные, или флективные, и агглютинативные языки. Представителем первого является русский, а ко второму относятся финно-угорские (марийский, мордовские, коми и удмуртский), тюркские (башкирский, татарский и чувашский) языки.

Как представители номинативной типологии, финно-угорские и тюркские языки Урало-Поволжья имеют ряд общих черт (сингармонизм гласных, отсутствие категории рода и др.), поэтому определенные совпадения в их структуре,

имеющие параллельные явления в их системе, могут считаться типологическими схождениями или результатами конвергентных языковых изменений, вытекающих главным образом из типологических параметров.

Русскому языку не свойственна гармония гласных, но он имеет категорию рода, являющуюся пережиточной "палеонтологической" категорией, уходящей своими корнями в особенности древнего мифологического мышления [6: 418].

2.0. Особенности интерпретации языковых явлений полиэтнического Урало-Поволжья

В интерпретации объединяющих и разъединяющих черт языков Урало-Поволжья возможности методов компаративистики, а вместе с ними типологического, ареального, методов универсалий, фреквенталий и системно-диахронического анализа используются исследователями не во всей полноте.

Поэтому естественно, что существующая трактовка многих сложных явлений диахронического характера требует основательной проверки и поисков иных путей решений, нацеленных на реконструкцию первоначальной формы той или иной языковой категории с учетом инновационных элементов, возникших в грамматической структуре исследуемого языка под действием факторов экстралингвистического порядка. Причем при описании и объяснении языковых изменений не всегда учитываются исследователями интралингвистические факторы и диалектные данные близкородственных финно-угорских и контактирующих с ними диалектов тюркских и русского языков. Поэтому изучаемые явления нередко остаются недостаточно полно освещенными и разрешенными. К тому же скудость материала, привлекаемого для анализа, существенно ограничивает перспективы сравнительно-генетических или сопоставительных исследований в области изучаемых явлений, а рассматриваемые проблемы часто оказываются без достаточных оснований обобщенными. Вместе с тем ценные для истории языка данные ускользают из поля зрения исследователей. При этом нельзя не признать, что неоднозначность решения обусловлена прежде всего существованием разнообразных точек зрения на одни и те же вопросы. Так, на основе применения в грамматике принципов логического членения предложения (субъект, предикат, объект и атрибут) сформировалось учение о логико-грамматическом членении предложения (главные члены: подлежащее и сказуемое; второстепенные члены: дополнение, определение и обстоятельство; сопутствующие члены: вводные слова и обращения). Однако учение о логико-грамматических членах предложения подверглось резкой критике со стороны некоторых советских лингвистов. Учитывая, видимо, это, в грамматике русского языка (Грамматика русского языка, т. 2. Синтаксис, ч. 1. Москва, 1960; Русская грамматика, т. 2. Синтаксис. Москва, 1982) противоречия решаются на иной основе – на основе учения о распространении простого предложения. К распространяющим членам относят и традиционные второстепенные члены, и сопутствующие, и однородные (кроме однородных сказуемых).

3.0. Квантификация одного из ядерных элементов предложения как объединяющий фактор языков народов Урало-Поволжья

Заметным пробелом в изучении языков Урало-Поволжья является недостаточное внимание к взаимоотношениям двух ядерных компонентов предложения – подлежащего (субъекта) и сказуемого (предиката). Целесообразно упомянуть в этой связи, что при усилении смысловой нагрузки подлежащего в информативной семантике сказуемого возможны определенные сдвиги, регламентируемые субъектом. Вполне естественно поэтому, что включение в состав подлежащего семантических конкретизаторов с лексическим значением количества предполагает определенное квантование обозначаемого действия предмета речи (мысли).

Так, смысловое содержание подлежащего, конкретизированное краткой формой количественного числительного или неопределенно-количественным числительным, создает варианты формы координации: постановку сказуемого в форме единственного числа и в форме множественного числа. Ср., например, луговые и горные варианты марийского литературного языка с диалектными данными: марЛ *Кум е— толын*. марГ *Кым эдем толын* 'Три человека пришли (приехали)' // диал. *Кум е— толыныт*. марГ *кым эдем толыныт*. 'Три человека пришли (приехали)'. марЛ *Шуко е— каен*. марГ *Шуку эдем кен* 'Много людей ушло (уехало)' // диал. *Шуко е— каеныт* диал. *Шуку эдем кеныт* 'Много людей ушло (уехало)'

Можно предвидеть, что эта тенденция, характерная для диалектов и просторечья, будет неуклонно продолжаться и станет одной из вариативных норм стандартного литературного языка, где в конструкциях подобного типа сказуемое функционирует в форме единственного числа.

В отрицательных конструкциях, свойственных лишь двусоставным предложениям, характер варьирования регрессивно- или прогрессивно ступенчатый. Грамматическое отрицание в таких конструкциях выражается отглагольной частью. Отрицательные отглагольные частицы марийского языка составляют несколько своеобразную группу. Они единичны, но их формы многообразны, например: марЛ *огыл*, марГ *агыл* 'не' – форма 3 лица единственного числа прошедшего времени отрицательного глагола; марЛ *огытыл*, марГ *агылен* 'не' – форма 3 лица множественного числа прошедшего времени отрицательного глагола.

Если сказуемое, выраженное глаголом, выступает в форме множественного числа (*толыныт* 'пришли, приехали'), то отрицательная частица при нем фигурирует в форме единственного числа (*огыл* 'не'); если сказуемое выступает в форме единственного числа (*толын* 'пришел, приехал'), то отрицательная частица при нем бытует в форме множественного числа (*огытыл* 'не'). Ср., например: *Шуко е— толыныт огыл* // *Шуко е— толын огытыл* 'Много людей не пришло (не приехало)'

Причины квантификации сказуемого весьма разнообразны по своей сущности, и не всегда легко со всей определенностью установить тот или иной импульс, поскольку в марийском языке иногда наблюдается варьирование чисел предиката. Так, при составном подлежащем, выраженном именем существительным в именительном падеже и именем существительным с послелогом *дене*, употребляющимся для обозначения совместности действия (на русский язык

переводится творительным падежом с предлогом *с*), сказуемое может выступать в форме как единственного, так и множественного числа. Выбор той или иной формы регламентируется смысловым содержанием целого предложения. Если действие производится двумя равноправными лицами (слова, их обозначающие, являются одним членом – подлежащим), то сказуемое приобретает форму множественного числа, например: *Те́ве рывы́ж игы́ж дене́ чоян во́лышт намаи́ш дек* 'Вот лиса с детенышем настороженно спустилась (букв. 'спустились) к роднику'.

Если действие производится одним главным лицом, то сказуемое выступает в форме единственного числа, например: *Тиде куры́к ўмбалне́ Иван Грозный́ Акпарс дене́ шоген*. 'На этой горе Иван Грозный стоял с Акпарсом'.

При подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием (типа *кум рвезе* 'три юноши ') или сочетанием количественного числительного и существительного в притяжательной форме (типа *ныл пошкудем* 'четыре моих соседа'), составное сказуемое ставится во множественном числе, если его именная часть выражена причастием, обозначающим активное действие, например: *Классы́ште кум рвезе́ ече дене́ устан кои́штио улы́т* 'В классе три юноши хорошо ходят на лыжах'. *По́рт нурам ны́л пошкудем чо—ы́шаи улы́т* 'Сруб должны рубить четыре моих соседа'.

Трудности выяснения причин квантификации в марийском языке обуславливаются импульсацией внутренних противоречий саморазвивающейся динамической системы синтаксических категорий, функции синтагматических показателей и прочих внутрисистемных факторов, нацеленных на усовершенствование грамматического строя языка.

Однако подобное явление встречается и в родственных языках. Так, в коми-зырянском языке при подлежащем, выраженном сочетанием существительного с числительным (или количественным словом) или соответственным местоимением, возможны две формы согласования. Если подлежащее обозначает лицо (иногда и не лицо), а сказуемое – активное действие этих отдельно взятых лиц (предметов), то сказуемое обычно употребляется во множественном числе, например: *Дас куим морт си́лосуйтчо́ны* 'Тринадцать человек заготавливают силос'. *Уна комсомо́лецяс петко́дло́ны уджы́н пример* 'Многие комсомольцы в работе показывают пример'.

Если глагол выражает неактивное действие, свойственное любым предметам (лицам и не лицам), то сказуемое обычно ставится в единственном числе: *Чукор́мис о́кмыс морт* 'Собралось девять человек'. *Пы́жас лы́бб вит морт* 'Лодка подымает пять человек' [5: 40-41]. Согласование встречается и в удмуртском языке. Однако, как отмечают М. К. и Б. И. Каракуловы, проявляется оно в ограниченном объеме. По их мнению, это, во-первых, согласование в числе и лице между подлежащим и сказуемым в предикативных словосочетаниях (как в русском): *пилем уя* 'туча плывёт', *пилемьёс уя-ло* 'тучи плывут', *мон уя-сько* 'я плаваю'. При этом ими уточняется, что исторически в удмуртском языке между подлежащим и сказуемым согласование в числе не наблюдалось:

Ой, кылёз ук, ой, кылёз ук
Солэн верам кылёсыз.
(Народная песня)

'Ой, останется ведь, ой, останется ведь
Сказанное им слово'.
(букв.: 'останется сказанные им
слова') [3: 72].

На основании наличия такого явления в родственных языках можно было бы предположить, что уже в недрах структуры диалектов финно-угорских языков были заложены условия для его развития. Однако вскрытие причинной обусловленности варьирования затрудняется вследствие воздействия фактора грамматической аналогии неродственных языков соседствующих народов Урало-Поволжья, поскольку модель конкурирующего варианта может проникнуть в условиях языковых контактов. Например, весьма схожее явление имеется в волжско-татарском языке. Так, рассматривая координацию сказуемого с подлежащим, производимую на материале всех стилей татарского литературного языка, М. З. Закиев подчеркивает, что сказуемое в 3-м лице не всегда согласуется с подлежащим в числе. Часто подлежащее имеет форму множественного числа, а сказуемое – единственного: *Китә башлады инде бездән кошлар; Алар бездән ерак эфирләрдә кышлар* 'Улетают птицы; Они будут зимовать далеко от нас'.

Лишь при известных условиях в стилистических целях сказуемое координируется с подлежащим во множественном числе, например: *Язлар эҗитте, карлар эри башладылар, толыплылар толыпларын таишладылар* 'Пришла весна, снега начали таять, люди сбросили шубы'.

Если подлежащее имеет форму единственного числа, сказуемое, как правило, согласуется с ним. Однако иногда при подлежащем в единственном числе сказуемое имеет форму множественного числа.

При подлежащем в единственном числе, конкретизированном числительными, сказуемое может иметь форму множественного числа: *Өч олы кеше аның тирәсендә йөгереп дигәндәй йөрделәр* 'Три взрослых человека почти бегали вокруг него'.

При подлежащем в единственном числе, выраженном собирательным существительным, сказуемое также может быть во множественном числе, например: *Икесе дә сөнештеләр* 'Оба радовались'.

При однородных подлежащих с соединительными союзами сказуемое всегда имеет форму множественного числа. Например: *Казан һәм Минзәлә – матур шәһәрләр* 'Казань и Мензелинск – красивые города' [2: 186:187].

Подобное варьирование отмечается и в русском языке. Так, при подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием (типа *десять студентов*) или сочетанием собирательного существительного с количественным значением и родительного падежа имени существительного (типа *большинство студентов*), возможны две формы согласования: постановка сказуемого в форме единственного числа и в форме множественного числа. Форма множественного числа используется обычно в тех случаях, когда подлежащее обозначает лицо, а сказуемое – активное действие этих лиц, например: *Восемьдесят молодых специалистов отправились работать. Большинство студентов-заочников своевременно выполнили все контрольные работы.*

При подлежащем – неопределенном предмете сказуемое обычно ставится в единственном числе, например: *Ряд столов стоял посередине комнаты. На столе лежало десять тетрадей* [1: 310].

На основании этих фактов, характерных как для агглютинативных, так и для флективных языков, можно приступить к глубокому изучению причин квантификации одного из ядерных элементов предложения, результаты которого должны способствовать синтезу научных концепций по объединяющим и разъе-

диняющим признакам и созданию контрастивной грамматики на материале языков народов Урало-Проволжья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Валгина Н. С. Современный русский язык: Учеб. для филол. специальн. вузов / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. – 5-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., 1987.

² Закиев М. З. Татарская грамматика: Синтаксис / М. З. Закиев / АНТ, Ин-т яз., лит. и ист. им. Г. Ибрагимова. – Казань, 1995, Т. 3.

³ Каркулова М. К. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учеб. пособ. / М. К. Каркулова, Б. И. Каракулов. – Ижевск: Издат. дом «Удм. ун-т», 2001.

⁴ Население мира: демографический справочник / Сост. В. А. Борисов. – М.: Мысль, 1989.

⁵ Современный коми язык: Синтаксис. Учеб. пособ. для высш. уч. завед. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967, Ч. 2.

⁶ Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. – М.: Науч. изд-во "Большая Российская энциклопедия", 1998.

Поступила в редакцию 20.01.2010 г.

A. N. Kuklin

Uniting and separating Features of languages of the Ural and Volga Polyethnic Regions.

The article deals with the methods concerning contensive typology applied for the interpretation of uniting and separating features of the languages of the Ural and Volga regions. The contensive typology operates with the methods of comparativistics and contrastive linguistics. That enables to take into consideration the intralingvistic factors and dialect data of cognate Finno – Ugric and the dialects of the Turkic and Russian languages in contact.

Key words: contensive typology, comparativistics, intralingvistic factors, systematic and non – systematic character of language proper.

Куклин Анатолий Николаевич,

д. филол.н., проф. Марийский госуниверситет,
директор финно-угорского института,

E-mail: ifu@marsu.ru; ninkamuz@rambler.ru

С. А. Мызников

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ СОСНЫ И ИХ РЕФЛЕКСЫ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

В северно-русских говорах рассматриваются слова прибалтийско-финского происхождения, особое внимание уделяется функционированию названий *сосны*.

Ключевые слова: севернорусские говоры, названия сосны, прибалтийско-финские слова.

Наименования сосны на финно-угорской почве уже рассматривались в известной работе I. N. Sebestyén 1943 (Sebestyén, 1943), в наше время – Ю. Э. Коппалевой (Коппалева, 2007), И. В. Бродским (Бродский, 2007).

В прибалтийско-финских языках имеется несколько наименований сосны, все они в большей или меньшей мере находят отражение в русских говорах как заимствованные или субстратные единицы. Естественно, что, войдя в русские говоры, эти наименования чаще всего не являются дублетными синонимами к общенародному слову «сосна», а характеризуют особенности сосны, произрастающей в различных местах.

Среди всех наименований можно выделить древние, отмечаемые во всех прибалтийско-финских языках и в большинстве финно-угорских: фин. *petäjä*, *honka*, *mänty*.

Одна из наиболее древних лексем, обозначающих сосну, с данными, представленными во всех финно-угорских языках: вепс. *pedai*, *pedei* 'сосна' (СВЯ, 405), фин. *petäjä*, кар. *petäjä* 'сосна, обычно большая и крепкая', лив. *petäi*, люд. *pedai* 'сосна', ижор. *pedäjä*, *pedäjäin*, водск. *petäjä*, эст. *pedajas*, *pedak*, эст. южн. *petäi*, ливск. *piedāg*, саам. *piece*, саам. швед. *petse* 'мясной или рыбный бульон, в который кладут заболонь сосны', ср. также морд. эрз. *p'itše*, мокш. *p'itše* 'сосна', мар. *pəndžə*, удм. *pužim*, коми *požem* 'сосна' (SKES, 534). Л. Хакулинен относит эту единицу к древней собственно финской лексике (Хакулинен, 2, 9). Ю. Э. Коппалева рассматривает фин. *petäjä* в ряду древних наименований растений, потерявших свою внутреннюю форму вследствие утраты второго компонента (Коппалева, 2007, 129). Причем лексема *petäjä* нередко участвует в спецификации наименований сосны: вепс. *kaŋaspedei* 'сосна, растущая на бору' (СВЯ, 177), *möiväspedei* 'сосна, с которой берут камбий' (СВЯ, 349), *sopedei* 'сосна, растущая на сыром месте' (СВЯ, 519), ливв. *lačšupiäpedäi* 'сосна с широкой низкой кроной' (СКЯМ, 175).

В смежных русских говорах отмечается лексема **педа'й** 'сосна' (Прионежский район Карелии) (СРГК, 4, 419), которую следует возводить к вепским источникам, исходя из ареала, формы слова и его семантики, ср. вепс. *pedai, pedei* 'сосна' (СВЯ, 405; SKES, 534; КЭСКЯ, 223). Хотя русская диалектная лексема вряд ли является устойчивой единицей лексикона, ввиду дублетности ее семантики, вероятно, ее следует трактовать как недавнее проникновение. В этом же ареале отмечаются микротопонимы вепского происхождения: **Педя'ник** 'пожня' Подпорож. (Усланка) Ленингр. (ПЛГО); **Педа'сельга** 'деревня' Прионеж.; причем микротопоним **Педя'ник** соотносится с вепс. *pedeik* 'сосняк, сосновый бор' (ПФГЛК, 72).

Также отмечаются во всех прибалтийско-финских языках следующие данные, номинирующие сосну: фин. *honka* 'большая старая сосна', *honka* 'обычно – лодка, изготовленная из двух выдолбленных сосновых стволов', ливв. *hongu* 'сосна', *hongoi* 'челн', люд. *hong*, 'сосна, прочная старая сосна', *hongoi* 'челн, лодка-долбленка', ижор. *honga, honka* 'высокая, гладкоствольная сосна', вепс. *hong* 'сосна', эст. *honga-puu, hongas-puu*, эст. диал. *ongas* 'большая старая сосна' (SKES, 80). Следует отметить, что данное гнездо фиксируется только на прибалтийско-финской почве уже у Агриколы (SSAP, 1, 172). Причем вепс. *hong* в настоящее время уже обозначает не просто сосну, а обычно сухую, высокую, высохшую на корню (СВЯ, 129).

Русские рефлексy весьма обширны и устойчивы в употреблении, так, например, лексема **хо'нга** наиболее близка к прибалтийско-финским этимонам: **хо'нга** 'сосна' Шенк. Арх. (Опыт); **хо'нга** «усохшая сосна» Пинеж., Мезен., Шенк. (Подвысоцкий, 184), «сухая сосна» Усть-Цилем. Коми АССР (КСРНГ), Мезен. (Погорелец) Арх. (КСРНГ, 1949), 'на корню высохшая сосна' Холмог. Арх.; **хо'нга** «крепкая древесина» Верхнетоем. Арх. (КСРНГ); **хо'ньга** 'засохшая на корню сосна' Примор.; **хо'нга** 'то же' Шенк., Виноград., Пинеж., Верхнетоем., Лешукон. Арх.; **фо'нга** 'то же' Краснобор. (ЛААО, 61); **хонжа** 'засохшая сосна' Онеж. (Кожпоселок) Арх. (КСРНГ, 1948). Следует отметить, что вепс. *hong* 'сосна (обычно сухая, высокая), высохшая на корню сосна' (СВЯ, 129), семантически совпадает с русскими диалектными данными. У тверских карел слово *honga* уже не соотносится с видом деревьев, ср. кар. твер. *honga* 'сухостой' (СКЯП, 56), при ливв. *hongu* 'сухостойная большая сосна' (СКЯМ, 72). На широком карельском материале у слова *honka* фиксируются сходные значения: 'сосна', 'крепкая и большая, также часто засохшая сосна', 'засохшее дерево' (KKS, 1, 307).

Более отдален фонетически от прибалтийско-финских источников вариант **ко'нга**, лексемы этого гнезда обычно фиксируются в значениях, указывающих на качество соснового дерева и его древесины: **ко'нга** 'крепкая мелкослойная смолистая сосна, растущая на сухом месте' Никол. Волог (Опыт), Волог., Перм. (Даль), Влад., Арх., Север. (СРНГ, 14, 245); 'береговая сосна, растущая на сухих почвах' Север (СРНГ, 14, 245); 'большое дерево с крепкой, высококачественной древесиной' Ср. Урал (СРНГ, 14, 245); 'плотная мелкослойная внутренняя часть хвойного дерева' Волог., Перм. (Даль); **конга** 'сосновый здоровый лес' Сольвыч. Волог., 1819. Волог. (СРНГ, 14, 245); **ко'нга** 'сухостойное дерево' Сев.-Двин., Ньюкс. Волог. (СРНГ, 14, 245), 'сухостойный хвойный лес' Волог. (Даль). **Конго'вье** 'сосновый лес, бор' (Даль), Уральск. (СРНГ, 14, 245). **Конго'вье** 'место, на котором растет бор' Перм. (Доп. Опыт).

Кроме того, вряд ли следует рассматривать изолированно вариант **ко'нда** 'сердцевина сосны' Верхов. Киров. (КСРНГ); **ко'нда** 'крепкая мелкослойная смолистая сосна, растущая на сухом месте' Никол. Волог., 1850. Волог., Свердлов., Иркут. (СРНГ, 14, 245-246); **ко'нда** «крепкая мелкослойная смолистая внутренность сосны от сердцевины до болони, имеющая красноватый цвет» Арх. (Опыт); «засохшая сосна или ель» Сольвыч., Ярен. Волог. (Опыт), «кряжистая сосна» Охан. Перм., 1854. Сев.-Урал. (СРНГ, 14, 246); **ко'нда** «крепкая мелкослойная смолистая древесина растущей в бору сосны» Пинеж. (Подвысоцкий, 70). Б. А. Серебренников сопоставляет эти данные с фин. *kanto* 'пень' (Серебренников, 1962, 33). М. Фасмер вслед за Я. Калимой считает, что в данном случае имеет место диссимилиация из **ко'нга** (см.), происходящего из фин. *honka*, род. п. *hongan* 'зрелая сосна' (Kalima, 1915, 238). Фиксация материала в восточной части Северо-Запада позволяет предположить прямое или опосредованное влияние коми языка, ср. коми *конда* 'сухая на корню, крепкая, частослойная, с малой заболонью, боровая сосна' (ССКЗД, 164), хотя считается что коми *конда* 'то же' заимствовано из русского языка (SYRW, 119; КЭСКЯ, 132-133; SSAP, 1, 172). При наличии в русских говорах варианта **хонга**, вполне вероятно его заимствование в коми языке (о субституции русск. [x] как коми [к] см.: Мызников, 2004, 358). Кроме того, в некоторых диалектах коми языка зафиксирован переход задненебного [г] > [д], что также может объяснить вариант **ко'нда** (ССКЗД, 463). Неприемлемо по фонетическим соображениям объяснение русск. слова из шв. *kåda* 'древесная смола' (Грот, 1876, 460). См. также Аникин, 2000, 300-301. Калима лексемы **конга** и **конда** рассматривает как варианты от **хо'нга**, как результат диссимилиации из * *гонга* (Kalima, 1915, 238).

Еще одно наименование сосны также широко представлено на прибалтийско-финской почве: фин. *mänty*, кар. *mändu* 'сосна', ливв. *mändö* 'редкослойная сосна', люд. *mänd*, водск. *mänty*, эст. *mänd* (SKES, 359). Для этой единицы также характерна спецификация значения - 'редкослойная сосна' или 'сосна с толстым слоем заболони', ср.: ижор. *mäntü* 'редкослойная сосна', кар. *mänty*, *männikkö*, *mäntö* 'сучковатая, редкослойная сосна, у которой много мягкой заболони', *männättšy* 'сучковатое редкослойное дерево', люд. *mänd*, *mändü* 'сосна', *mändätš* 'сосна, у которой толстая заболонь, небольшая сердцевина; она тяжелая и быстро тонет в воде', вепс. *mänd* 'сосняк, растущий на болоте', 'мягкая заболонь', вепс. *mändatš* 'слой заболони у хвойного дерева' (SSAP, 2, 193).

На русской почве лексема **мя'нда** также обычно обозначают сосну с толстым слоем заболони, растущую на сырых местах, ср.: **мя'нда** 'сосна с толстым слоем заболони' Вытегор., Медвежьегор., Кондопож., Прионеж., Сегеж., Плесец. (ПЛГО). Слово **мя'нда** часто представлено и в других сходных или смежных значениях: 'слой дерева под корой, заболонь' Вытегор., Прионеж., Пудож., Кондопож., Бокситогор. (ПЛГО); **мя'нда** 'моховое ягодное болото, иногда поросшее редким лесом' Вытегор., Бабаев., Белозер. (КСРГК); **мя'нда** «верхние слои сосны, темноватые и водянистые, а не смолистые» Верховаж. Волог.; «редкослойный, не на боровом месте растущий лес» Олон. (Опыт); **мя'нда** «растущая на низменных местностях мелкая сосна» Пинеж., Мезен. (Подвысоцкий, 95); **мя'нда** 'слой древесины, находящийся непосредственно под корой' Каргоп., Вытегор., Заонежье (Шуньга), р. Свирь (Куликовский); **мя'нда** «болотная, равно как и горная сосна, негодная на поделки» Петрозав., Пудож.,

Повен., Каргоп., Лодейноп. (Куликовский); **мя'нда** 'сосна' Волог., 1853. Олон., Арх.; **мя'нда** 'суковатая сосна' Олон. (Еремин); **мя'нда** 'чахлая болотная сосна (с плохой древесиной)' Устюж., Никол. Волог., 1847. Олон., Печор., Беломор., Усть-Цилем. Коми АССР; **мя'нда** 'сосна, растущая на низменных местах' Петрозав. Олон.; **мя'нда** 'низкорослая кривая сосна' Никол., Тотем. Волог.; **мя'нда** 'сосна с широкой, раскидистой кроной' Верхне-Тоем. Арх.; **мя'нда** 'молодая сосна' Мезен. Арх., 1870, Сев.-Двин.; **мя'нда** 'хвойное дерево с рыхлой древесиной' Беломор., Устьян. Арх., 'молоденькая ель' Сев.- Двин., Мезен. Арх., 'мелкая ель' Усть-Цилем. Арх.; **мя'нда** 'низкорослый сосновый лес (растущий в низких, болотистых местах)' Каргоп. Арх. Холмог. Арх., Вытегор. Волог.; **мя'нда** 'большой сосновый лес, растущий на возвышенном месте; бор' Ньюкс. Волог., 'редкослойное дерево' Каргоп. Арх., 'древесина хвойных пород' Петрозав. Олон., Капш. Ленингр. (СРНГ, 19, 85, 86); **мя'нда** 'сырой, рыхлый слой древесины' Соликам. Перм., Костром., 'слой древесины, расположенный непосредственно под корой' Волог. (Дилакторский), Вельск. Арх. (СРНГ, 19, 85, 86). Первая фиксация слова **мянда** отмечается в 1462 г. (Срезневский). В. Даль в словарной статье **мянда** указывал, что это слово карельского происхождения. А. Подвысоцкий делает помету – слово финское (Повысоцкий, 95). А. М. Шёгрэн, Я. К. Грот возводили его к фин. *mänty* 'сосна' (Шёгрэн, 1852, 171; Грот, 1876, 446). М. П. Веске на первое место также ставит фин. *mänty*, но приводит и эст. *mänd* (Веске, 1890, 83). Я. Калима, на наш взгляд, совершенно справедливо возводит диалектное русское слово к кар. *mändü*, люд. *mänd* (Калима, 1915, 171). Ю. И. Чайкина, опираясь на то, что в вепсском языке слово *mänd* бытует в двух значениях: 'рыхлая заболонь – обычно сосны', 'сосняк на болоте', – полагает, что в Белозерье это слово было заимствовано еще из языка древней веси (Чайкина, 1975, 32-33). Широкое употребление слово **мя'нда** в говорах Карелии, Вологодской области в форме, наиболее близкой к прибалтийско-финскому лексическому материалу, позволяет говорить о карельско-вепсской этимологии. Авторы SKES не видят возможности установить конкретный источник заимствования и говорят о его общем прибалтийско-финском характере (SKES, 359).

Если приведенный выше материал на прибалтийско-финской и русской диалектной почве базировался в основном на наименованиях сосны, то следующие данные имеют денотативную соотнесенность с качеством сосновой древесины, ср. **пи'нда** 'сосна с некачественной древесиной, толстым слоем заболони' Пудож. (Гакукса), Кондопож. (Лодмозеро) Карел, Подпорож. (Родионово) Ленингр., Плесецк. Арх. (КСРГК); **пи'нда** «сгнившая древесина всякого дерева» р. Онега (Куликовский); **пи'нда** «сосна» Вытегор., Пудож. (Куликовский); **пинда'ч** 'сосновые дрова' Пудож. (Пелусозеро) (КСРГК; СРГК, 4, 513). Следует отметить, что прибалтийско-финские источники имеют другую семантику: фин. *pinta* 'слой заболони в дереве', люд. *pind*, (мн.. *pindad*) 'поверхность (дерева, воды)', вепс. *pind* 'поверхность дерева, пригодная для шепания лучины', *pindakaz*: *pindakaz pedai* 'сосна, у которой толстый слой заболони' (SKES, 570). Причем на почве прибалтийско-финских языков концепт 'заболонь – мягкая клетчатка, находящаяся между корой и древесной частью дерева', имеет лингвогеографическую репрезентацию со следующей лексической манифестацией: фин. *ihvi, iho, jälsi, jältti, kesi, mahla, mählä, mähk, nila, nilka*, кар. валд. *mäzrä, kaarmehut*, ливск.

liiem, эст. южн. *määg*, эст. сев. *nähkes*, вепс. *möüväs* (ALFE, 2, 85-91), при отсутствии гнезда фин. *pinta*.

На прибалтийско-финской почве имеются также окказиональные единицы со значением 'сосна': вепс. *pihk*, *pihkad* 'сосна', 'сосняк', 'молодой густой сосновый лес', 'хвойный лес', 'густой смешанный лес', 'лес', при основной семантике - 'сосновая смола', фин. *pihka* 'смола', эст. *pihk* 'сосновая смола', кар. *pihka*, *pihku*, *pihk* 'смола' (SKES, 541). На русской почве представлены сходные материалы: **пи'хка** 'смола сосны, ели' Прионеж. (Заозерье, Суйсарь, Машезеро, Лехнаволоок), Кондопож. (Чеболакша, Горка, Гангозеро, Кулмукса, Лижма, Тулгуба) Карел. (ПЛГО).

В ряде случаев в семантике лексических данных выделяются те или иные стороны денотата: фин. диал. *saitta* 'длинная сосна, почти без сучьев', 'сухостойная сосна'; кар. сев. *šilo* 'ровная без сучьев сосна' (SKES, 1024); фин. *sorva* 'небольшая сухостойная сосна', саам. инар. *soarvi* 'сухостойная сосна' (SKES, 1083); фин. диал. *turikas* 'низкорослая сучковатая сосна' (SKES, 1419); фин. *turn* 'чахлая сосна' из сканд., ср. швед. диал. *tyrni* (SKES, 1458); фин. *kata* 'сухое смолистое сосновое дерево' из сканд., ср. швед. диал. *skate*, *skota* 'верхушка дерева', 'сухое смолистое сосновое дерево' (SKES, 170); саам. норв. *mal'gar*, *mal'gur*, саам. инар. *malgur*, *mal'ga* 'молодая сосна, у которой толстый слой заболони' (SKES, 330), при фин. *malka*, *malko* 'жердь, удерживающая соломенное или берестяное покрытие крыши', водск. *malka*, *malk* 'палка, жердь, например, на гребне крыши или на верху стога сена', из балтийских источников, ср. литов. *málka* 'поленья, дрова, поленница', латыш. *malka* 'дрова' (SKES, 330).

Иногда можно наблюдать расширение значения лексемы, когда, например, первичное наименование молодой ели распространяется и на сосну: фин. *näre* 'молодая ель', 'ель вообще', 'небольшая ель или сосна' (SKES, 414).

ПРИМЕЧАНИЯ

Аникин, 2000 – Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск, 2000. 768 с.

Бродский, 2007 – Бродский И. В. Названия растений в финно-угорских языках. На материале прибалтийско-финских и коми языков. СПб., 2007. 210 с.

Веске, 1890 – Веске М. П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. VIII. Вып. 1. Казань, 1890. 303 с.

Грот, 1876 – Грот Я. К. Слова областного словаря, сходные с финскими // Я. Грот. Филологические изыскания. СПб., 1876. С. 470–474.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Тт. 1-4. М.-СПб., 1880–1882 (2-е изд.).

Дилакторский – Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. Хранится в Картотеке СРНГ.

Доп. Опыт – Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.

Коппалева, 2007 – Коппалева Ю. Э. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск, 2007. 287 с.

- КСРГК – Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (хранится на факультете филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета).
- КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в ИЛИ РАН).
- Куликовский – Куликовский Г. И. Словарь областного олонекского наречия его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЭСКЯ – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- ЛААО – Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994. 235 с.
- Мызников, 2004 – Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004. 492 с.
- Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с.
- ПЛГО – Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).
- Подвысоцкий – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- ПФГЛК – Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. 158 с.
- СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972.
- Серебренников, 1962– Серебренников Б. А. О финно-угорских этимологиях в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера // Лексикографический сборник. Вып. V. М., 1962. С. 30–35.
- СКЯМ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск. 1990. 495 с.
- СКЯП – Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Гл. ред. А. С. Герд. Тт. 1-6. СПб., 1994–2005.
- Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Тт. 1-3. СПб., 1893–1912.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Тт. 1-41. М., Л., СПб., 1965–2007.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. 489 с.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тт. 1-4. М., 1964–1973.
- Хакулинен – Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч. 1, 2. М., 1953–1955.
- Чайкина, 1975 – Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 3–187.
- Шёгрэн, 1852 – Шёгрэн А. М. Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. СПб., 1852. С. 145–165.
- ALFE – Atlas Linguarum Fennicarum – Itämerensuomalainen kielikartasto. Т. 1. Helsinki, 2004. 464 s. Т. 2 Helsinki, 2007.
- Kalima, 1915 – Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- KKS – Karjalan kielen sanakirja. О. 1-6 // LSFU, XVI, 1-6. Helsinki, 1968–2005.
- Sebestyén 1943 – Sebestyén I. N. Fák és fás helyek régi nevei az uráli nyelvekben // Nyelvtudományi közlemények, LI, Budapest, 1941–1943.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. О. 1-7. Helsinki, 1955–1981.
- SSAP – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. О. 1-3. Helsinki, 1992-2000.
- SYRW – Wichman Y., Uotila T.E. Syrjänischer Wortschatz // LSFU. VII. Helsinki, 1942. 487 s.

Поступила в редакцию 28.01.2010 г.

S. A. Myznicov

Baltic and Finnish names of a pine – tree and its reflections in northern Russian dialects a special consideration is given to the functioning of the names of a pine – tree of Baltic and Finnish origin in northern Russian dialects.

Key words: northern Russian dialects, the name of a pine – tree, Baltic and Finnish words.

Мызников Сергей Алексеевич,

доктор филологических наук, профессор

Институт народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена

Заведующий кафедрой уральских языков, фольклора и литературы

E-mail: myznikovs@rambler.ru

А. Т. Липатов

**«ЮГОРНО» КАК ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС
И ПЕСНЬ О ВЕЩЕ ПУТИ
МАРИЙСКОГО НАРОДА**

В статье анализируется поэтическое творение Анатолия Спиридонова «Югорно», созданное на широком фольклорно-этнографическом материале марийского народа, отмечены особенности сюжетосложения, композиции и стиля, выделены наиболее значимые мотивы и сюжеты. Актуализирована значимость эпоса для дальнейшего развития марийской культуры и роста самосознания народа.

Ключевые слова: авторский эпос, марийский фольклор, эпико-героические мотивы, сюжеты, эпический стиль.

Финно-угорская эпика в начале XXI столетия получила достойное пополнение – большую эпическую поэму «Югорно», повествующую о вещем пути марийского народа (Спиридонов 2002). По своей сути «Югорно» – это полноценный народный эпос, поэтическая энциклопедия духовной жизни и исторических судеб марийского народа. Она органично вписывается в мировую эпическую традицию за многие столетия накопившую огромный опыт эпического и образно-поэтического воплощения деяний народов.

Народный эпос – это сама память народа, запечатленная в слове; это – волшебные поэтические родники многовековой народной мудрости, донесенной до нас многочисленными поколениями предков, – чаще всего это золотой клад мозаики, составленной из легенд и сказаний. Но должен появиться большой мастер слова, который соберет их воедино и оправит в дорожную раму по имени *эпос* (от др.-греч. *epos* – слово, рассказ, песня). Обязан же греческий народ своему великому сыну – слепому рапсоду Гомеру: это он, как волшебник-бисерник, подбирая слово к слову, из разрозненных чудо-зернинок сотворил единое величественное поэтическое полотно.

Еще в III в. до н. э. древнегреческий философ и историк-эпик Евгемер в своей утопии «Священная хроника» писал: «Мифология – это история, облаченная в одежду, сотканную из чудес» (Krahner 1837, 37; Любкер 1883, 383). Да, в народных эпических сказаниях сквозь волшебство вымысла проступает история. Более того, в каждой легенде, в каждом мифе или сказании, по словам большого знатока мифологии народов мира М. И. Стеблина-Каменского, «все-

гда наличествует та или иная правда, как бы ни была она труднопрощупываемой» (Стеблин-Каменский 1953, 6).

Видится нам сегодня тоже как единое целое величественный карело-финский эпос «Калевала», составленный финским фольклористом Элиасом Лённротом (1802–1884) на основе карельских, финских и ижорских рун, записанных от народных сказителей (1835). Лённрот объединил в эпопею разрозненные руны и внес в полотно сказания свои существенные дополнения. И попробуй разъедини их теперь и скажи, где тут слово от народа, а где от автора... А потом, опираясь на Э. Лённрота, эстонский фольклорист Фридрих Крейцвальд (1803–1882) создал эстонский эпос «Калевипоэг» (1857–1861).

Поэтическое творение Анатолия Спиридонова «Югорно» – это результат многолетних творческих исканий. Мир, отображенный в эпической поэме, прост и сложен; полный тайн и скрытых замыслов, он величав и загадочен, и, исполненный красоты, – звучащ и певуч; в нем легко дышится, далеко видится. Он оправданно избрал стиховой лад, ритмо-мелодику для своего творенья. Бунинская строфика и ритмо-мелодика переведенной им лонгфелловской «Песни о Гайавате» точно выражают песнопения волшебного сказителя-гуслияра Салия. Народная мудрость здесь облачена в обворожительно точные слова-находки. Слог вольный, как родной край, и просторный, как сама жизнь. Слову легко дышится в изящной, хрустальной мелодии стиха.

Повествование разворачивается в его фольклорно-замедленной степенности, как драгоценный свиток искристой народной мудрости. В эпосе – глубина и красота помыслов народных, выраженных по-особому емко и образно:

Но свою родную землю,
В душу вросшую корнями,
На две части, равных части,
Даже если очень хочешь, –
Не старайся, не расколешь, –
Как бы сильно ни желал ты,
А расколешь только сердце,
Эту землю покидая.

В «Югорно» мы встретимся с миром грез давно минувших времен, станем свидетелями поединка-схватки Добра и Зла. Из глубин памяти встанут, оживут перед нами персонажи, знакомые лишь по легендам и сказаниям.

«Югорно» – величественная песнь о великих предках. Под рокот самого времени о нем поет народный любимец Салий – «охотник славный, леса нашего хранитель и его законов древних». Беден он, «все его богатство лук и стрелы», а их всего-то три; но это целое богатство, поскольку имя им – Честь, Достоинство и Слава; они – его волшебный оберег и оберег самого народа. «А четвертое – Богатство – даже видеть не желает: ведь за ним идут другие – Жадность, Ложь, Позор, Измена». Но, как лед и пламень, несовместимы в жизни Добро и Зло, так и неминуем поединок между ними.

Многоцветную радугу сказаний А. Спиридонов оправданно – уже с самого зачина эпического песнопения – начинает разворачивать, обращаясь к поре легендарного Онара, великого прародителя всего марийского рода-племени, сына самого Юмо и богини Мландавы, владеющих Небом и Землю. А нынешние ветви древнего поволжского племени восходят к трем славным внукам

Онара: Акпатыру, что «в край лесной пошел, на тенистую Кокшагу»; Одо, что откочевал на север, «где теперь живут удмурты», и Чолпану, что подался на реки Белую и Каму... Им-то, великим предкам, и поют славу нынешние внуки Онара. И на всем временном пути дух великих предков наполняет силой все новых и новых народных героев.

Потому-то и переплелись в «Югорно» нелегкие судьбы. Потому-то столь густо заселен эпос «субъектами действия». Потому-то и противопоставлены тут непримиримо слава и бесчестье, любовь и ненависть, нежная чуткость-красота и жестокое коварство, суровая явь и колдовские чары. Здесь простые люди – охотник Салий и красавица Пампалче – выступают символом духовной красоты и величия самого народа. А с ними на стороне Добра Алмакай, «мудрец с Кокшаги», народные защитники – богатыри Чумбылат, Ненчык-патыр, воины Чучка и Чорай, смелый отрок Акмазик... А сила Зла олицетворяют хищный и жадный Пектемыр, он же Тюкан Шур, и коварное чадо «надмирных сил» Таргылтыш, принесший народу неисчислимые несчастья и беды.

И встает в сказочно-волшебном ореоле мелодий и стихов вещей путь народа, путь суровой борьбы Света с Мраком. На большом эпическом полотне у каждого слова-зернинки свое свечение, свои смысловые подголоски, – и крепче в них сила, когда те в добротной фразе звучат не врозь, а как воедино спаянные.

В «Югорно» суровая героиня сплавлена с солнечным светом любви, которую испытуют не только сердечной верностью, но железом и кровью. Светоносной эпикой пронизан сказ о Салие и Пампалче. Она – дочь старого «мельника» Орчамы, «что, судьбы вращая камень, намолол себе на старость лишь песочку у порога», а он – бедный охотник, что проложил тропку, «да не к дому, прямо к сердцу, сердцу девицы прекрасной». И хотя Салий по сердцу старику-отцу, но, чтобы взять Пампалче в жены, молодому охотнику придется откупить ее «у всего честного мира»; «так старейшины решили: если девушка владеет красотой всего народа, то народ ее красою вправе сам распорядиться». Тяжкий поход Салия за олно (выкупом за невесту), полный великих испытаний, подобно суровой борозде пролег по всему полю радости и бед народных. С этой темой тесно связана тема заговоренного золота («злого золота вувера») – символа людской алчности и раздора; именно из него люди в душе своей воздвигли золотого истукана, впустив в свое сердце самого Таргылтыша, усилив тем стократ зло на земле. Колдовские чары золота тяжкими цепями оплели-опутали всю округу. Обосновался Таргылтыш крепко на земле. И невоготу стало всему люду: кругом раздор, коварство, споры; очерствели людские души, окаменели их сердца. Но «отыскались те, кто поднял гнева нашего дубину»: собирается рать народная, вливаются в нее воины со всех земель марийских. А во главе рати – народные заступники Чучка и Чорай, а с ними Ненчык-патыр, что стал символом терпения народа.

Образно, словно мазками на полотне, рисует А. Спиридонов начало битвы с коварным Таргылтышем:

Вы слыхали гром осенний –
Странный гул при ясном небе,
Отдаленный, непонятный:
То ль гора сронила камень,

То ль земля вздохнула тяжко?
Это только отголосок,
Слабый отзвук древней битвы,
Что до нас доносит время,
Волны памяти доносят...

Но кровью омыла себя народная рать: в живых остался лишь иссеченный в сражении Ненчык-патыр, остальные полегли в неравной сече с заговоренным от смерти золотым вувером, в жестоком поединке Добра и Зла. И стала сама битва подобно кровавому пиру: «Пир окончен. Гости пьяны. Спят вповалку, где придется, и у каждого из сердца по стреле торчит каленой». Но «дело ратное бессмертно – будет жить, пока народ жив».

А туга и беды еще плотнее обступили земли сынов Онара, когда коварный Таргылтыш вступил в сговор с лукавым и жестоким князем Пектемыром, успевшим прибрать к своим рукам все лесные просторы «во все четыре стороны». Как некогда Мефистофель купил душу Фауста, так и дьявол Таргылтыш завладел душой Пектемыра.

А великие испытания следуют одно за другим. Усиливает Тюкан Шур свою лютость и ярость, но растет вместе с тем и полнится гнев народа. И именно Акмазику суждено свершить правый суд над Тюкан Шуром, стать народным освободителем. Знал Акмазик, что «он лишь искорка, а пламя разгорается в народе, раздуваемое ветром». И еще знал он: «смерти нет, коль точно знаешь, что с тобой идет победа!» И идет он в логово Тюкан Шура, сзывая по дороге народ за собою: «так он шел родимым краем: впереди звезда сияла, позади вставали люди». Смерть он нес с собой озыркану, смерть жестокому владыке... Так народ обрел свободу. Так при всех трагедийных перипетиях сюжетов у читателей «Югорно» остается ощущение счастливого завершения событий. Собственно, перед нами эпическая оптимистическая трагедия, жизнеутверждающий пафос которой фактически предопределен мировоззренческой концепцией народа, его видением мира.

Героическими эпосы называют потому, что в них герои не ведут себя обособленно и действуют не ради личной славы, а подчиняя свою волю, самих себя общенародному делу. Это не одиночки, не искатели приключений, но и не слепые исполнители, подчиняющие свою волю и индивидуальную самостоятельность сверхличным целям коллектива. Соотношение между индивидуально-героическим и коллективно-эпическим началами в эпосе, в котором полнота проявлений личной активности стихийно становится орудием проявления общенародного, национального начала, глубоко выявлено Гегелем: «...Подлинная эпическая поэма относится по существу своему к среднему времени, когда народ проснулся уже от тяжелого сна, а дух окреп в себе самом уже настолько, чтобы производить свой особый мир и чувствовать себя в нем как под родным кровом» (Гегель 1971: 427–428). И мы как бы включаемся в этот «особый мир», где легенда и явь срослись воедино, ошеломляя нас своей особенной самостью, непохожестью на нашу действительность и привычный нам кров, где мы живем, меряя на свой лад события далекого, воистину волшебного прошлого.

Обратим внимание еще на одно важное обстоятельство, а именно – на эволюцию места в эпосе повествователя-сказителя. Так, «для героического

эпоса характерно "абсолютизирование" дистанции между персонажами и тем, кто повествует; повествователю присущ дар невозмутимого спокойствия и "всеведения" (недаром Гомера уподобляли в новое время богам-олимпийцам), и его образ придает произведению колорит максимальной объективности» (Мелетинский 1987: 514). О «уравновешенной созерцательности» повествователя в героическом эпосе напоминал в своих философских штудиях и Ф. Шеллинг: «Рассказчик чужд действующим лицам, он не только превосходит слушателей своим уравновешенным созерцанием и настраивает их своим рассказом на этот лад, но как бы заступает место необходимости...» (Шеллинг 1966: 399).

Но в *народных* эпосах, по своей сути остающихся тоже героическими, позиция повествователя кардинально меняется: уже у Э. Лённрота в его «Калевале» просматривается отношение сказителя к описываемым событиям, его сопричастность к ним. Это нашло отражение и в народном сказании «Югорно»: за строками эпоса виден его сказитель, сын своего народа-племени; сказитель становится голосом и выразителем дум и мыслей самого народа.

В эпосе особая цена слову: яркое и полетное, оно вспыхивает, светится всеми звуками-красками. В языке эпоса пульсирует образность мышления и языкового лада самого народа: «И заплакали деревья, на траву роняя смолы – перламутровые слезы»; «Только все конец имеет и разумные пределы»; «Видно, ум чужой, как шляпу, примерять резона нету: он то жмет, а то просторен – никогда не по размеру». Знает народ:

Что блестит – еще не солнце,
Что молчит – еще не мудрость,
Что кругло – еще не счастье,
Что гладко – еще не правда.

Знать, у самого народа подслушал эту мудрость автор поэтического эпоса.

Как видим, стиль изложения эпической поэмы традиционно сказовый, но отнюдь не стилизованный: достигнута прочная слиянность авторской и народно-эпической манеры повествования. Эта тонкость, как видим, особенно заметна в богатстве метафористики и олицетворений, в раздолье образной перифрастики, – и все это строится по принципу общности впечатления, а не его индивидуальности, что присуще авторской поэтической речи. Скорее, индивидуально здесь только осмысление, коррекция народной тропеистики, которая под пером мастера слова начинает сиять новыми поэтическими гранями, что и придает эпосу новизну и особую прелесть – ощущение очаровывающей первозданности.

У эпической поэмы А. Спиридонова «Югорно» поистине судьбоносно-доброе начало: читатель ощутит ее эпичу и лиризм, обратясь к добротному исполненному переводу на марийский, сделанному А. Мокеевым, где сохранена вся красота поэтического оригинала. Поэтический тандем оказался удачным (Липатов 2002: 5-12).

Принадлежность эпической поэмы «Югорно» сразу к двум культурам и двум литературам выдвигает ее в разряд уникальных культурных явлений нашего времени – из тех, что, организуя вокруг себя новое художественное пространство, непременно вызовут всплеск творческой активности в смежных сферах культуры и искусства – музыке, театральной деятельности, живописи, книжной графике.

Воссоздание некогда утраченного народного эпоса – небывало значимое событие в истории марийской культуры с ее древними истоками и мудростью. С этих позиций создание «Югорно» – событие большого общенационального значения, преумножающее культурное достояние нашего Отечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Гегель Г. Ф.* Эстетика. Соч.: В 3 т. М., 1968–1971. Т. 3. 1971.
Липатов А. Т. Сказ о началах марийского эпоса // Спиридонов А. Югорно: Песнь о вещем пути. Эпос мари. Опыт синтеза. Йошкар-Ола: Марево, 2002.
Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. СПб., 1883.
Мелетинский Е. М. Эпос // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
Спиридонов А. Югорно: Песнь о вещем пути. Эпос мари. Опыт синтеза. Йошкар-Ола: Марево, 2002.
Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.-Л., 1953.
Шеллинг Ф. Философия искусств. М., 1966.
Krahner F. Grundlinien zur Geschichte der römische Staatsreligion. Berlin, 1873.

Поступила в редакцию 29.01.2010 г.

A. Lipatov

Poetic work “Yugorno” by Anatolii Spiridonov created on the basis of wide folklore- ethnographic material of Mari people is analyzed in the article. Features of plot building, composition and style are marked, the most important motives and plots are emphasized. Epos significance for the further development of Mari culture and growth of people’s self-consciousness is actualized.

Key words: author's epos, Mari folklore, epic-heroic motives, plots, epic style.

Липатов Александр Тихонович,
доктор филологических наук, профессор
ГОУ ВПО «Марийский государственный университет»

Г. Н. Шушакова

МОДИФИКАЦИИ ФОЛЬКЛОРНО- ЭПИЧЕСКИХ ГЕРОЕВ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

Статья посвящена фольклорно-эпическим типам героев с функциями культурных деятелей в удмуртской эпической литературе в историческом развитии, особенно в современных лиро-эпических повествованиях.

Ключевые слова: удмуртский фольклорно-эпический герой, типы культурных героев, эпическая литература, эпический повествователь.

Фольклорно-эпический герой в традиционной культуре многозначен в своих проявлениях. Он выражает как архаичные представления, относящиеся к периоду мифотворчества, так и последующие глубокие и возвышенные идеи народного сознания. С его образом связаны мотивы мироустройства, консолидации рода, защиты родной земли, родного народа. На протяжении многих веков фольклорные образы выполняли свою высокую миссию – пробуждения к светлым чувствам, позитивным помыслам и настроениям в душе народа, вдохновляя на творческую созидательность, развитие доброго, светлого начала в жизни.

Тип героя, «...который добывает или создает для людей различные предметы культуры (огонь, культурные растения и т. д.) учит приёмам, ремеслам, вводит определённую социальную организацию, брачные правила, магические предписания, ритуалы и праздники» определен в научной литературе как «культурный герой» [2]. У разных народов отчетливо выделяются три типа культурных героев: тотемный первопредок, Бог-Творец и богатырь. В той или иной модификации они характерны и для удмуртской устной эпической традиции.

В образе тотемного первопредка чаще выступает медведь, выполняющий функции прародителя и продолжателя рода. Образ Бога, как культурного героя, выступает в единстве с первопредком-демиургом, творцом и представлен в трёх разновидностях: Инмар, Кылдысин, Куазь с определённой функцией. Удмуртский Инмар (Бог) – это творец вселенной, создатель людей и всей живности. Богу Кылдысину принадлежит функция создания культурных предпосылок, упорядочивания жизни и деятельности людей. Бог Куазь совершает культурные деяния, распределяя дождь и засуху. Эпический богатырь в удмуртских преданиях осуществляет моделирование родо-племенного коллектива. Удмуртские эпические богатыри заселяют необжитые места, основывают городища – кары

(богатырь Донды основал Дондыкар, богатырь Идна – Иднакар). Они закладывают основы жизненно важных видов деятельности: охоты, земледелия, строительства, торговли. Эти функции наиболее четко обрисованы в эпическом цикле сказаний северных удмуртов.

Богатырский цикл преданий южных удмуртов на первое место выводит боевые качества и действия героев: защиту родной земли от иноплеменников, состязания между собой и с мифологическими героями-противниками. Можга батыр, Бурсин батыр, Янтамыр батыр являются предводителями удмуртских родов, они мужественно борются с внешними врагами, защищая соплеменников.

В фольклорных текстах встречается антипод культурного героя или антигероя, выполняющий функции трикстера, в качестве такого космического дублёра в удмуртских эпических текстах выступает персонаж – шайтан.

С развитием общественно-социального мироустройства названные типы героев претерпевают трансформацию. На первое место выходит герой сказки – ловкий, отважный, хитрый, мудрый, добрый борец за справедливость в обществе. Культурные деяния сказочного героя носят уже не космический характер, а чаще узко социальный, частный.

С появлением письменной культуры и переходом от фольклорного сознания к художественному коллективное творчество уступает место индивидуальности писателя. Однако в новых условиях архаическое сознание продолжает активно функционировать, естественно в модифицированных формах. Теория архетипичности литературных героев разработана Е. М. Мелетинским [1].

Рассмотрим развития эпических типов героев с функциями культурных деятелей в удмуртской эпической литературе, чтобы отметить наиболее характерные тенденции. Среди удмуртских писателей попытку художественно осмыслить эпическое прошлое одним из первых предпринял Кедр Митрей (Д. И. Корепанов), в 1912 г. создавший трагедию на русском языке «Эш-Тэрек» и впоследствии развивший ту же тему на удмуртском языке в жанрах трагедии «Идна-батыр» (1924) и поэмы «Юбер-батыр» (1924). В 20-е гг. богатырская тема отразилась также в двух поэмах И. Яковлева: «Янтамыр батыр» и «Вормонтэм батыр» (Непобедимый богатырь). Во всех текстах образ богатыря-предводителя, выполняющего функции социального устроителя и защиты сородичей. Особенностью произведений 1920-х гг. являются замена мифологических мотивов реалистическими и историческими, а также исключение архаичных элементов из народных сказаний.

В конце XX в. в творчестве удмуртских писателей Петра Захарова, Егора Загребина, Вячеслава Ар-Серги и художника Валентина Белых возродился интерес к устной эпической традиции. К этому времени (1987) впервые была опубликована «Песнь об удмуртских батырах (Из народного эпоса удмуртов: Песни, сказания...)» М. Г. Худякова, созданная им на русском языке ещё в 1920-е гг. и долгое время пролежавшая в архиве. С коренными переменами в социально-политической жизни страны началось национальное возрождение культуры и языка народов России, возвращение к своим истокам – мифологии и эпосу, в результате чего рубеж XX–XXI веков в удмуртской культуре характеризуется появлением эпических полотен. Эпическая песня М. Г. Худякова «Песнь об удмуртских батырах...» была переведена на удмуртский язык, причем последова-

тельно – В. Ванюшевым («Дорвыжы», 2004) и В. Шибановым («Век Кылдысина», 2008).

Наряду с этим В. Ванюшев как поэт осмысливает прошлое удмуртского народа в поэме «Как будто Книга бытия (На Иднакаре)» (2005). Основу сюжетной канвы составляют размышления повествователя о прошлых временах. Предпосылкой создания поэмы послужили ценные научные открытия удмуртских учёных-археологов на древнем городище «Иднакар». Поэтическим воображением автор создаёт новые сюжеты, воссоздаёт картины прошлой жизни, он «оживляет» историю.

Автор-повествователь выступает от лица своего народа, чтобы духовно возродить на Иднакаре древнее священное место моления – куалу. И возродится Молитва-Силы, символ духа народа, окрепнет, обретёт новые оттенки и даст возможность удмуртскому народу окрепнуть и процветать в будущем.

И все удмурты, сколько их ни есть,
Храня заветы прошлого, как честь,
Воспримут, словно дар, благую весть:
Вернулась, вновь Молитва Силы с нами!
Покуда мы сплетаемся корнями –
Нас не склонить в ярмо и не извести!

(Здесь и далее перевод А. Демьянова)

Воссоединение эпох и времен – таков результат размышлений автора, повествующего о прошлом и одновременно думающего о лучшем будущем и лучшей доле своего народа. Эпические герои, память о них – важный залог связи времён и надежды.

Наряду с эпической канвой поэма содержит размышления лирического героя – связующего звена прошлого и настоящего:

Без Кылдысина множатся печали
И жито иссыхает на корню...
Явись, о Кылдысин, яви лицо
Народу своему, земле удмуртов!

Лирический герой напрямую обращается к Идне, батыру (богатырю) древних племен, и смело ведет с ним диалог, просит открыть тайны древней Земли, уверяя, что нынешнее поколение людей уже готово воспринять и оценить всё по достоинству, ибо сила древних подкрепляет его, питает и одухотворяет.

Наш слух прилежен –
Говори, Идна,
О мирных днях творения,
О бое...
И снова станет
Стать твоя сильна,
И станем мы сильны –
Тобою!

В основу лиро-эпического повествования А. А. Перевозчикова «Эпическая песня о Донды богатыре, его сыновьях и об Уйпери» (2006) положен сюжет из народного эпоса о богатыре Донды, сегодня наиболее популярного в удмуртской культуре. Автор не меняет содержания, ни функциональной значимости эпического героя. Его Донды узнаваем, имеет те же черты, что в народном эпосе, но сюжетно в повествование привнесено много своего, как, например, введение мифологического противника – Уйпери.

В 2008 г. новый удмуртский эпос «Тангыра», представил читателям ученый-лингвист М. Г. Атаманов (Эграпи Микаль). Это эпическое полотно отличается и содержанием, и манерой повествования. В основе сюжета – исторический путь расселения известной воршудно-родовой группы удмуртов Эгра. Взаимоотношения удмуртских родов, столкновения с внешними врагами изображены на основе научных разысканий лингвистов, этнографов, археологов и историков. Автор-сказитель имеет ясную позицию и открыто выражает отношение к изображаемому событию. Сам автор эпоса – носитель традиционной культуры, он импровизирует и восстанавливает в памяти удмуртские песни и другие фольклорные жанры. В эпосе «Тангыра» представлены все типы эпического героя, начиная от героев, окрашенных мифологическим содержанием, до носителей и распространителей христианских ценностей.

Таким образом, в современной удмуртской литературе эпические полотна на основе фольклорно-мифологических сюжетов занимают достойное место, в них предстают узнаваемые типы «культурного» эпического героя со всеми присущими качествами преобразователя мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994.

² Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 25.

Поступила в редакцию 25.03.2010 г.

G. N. Shushakova

Modifications of folklore and epic characters in literary narration.

The article is devoted to folklore and epic types of characters with of the functions of cultural figures in udmurt epic literature in its historic development in modern lyric and epic narrations.

Key words: Udmurt folklore and epic character, types of cultural characters, epic literature, epic narrator.

Шушакова Галина Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент

ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск,

ул. Университетская, 1

В. М. Ванюшев**ПУЦЕК-ГРИГОРОВИЧ, ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ
И ПЕРВЫЕ СТИХОТВОРНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ
НА УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ**

Исследование выполнено в рамках комплексного интеграционного проекта УрО РАН «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте: XVIII – начало XX в.».

С именем Василия (Вениамина) Пуцек-Григоровича связано не только обучение удмуртских детей для миссионерско-просветительской работы среди соплеменников, но и издание первой грамматики удмуртского языка (1775), и публикация первых стихотворных произведений на удмуртском языке. Анализ текстов приветственных речей и од, созданных на случай приезда Екатерины Второй в Казань, помогает по-новому взглянуть на эти памятники удмуртской словесности.

Ключевые слова: миссионерско-просветительские работы, первая грамматика, анализ текстов, памятники удмуртской словесности.

Известно, что первые две публикации стихотворных текстов на удмуртском языке состоялись во второй половине XVIII века. Одно из них («Маез сётй[д]¹ вичак [ышемъёслы] тон милы...» – «Всё, что ты дала нам, всем заблудшим...»), прочитанное удмуртом, учащимся Казанской новокрещенской школы, было напечатано в 1769 г. в Санкт-Петербурге в сб. «Духовная церемония, производившаяся во время всевожденнейшего присутствия Ея Императорского величества Екатерины Вторыя в Казани», содержащем речи на случай посещения города на Волге императрицей в 1767 г. Другое стихотворение («Уг шедьтйськы таёе жеч шумез [шумпотонэз]...» – «Не нахожу такой доброй радости...»), прочитанное учащимся-удмуртом Казанской духовной семинарии в 1781 г., напечатано в 1782 г. в Москве в сб. «Сочинения в прозе и стихах на случай открытия Казанского наместничества в публичном собрании на разных языках говоренныя в тамошней семинарии 26 дня 1781 года». Оба текста ввела в научный оборот и проанализировала Тамара Ивановна Тепляшина в своей книге «Памятники удмуртской письменности XVIII века», (издана Институтом языкознания АН СССР в 1965 г.²). С тех пор, говоря об этих публикациях, исследователи ссылались на ее оценку и довольно негативно интерпретировали оба текста³. Давно пора оценить их по достоинству. Ввиду отсутствия правил удмуртского письма,

существовавших диалектных различий в фонетике и значениях отдельных слов, а также возможных типографских ошибок при первой публикации, исследователям нелегко было прочесть тексты адекватно их содержанию. Мешали и идеологические барьеры: в стихотворениях говорится о добрых делах императрицы.

Остановим свое внимание на первом из этих произведений. Т. И. Тепляшина привела его в том виде, как оно было напечатано в книге «Духовная церемония...», затем – свое прочтение в транскрипции и свой подстрочный перевод на русский язык. Транскрибированный ею текст в переводе нами на кириллицу выглядит следующим образом:

*Маез сѣтй[д]⁴, вичак ишизна (?) тон милы
Лэсьтйид, ма(лы) йыбырт[t]ом бадъым ми инмарлы.
Солы теныд тау, муми мнам, верасько,
Уно улны тэныд инмар сѣт[,] курисько.*

С точки зрения канона силлабо-тонического стихосложения всё здесь выдержано. Стихотворение написано шестистопным ямбом, рифмовка парная. В структурном строе предложений чувствуется заметное влияние русского языка, особенно в сложноподчиненных конструкциях. Несомненно сказалось отсутствие традиций удмуртской письменности: стихотворение появилось до публикации первой удмуртской грамматики (1775). Содержание его осталось довольно туманным. Решительно не поддалась расшифровке первая строка. Не случайно Т. И. Тепляшина и в оригинале, и в подстрочном переводе поставила свои знаки вопроса:

*Что дано (нам), целиком безвозмездно (?) ты для нас
Создала, за что поклонимся великому мы богу,
Поэтому тебе спасибо, матушка моя, говорю,
Много жить тебе бог дай [,] прошу⁵.*

Стихотворение переводилось на русский язык и ранее – Николаем Ивановым, талантливым учеником Н. И. Ильминского, и опубликовано в Казани в книге профессора-миссионера «Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки» (1889)⁶. В сопоставлении с содержанием стихотворений, прозвучавших на той же церемонии из уст учащих новокрещенских школ на татарском, марийском и других языках, этот перевод выверен и потому считается наиболее верной расшифровкой текста, опубликованного в свое время с явными ошибками⁷. Перевод Н. Иванова звучит так:

*Всё, что ты дала нам, заблудшим,
Сделало то, что мы поклонились великому богу.
За это тебе благодарность, мать наша, говорим,
Долго жить тебе, дай бог, просим⁸.*

Как видим, переводы по сути адекватны: тот же мотив «матери Отчизны», те же благодарные поклоны великому Богу и благопожелания императрице, прозвучавшие во время многих поездок Екатерины Второй в разные города России. Иначе выглядит лишь стиховое оформление.

До сих пор предполагалось, что был какой-то единый оригинал на русском языке, с которого учащиеся-«инородцы» и переводили на свои языки⁹. Однако недавно обнаруженные нами переводы этих стихотворений на другие языки показывают, что тема и тональность в них одинаковы, но образное решение различно. Например, текст, прочитанный учащимся-марийцем, обращенный к Екатерине Второй, звучал так: «Ты нас нашла как пропавшего человека. Ты нас нау-

чила как своего сына. Ты нас оставила нам самим. Мы учимся. За это даст Бог здоровья тебе, говорим»¹⁰. Скорее всего, задание было дано – написать стихотворение на одну тему, а словесное творчество принадлежит самим учащимся.

К этой мысли приводит сопоставление и других разноязычных стихотворных опытов учащихся, опубликованных в книге «Сочинения в прозе и стихах на случай открытия Казанского наместничества...»¹¹, к созданию и выпуску которой (так же, как и первой) прямое отношение имел В. Г. Пуцек-Григорович.

В письме к князю А. А. Вяземскому от 1 января 1782 г. митрополит Казанский Вениамин, он же ректор Казанской духовной семинарии В. Г. Пуцек-Григорович, сообщил, что открытие Казанского наместничества «за помощью Божию и счастием Ея Императорского Величества благополучно к общему благосостоянию совершилось»¹². Заканчивается письмо представлением Его Сиятельству сочинений учащихся семинарии и других лиц, участников торжеств: «...имею честь поднести один экземпляр, прося всепокорно сии посильные знаки усердия моего удостоить милостивым принятием»¹³.

Открытие наместничества (или установление местного самоуправления) в 1781 г. было поистине великим событием не только для города, но и всего Казанского края, или Казанской страны, как говорилось в речах некоторых выступавших на торжественной церемонии. Не случайно оно вызвало всеобщее ликование. «И так довольную имеешь, о Казань! причину, изъявлять приличное толь вожделенному случаю торжественные внутренняго твоего веселия знаки, – говорилось в одной из речей в стиле той же барочной пиитики, что и в приветствиях Екатерине Второй в ее поездках. – Перестань отсель завидовать счастливому жребию сверстных тебе градов, предваривших воспрять на себя благотворныя лучи от востока Монарших попечительных судеб. Се ныне озаряет и тебя с причетными тебе грады, и веси толь желанный свет премудрых Ея уставов» <...>¹⁴. Высказывалось представление о наступлении в Казанском крае утопического нравственного благоденствия, прямо-таки сказочного всеобщего блага. В семи речах на русском, латинском, греческом, татарском языках, в трех кантах, опубликованных с нотами, в оде, в стихотворениях на русском, латинском, немецком, татарском, чувашском, мордовском, марийском и удмуртском языках участники публичного собрания благодарили Августейшую Монархиню, посаженную на Российский престол самим Богом, по велению Всевышнего заботящуюся о духовном здоровье и просвещении народов, своим мудрым и благочестивым решением установившую Казанское наместничество. В речах на своем уровне, в привычном для себя стиле и формах, участники собрания, нередко обращаясь к цитатам из Библии, поднимали проблемы поистине всероссийской значимости, касающиеся вопросов и государственного управления, и религиозной веры, и просвещения, и права, и морали. В этом хоре голосов звучали и удмуртские слова. Приведем их в том виде, как они напечатаны в «Сборнике материалов по истории Казанского края в XVIII в.»:

*Укъ шеттыськы таче зець потонь шумесь:
Тасяно виль дауришумь потысесь
Кутьдырья уань даженыхъ воз(ь)матыськомь
Инмар ужесь милям Эисей анайлысь ужьяськом,
Возьматыслысь милемлы шонеръ Терезь,
Алемъ воцякъ адамлысь кшандыресь
Кудысь понна митаче шумъ адзиса*

Въ еяс(ь)комъ инмарлы
 Сомедъ та солысь али потысь ужесь юнматтыса
 Ми понна сое воз(ь)матос зецлы¹⁵.

Т. И. Тепляшина расшифровывает этот текст следующим образом:

Уг шедьтйськы та́че зеч шумез,
 Та сяна виль даур шумпотйсьез,
 Куддыръя ми уань гажанэз возматйсьском,
 Инмарез ужез милям эксэй анайлйсь ушьясьском.
 Возматйсьльйсь милемлы шонер төроез
 Алэм вочак адямилйсь ишандырез.
 Кудйиз понна ми та́че шум адзйса,
 Вöсьясьском (тыршыса) инмарлы,
 Со мед та солйсь али потйсь ужез юнматыса,
 Ми понна сое возматоз зечлы¹⁶.

А ее собственный подстрочный перевод на русский язык данного варианта стихотворения выглядит так:

Едва ли можно найти (букв. не нахожу) такое важное торжество (букв. добро изливающее настроение)
 Чем это новое ликование,
 Во время которого всё уважение мы выражаем.
 Божеские дела нашей государыни восхваляем,
 Осуществляющей (букв. указывающей нам) нами справедливое руководство,
 Уберегшей (букв. предупредившей) всех людей от несчастья,
 За которое мы, испытывая такую радость,
 Молимся усердно богу,
 Чтобы он, теперь от нее государыни исходящее дело укрепил,
 Ради нас это дело направил на добро¹⁷.

Признавая приоритет Т. И. Тепляшиной в расшифровке первых публикаций стихотворений на удмуртском языке, мы полагаем возможным предложить несколько иное прочтение отдельных мест этого текста. Считаем, что вариант, представленный в «Сборнике материалов по истории Казанского края в XVIII в.», несколько изменив расстановку знаков препинания, падежные формы некоторых лексем, иногда поменяв словоразделы и добавив в скобках свои разъясняющие слова, возможно в сегодняшнем удмуртском правописании представить следующим образом:

Уг шедьтйськы та́че зеч потон шумез (шумпотонэз),
 Тае сяна, виль даур шумпоттйсьез,
 Ку дыръя ми вань гажаммес возматйсьском,
 Инмар ужзэ милям Эксэй-Анайлэсь ушьясьском,
 Возматйсьльэсь милемлы шонер Төроез (Кивалтонэз).
 (Со) алэм вочак адямилэсь (вань калыклэсь) ишандырез (кöшкемыт вакытэз),
 Кудйиз понна ми та́че шум адзйса (шумпотыса)
 Вöсьясьском Инмарлы,
 Со мед, солэсь та али потйсь ужзэ юнматыса,
 Ми понна сое (улонамы) возматоз зечен.

Предлагаем и свой подстрочный перевод этого текста:

Не нахожу такой доброй радости,
 Кроме этой, новой радости века,
 Когда мы выражаем всё свое уважение,
 Божественные дела нашей Государыни прославляем,

*Показывающей нам праведное Правление,
Оно предотвратило от всех людей кошмарные времена [ишандырез],
За которое, испытывая такую радость,
Молимся Богу,
Пусть Он, укрепив Ее нынешние дела,
Ради нас явит их добром.*

Такое содержание стихотворения соответствует и прозаическому переводу его на русский язык, предложенному первыми публикаторами, который звучит следующим образом: «С настоящим нашим торжеством едва может другая каковая либо радость сравниться. Ибо Всемилостивейшая наша Монархия к возстановлению общаго блага, к прекращению же всякаго зла учреждает премудрые законы. Из сего почерпая необычайную радость просим небесных стран Владыку, дабы сих Монархини нашей спасительных узаконений исполнение соотвествовало Ея божественным начинаниям»¹⁸.

Это стихотворение уже более значительно по содержанию и сложнее по форме, нежели опубликованные в книге «Духовная церемония...». Да и написано оно, как и другие, вошедшие в книгу 1782 г., учащимися не новокрещенских школ, а духовной семинарии. Сопоставив стихотворный вариант и прозаический перевод, можно предположить, что первоначальное содержание было изложено в прозе. Этот вариант более сложен в смысловом отношении. Отсюда проистекает и другое предположение. Написанные В. Г. Пуцком-Григоровичем или другими педагогами прозаические тексты на русском языке, скорее всего, были предложены учащимся-«инородцам», чтобы они переложили их в стихи на своих родных языках¹⁹. И они неплохо справились с заданием. Судя по подобным переводам этого и других стихотворений семинаристов на русский язык, произведения обладают значительной эмоциональной энергией, базирующейся на общественно значимых проблемах. Екатерину Великую и в Казани, и в других российских городах прославляли действительно за праведные дела – как Императрицу, своею властью укрепляющую единство всех земель и народов огромной империи, за ее православную идентичность и за просветительские устремления, в том числе и в отношении так называемых «инородцев» – нерусских народов России. Территориальное и общественно-проблемное пространство Казани и края при этом, естественно, оказалось в фокусе всех речей, включая стихотворных. Во многих обобщающих образах заключены и вполне конкретные, понятные слушателям деяния правительницы. В упоминании о предотвращении кошмарных времен («ишандыр») они улавливали связь с недавним усмирением стихийного бунта крестьян под предводительством Е. И. Пугачева. Главным мотивом звучала, конечно, всеобщая радость по поводу открытия Казанского наместничества, но в каждом стихотворении – по-своему. Сравним русские прозаические варианты стихотворных строк на мордовском и чувашском языках. Первое из них: «*Не можно нам в сие благополучное время не чувствовать радости. Ибо Великая Государыня наша храня нас яко детей, старается о существенном нашем благоденствия. Чего для предприяла и в Казани основать дом правосудия, как и в прочих градах. Сим теперь поздравляя Вас, желаем здравствовать нашей Государыне безвредно*»²⁰. И второе стихотворение, прочитанное на чувашском языке: «*Неудобовверному Еврейскому народу через Моисея дан был закон от Бога при горе Синайской с грозным и ужасным действием: ныне же манове-*

нием того же существа Премудрая наша Монархиня спасительные свои законы вводит и учреждает кротко и снисходительно, что всех Ея верноподданных возбуждая к радости и вечной благодарности движет наш дух и уста приветствовать Вас достопочтенное собрание! сим благополучным происшествием с таковым усердствовать: да воздаст сторично Великодаровитый Бог Виновнице нашего щастия временная и вечная блага»²¹.

Эти примеры подтверждают наше предположение, что не было единого исходного русского оригинала, с которого бы все переводили на свои родные языки.

Литературные памятники XVIII в. явились истоком светского направления в развитии духовной культуры удмуртов, которая прежде проявляла себя только в устно-поэтических формах. Они показали, что с помощью русского алфавита, основываясь на опыте тонического и силлабо-тонического стихосложения в русской литературе открывается возможность создавать письменную поэзию на удмуртском языке.

Этим их роль в духовной культуре России не исчерпывается. Историки подчеркивают: «Авторитет императорской власти как архетип традиционного сознания в немалой степени поддерживался этими речами, словами, одами, кантатами»²². По своему идейно-эмоциональному содержанию стихотворения вписываются художественные искания русской словесности, заложенные Феофаном Прокоповичем и М. В. Ломоносовым. В Казани особенно сильно было влияние направлений просветительской деятельности Киевской духовной академии. В Казанской духовной семинарии пользовались некоторыми учебниками, созданными Ф. Прокоповичем. М. В. Ломоносов пропагандировал идеи мирного процветания под руководством просвещенных монархов, заботящихся о «блаженстве» подданных, о процветании экономики и культуры страны. Историки многонациональной литературы России отмечают, что именно выпускники Киевской академии, выдающиеся деятели российского Просвещения, разделявшие идеи просвещенного абсолютизма, В. Г. Пуцек-Григорович, Д. С. Семенов-Руднев (Дамаскин), ученик и последователь первого из них Емилъ Рожанский, разработали научные основы письменности на основе русской графики, национально-русского речевого общения, наметили пути дальнейшего развития многовекового культурно-исторического процесса, «что открыло народам Поволжья и Урала доступ к сокровищницам мировой культуры»²³.

История возникновения и становления удмуртской литературы обнаруживает типологически общие черты со сходными процессами в литературе народов региона²⁴. Выявлено, что истоки письменной словесной культуры удмуртов, коми, марийцев, чувашей были определены логикой развития российского Просвещения с его научно-познавательной и идейно-нравственной направленностью, впитавшего в себя высокую духовную культуру Древней Руси и идейный потенциал новой русской культуры²⁵. В связи с осознанием этого «меняется масштаб понимания и оценка проблемы истоков литературы поволжско-уральских народов, рассматриваемых в тесном единстве с культурой мирового средневековья и в рамках европейской культуры Нового времени»²⁶, – как пишет известный философ и историк литературы Р. Ф. Юсуфов. Таким образом, понимание и интерпретация первых стихотворных произведений на удмуртском

языке, значительно меняются, когда они прочитываются не обособленно, а в контексте историко-культурной среды, в которой они родились.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее в квадратные скобки заключены буквы, знаки и слова, добавленные или измененные нами. – В. В.

² *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века / Т. И. Тепляшина; АН СССР. Ин-т языкозн.; Отв. ред. В.И. Лыткин. – М., 1965. – Вып.1.

³ См., напр.: *Ванюшев В. М.* Истоки удмуртской советской литературы В. М. Ванюшев, П. К. Поздеев, А. Н. Уваров // История удмуртской советской литературы: В 2 т. / Рук. автор. кол. В. М. Ванюшев; ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, НИИ при СМ УАССР. – Устинов: Удмуртия, 1987. – Т. 1. – С. 21.

⁴ В круглых скобках даны дополнительные знаки Т. И. Тепляшиной, в квадратных – наши. – В. В. (Из-за наличия букв с надстрочными знаками в стихотворениях на удмуртском языке здесь и далее эти тексты набраны шрифтом TimesUSD. – В. В.).

⁵ *Тепляшина Т. И.* Указ соч. С. 225.

⁶ *Ильминский Н. И.* Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки / Н. И. Ильминский. – Казань, 1883. – С. 342–343.

⁷ См., напр.: *Ванюшев В. М.* Истоки удмуртской советской литературы В. М. Ванюшев, П. К. Поздеев, А. Н. Уваров // История удмуртской советской литературы: В 2 т. / Рук. авторск. кол. В. М. Ванюшев; ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, НИИ при СМ УАССР. – Устинов: Удмуртия, 1987. – Т. 1. – С. 20–21.

⁸ Там же. С. 21.

⁹ См., напр.: *Ванюшев В. М.* Истоки удмуртской советской литературы В. М. Ванюшев, П. К. Поздеев, А. Н. Уваров // История удмуртской советской литературы: В 2 т. / Рук. авторск. кол. В. М. Ванюшев; ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, НИИ при СМ УАССР. – Устинов: Удмуртия, 1987. – Т. 1. – С. 20.

¹⁰ См.: *Ибнеева Г. В.* Речи духовных лиц на приезд императрицы Екатерины II Г.В. Ибнеева // Материалы IV научно-практической конференции «Современный мир, богословские и гуманитарные науки / Секция истории. <http://kds.eparhia.ru/bibliot/konfer/istor/ibneva>. – С. 4.

¹¹ Сочинения в прозе и стихах на случай открытия Казанского наместничества в публичном собрании на разных языках говоренныя в тамошней семинарии декабря 26 дня 1781 года. – М., 1782. За неимением под руками данного издания мы пользовались вариантом, созданным не только на основе печатного текста названной выше книги, но и рукописных экземпляров (выверяя по ним, уточняя отдельные фразы), один из которых был прислан Митрополитом Казанским Вениамином в качестве приложения к своему письму в Санкт-Петербург от 1 января 1782 года доверенному лицу Екатерины Второй, князю А. А. Вяземскому, другой получен редакцией «Известий Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете» из личной библиотеки П. Ф. Симсона, находившейся во Ржеве. См: Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в., изданный под руководством профессора Д. А. Корсакова // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань, 1908. – Т. 18. – Вып. 4–6. – С. 123.

¹² Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в., изданный под руководством профессора Д. А. Корсакова. – Казань, 1908. – С. 33.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 125–126.

¹⁵ Там же. – С. 153–154. Буквы в скобках, по всей вероятности, поставлены редакцией «Сборника», исходившей из логики предложений и на основе уже сложившихся к тому времени каких-то правил удмуртского письма. Эти поправки согласуются с современным удмуртским правописанием. Кроме того, в ссылках и сносках указано, какие слова

первой публикации исправлены, основываясь на рукописях. Они касаются слов «шумесь» (было «шумеш»), «даурьшумь» (было «даурь шумь»), «Кутьдырьями» (было «миль»), «даженыхъ» (было «даженысь»), «Инмарь» (было «Ипмарь»), «Ужсяськом» (было «усьяськом»), «Тережь» (было «тересь»), «кишандырьсь» (было «и шандырьсь»), «адзиса» (было «амсуса»), «инмарлы» (было «инр»), «воз(ь)матось» (было «взятось»). Большинство поправок (*Инмарь, инмарлы, адзиса, возматось, и шандырьсь*, помогает адекватному пониманию текста, хотя одни, как увидим дальше, нуждаются в уточнении, а другие совсем не достигают цели.

¹⁶ *Тепляшина Т. И.* Указ. соч. – С. 227.

¹⁷ Там же. С. 228.

¹⁸ Сборник материалов по истории Казанского края... – С. 154.

¹⁹ Возможно, таким же образом возникли и стихотворения, опубликованные в 1767 году в книге «Духовная церемония...»? Пишет же Г. В. Ибнеева: «В вышеприведенных речах новокрещенской школы чувствуется благодарность (пусть даже написанная руководством школы) Екатерине за ее труды».

²⁰ сборник материалов по истории Казанского края... – С. 155.

²¹ Там же. 155–156.

²² *Ибнеева Г. В.* Указ. соч. – С. 6.

²³ *Юсуфов Р. Ф.* Общность литературного развития народов СССР в дооктябрьский период / Р.Ф. Юсуфов отв. ред. Г. И. Ломидзе; АН СССР, ИМЛИ им. А. М. Горького. – М., 1985. – С.113.

²⁴ Domokos P. Az udmurt irodalom története. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975; Domokos P. A kisebb újali népekirodalmának kialakulása. – Budapest, 1985; Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья: Сб.ст. / Сост. и отв. ред. Ванюшев В. М. – Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991; Ванюшев В. М. Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья.– Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995.

²⁵ *Юсуфов Р. Ф.* Указ соч. С. 116. См. также: *Он же.* История литературы в культурофилософском освещении. – М.: Наука, 2005.

²⁶ *Юсуфов Р. Ф.* Общность литературного развития народов СССР... – С.116.

Поступила в редакцию 11.03.2010 г.

V. M. Vanyushev

Putsek-Grigorovich, Catherine II and the first poesy in Udmurt language

Vasilii (Veniamin) Putsek-Grigorovich as a graduate of Kiev ecclesiastical academy who was sent to Kazan for the missionary work among the non-Russian people of Volga&Kama region, combined his church activity with enlightenment and science. Publication of the first Udmurt language grammar (1775) and publication of the first poesy in Udmurt language are connected with his name. Texts analyses of welcoming speeches and odes created because of the Catherine II coming to Kazan allow to look at these monuments of the Udmurt literature in a new way, to reveal their direct relation with the main tendencies of Russian literature of this time.

Key words: missionary-educational works, the first grammar, texts analysis, Udmurt literature monuments.

Ванюшев Василий Михайлович,

доктор филологических наук,

главный научный сотрудник

Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН

426004, Россия, г. Ижевск

ул. Ломоносова,4

E-mail:vv@ni.udm.ru

Н. А. Федосеева

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ДУХОВЕНСТВА В МАРИЙСКОМ КРАЕ**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ 09-04-24401 а/В

В первой половине XIX в. после открытия в Казани отделения Библейского общества начинается перевод священниками на черемисский язык церковной религиозной литературы: *Нового Завета, Божественной литургии Иоанна Златоустаго*, составляются такие книги, как «Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий катехизис на черемисском языке горного наречия с присовокуплением кратких правил для чтения», «Черемисская грамматика» (по примеру «Российской грамматики») и др. Эти первые образцы художественной словесности на марийском языке, как литературные памятники, станут основой формирования марийского литературного языка.

Ключевые слова: Библейское общество, перевод, церковно-религиозная литература, горномарийский язык, христианское учение.

С давних времен культура мари развивается во взаимосвязях с этнической культурой соседей, особенно тесно – с русским народом. Исторически взаимодействие складывалось на основе христианизации, которая несла с собой развитие книжной культуры, появление первых школ, способствовавших распространению грамотности среди марийского народа.

О просветительской деятельности священников Марийского края первой половины XIX в. написано немало работ¹, в той или иной степени отражающих их жизненный путь и творчество. В данном исследовании сделана попытка уточнить и систематизировать некоторые данные из жизни и творчества просветителей марийского народа.

В изучении истории марийской литературы 1800–1860-х гг. предпочтение вплоть до последнего времени отдавалось идейно-эстетическим и социально-тематическим проблемам, в то время как творческая биография первых просветителей марийского народа, их ранние сочинения практически остались не исследованными, поскольку авторы первых памятников литературы на марийском языке были священниками.

Марийская литература, как и литература многих народов России, развивалась на основе переводческих материалов просветителей-литераторов XIX века.

Вот почему осмыслить становление национальной литературы и литературного языка невозможно, не обращая снова и снова к значению переводной литературы как истока духовного и культурного развития народа. В большинстве своем первые памятники марийской литературы были переводами религиозных текстов, которые по идеологическим и методологическим причинам изучались не в достаточной степени. Отсюда – ряд трудностей, связанных с недостаточной выявленностью материала и со спецификой его исследования.

В 1818 г. в Казани открывается отделение Библейского общества, целью которого было распространение христианских книг на языке инородцев. Общество состояло из 15 сотоварищей: в Чистополе, Козьмодемьянске, Цивильске, Царевококшайске, Ядрине, ишаках, Чебоксарах, Алатыре, Сызрани, Ардатове, Курмыше, Самаре, при Казанском университете, Казанской семинарии и Оренбургском уездном училище. Изготовление перевода Нового Завета на марийский язык приняло на себя товарищество Козьмодемьянское, в него входили священники Козьмодемьянского уезда: Димитрий Пернягашевский (село Малый Сундырь), Иван Померанцов, Андрей и Игнатий Альбинские (село Шапкилей-Пертнуры), Иван Ардатский (село Арды)². Установлено, кто из них какую книгу Нового Завета перевел: Евангелия от Матфея и Луки – А. Альбинский, Евангелие от Марка и несколько Посланий святых апостолов – И. Померанцев (в 1822 г. он открыл по случаю рождения у великого князя Николая сына Александра приходское училище, одно из первых в Марийском крае), Деяния святых апостолов перевел И. Ардатский, Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис) – Д. Пернягашевский.

В исследованиях советского периода деятельность Козьмодемьянского сотоварищества была оценена соответственно духу времени: изданные книги, «будучи идейной продукцией церковников, ничем не обогатили духовную культуру и общественную мысль марийского народа, не внесли ничего нового, свежего в их развитие. К тому же, все переводы религиозных текстов создавались без учета специфики марийского языка, на основе русской грамматики. Поэтому они не были понятны ни марийцам, ни самим переводчикам. Чтение никому непонятных текстов в церкви крестьяне встретили совершенно равнодушно»³. В дореволюционных же источниках по этому поводу была иная точка зрения: «Когда в некоторых селах была прочитываема “литургия в переводе Альбинского”, тогда они (черемисы – прим. наше – Н.Ф.) с удивлением признавались, что они не только в сие время понимают силу и содержание оной, прежде сего думали, что их принуждают в церковь ходить для того, чтобы молиться за русских; теперь же видят, что в церкви молятся за весь мир и за них самих»⁴. Так, С. А. Нурминский отмечает: «Его (Альбинского) богослужение на черемисском языке сильно действовало на сердца черемис. Со всех сторон люди собирались на его служение»⁵. Эта же мысль подтверждается в очерке И. Яблонского: «Говоря о религиозности и грамотности черемис, кстати упомянуть и о лицах, наиболее способствовавших тому. Между ними первое место занимает живший в двадцатых годах настоящего столетия, священник села Пертнур (Шапкиля тож), Козьмодемьянского уезда, о. Альбинский, который неутомимо день и ночь проводил в научении своих прихожан правилам веры. Для яснейшего уразумения ими церковного богослужения, он перевел на черемисский язык литургию и вместе с другими участвовал в переводе Евангелия»⁶.

Остановимся подробнее на деятельности, жизни и творчестве священника Андрея Альбинского. Просветитель марийского народа родился в 1790 г. в семье священника Даниила Лаврентиева, который служил в Симбирской губернии Карсунской округи села Большая Кандарать (ныне Карсунский район Ульяновской области). В 1811 г. он с отличием закончил Академию и был награжден книгою с надписью «за прилежание, успехи и благонравие студенту богословия Андрею Альбинскому»⁷. О поступлении в Академию имеется запись в Ведомостях об учителях и учениках Казанской Духовной Академии за 1800 и 1807 годы⁸.

3 февраля 1812 г. А. Альбинский был произведен в священники с. Шапкилей⁹ (Вознесенская церковь) Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне с. Пертнуры Горномарийского района Республики Марий Эл). По просьбе Библейского общества он перевел Евангелия от Матфея и Луки. Переводческая деятельность А. Альбинского не осталась незамеченной: «1819 года февраля 26 дня за перевод Евангелиста Матфея на черемисский язык награжден набедренником, с 1818 года имеет высочайше установленный бронзовый крест с подписью 1812 года на Владимирской ленте. 1822 года февраля третьего дня Всемилостивейшее награжден фиолетовою бархатною скуфьею по ходатайству Святейшаго Синода»¹⁰.

Кроме перевода Святого Евангелия, на черемисский язык по просьбе Архиепископа Казанского Амвросия А. Альбинским в 1819 г. была переведена Божественная Литургия Иоанна Златоуста¹¹. [До настоящего времени рукопись не найдена].

В 1824 г. 25 апреля священник переведен в Троицкий собор города Козьмодемьянска и определен Благочинным Козьмодемьянского духовного правления. Но в связи со смертью жены в 1825 г. А. Альбинского по его же просьбе обратно переводят в село Шапкилей¹². На его руках остается пятеро несовершеннолетних сыновей: Александр (12 лет), Василий, Федор, Тимофей и младший Павел (1 год)¹³. В том же 1825 году (20 декабря) он переведен в Благовещенский собор города Казани¹⁴.

В 1828 г. А. Альбинский был направлен в командировку в село Морки Царевококшайского уезда Казанской губернии (ныне Моркинский район РМЭ) с миссией разобраться в деле всемарийского языческого моления при д. Варангуши Царевококшайского уезда (ныне Мокринский район РМЭ), после чего им было написано «Краткое изложение веры христианской» на черемисском языке с параллельным переводом на русский и прочитано в церквях за литургией¹⁵. [Рукопись до настоящего времени не найдена.]

В 1830 г. А. Альбинский вновь пишет прошение о переводе в с. Шапкилей, куда его и направляют. В том же 1830-м году Святым Синодом была рассмотрена рукопись А. Альбинского «Поучения, сочиненныя и говоренныя протоиереем Андреем Альбинским для новокрещенных черемис», которая Цензурным комитетом была одобрена к печати¹⁶. [До настоящего времени рукопись не обнаружена.]

В 1832 г. отдельной книгой выходит «Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий катехизис на черемисском языке горного наречия с присовокуплением кратких правил для чтения», составленная Андреем Альбинским. За свой труд протоиерей хотел получить гонорар, но в проше-

нии ему было отказано¹⁷. В том же 1832 г. священник пишет прошение о принятии его в число братства Зилантовского монастыря города Казани, его просьба была удовлетворена¹⁸. Известно, что в 1833 г. А. Альбинский был в числе братства Раифской пустыни Казанской губернии¹⁹ (ныне Республика Татарстан). В 1850-е гг. прихожане с. Шапкилей хотели, но не смогли вернуть своего пастыря из поселения в Сибири, где, по всей видимости, и закончил свой путь Андрей Данилович Альбинский²⁰, который в документах подписывался протоиерей Андрей Данилов Альбинский.

Его перевод Евангелия от Луки вышел отдельной книгой в 1821 г. на горномарийском языке. Четвероевангелие также вышло в 1821 г., оно является, как выше отмечено, результатом переводов нескольких священников. В 1827 г. вышел Новый Завет на горномарийском языке.

Книга опубликована в Санкт-Петербурге, в издательстве одного из современников А. С. Пушкина, журналиста и писателя Николая Греча. Объем книги 298 страниц. Стоимость издания в те времена была два рубля пятьдесят копеек.

На обороте титульного листа Евангелия 1821 г. написано, что книга вышла в свет во славу Святой, Единосущной, Животворящей и Неразделимой Троицы, Отца, и Сына, и Святого Духа, благословением Святейшего Правительствующего Синода Российского государства, по указу Великого государя, императора Всея Руси Александра Павловича; его супруги, государыни-императрицы Елизаветы Алексеевны; его матери, государыни-императрицы Марии Федоровны, цесаревича и Великого князя Константина Павловича и его супруги Великой княжны Александры Федоровны, Великих князей Александра Николаевича и Михаила Павловича, дочери Великого князя Николая Павловича, Великих княжон Марии Павловны и Анны Павловны на деньги Российского библейского общества в 7329 году от сотворения мира и в 1821 году после Рождества Христова, с момента правления Его императорского величества прошло 21 год».

Что касается перевода текстов, то преобладают русская графическая система и конструкция церковно-славянского языка, то есть слова на горномарийском языке переложены в той же последовательности, что и на церковно-славянском языке: «Тыда-гыць вара аирень Осподь эче шимлу всевялямать туменьшавлямь, и колтень нынамь со коктынъ шке иреж-анзална керекъ куда алашка, вряшкать, Кушка шке кеашь саценъ – После сего избрал Господь и других семьдесят учеников, и послал их по два пред лицем Своим во всякий город и место, куда Сам хотел ийти» (Лк: 10: 1).

Гласные буквы с умляутами *ÿ*, *ä* заменены йотированными *ю* и *я* либо *у* и *а* соответственно, например, *всевялямать* – *весывләмät* (других), *кю* – *кÿ* (кто). Буква *ö* заменена буквой *ю*. В соответствии с дореволюционной грамматикой русского языка на конце слова ставится твердый знак Ъ – ер.

Что касается лексической стороны текстов Нового Завета на горномарийском языке, то имеются свои особенности. В переводе часто используются как заимствованные, так и устаревшие на сегодняшний день слова или же имеющие в настоящее время другое значение.

Рассмотрим на конкретных примерах.

Чаще всего встречаются русские заимствования: *домышко* – *в дом*. В марийском языке соответствует эквивалент *пöрт*; *дохатка* – от слова догадаться, используется в значении *притча*.

Имеющиеся в переводе устаревшие слова передают стиль церковного языка. Сегодня они в разговорно-бытовой речи практически не встречаются, а если и встречаются, то в научных публикациях или исторических произведениях. Это слова; *намарлукъ* – *ытаралтмаиш* (спасение). Слово *цора* используется при переводе таких слов как *раб*, *слуга* и *служитель*.

Особый интерес представляют лексемы, которые сегодня используются в другом значении. Это *вочинаишкы* – *в страну*, скорее всего образовано от слова *вотчина*, обозначающий земельный участок; *письмянвла* – *земли*, современное значение *межа*, *граница земли*, вполне можно предположить, что раньше слово *письман* использовалось в значении *земля*; *шинзадэмамъ* – *слепого*, букв. *безглазый*; *якшаръ шамакъ* – *приветствие*, букв. *красное слово*, то есть *благая весть* – Архангельское приветствие (Лк. 1: 29) и другие.

Для слов, которые представляют собой трудность при переводе, авторы используют понятия, присущие значениям марийского языка. *Плащаница* переводится *минеръ* – *холст*; *пу-юанъ* – *елей*, букв. *деревянное масло, кого* – *достопочтенный* букв. – *великий, большой*.

Так, в переводных текстах Евангелия прослеживаются некоторые особенности марийского языка.

В 1831 г. А. Альбинский написал «Черемисскую грамматику». Издана в 1837 г. И. Г. Иванов отмечает, что книга была рекомендована как учебное пособие для марийских классов Казанского и Чебоксарского уездных училищ. По мнению исследователя, алфавит, приведенный в грамматике, «более или менее отражает особенности марийской фонетической системы. Начертания некоторых букв, предложенные А. Альбинским под влиянием первой грамматики, не вполне удовлетворительны, но это был один из необходимых этапов поиска более рациональных способов обозначения звукового состава марийского языка, поэтому его лингвистические изыскания нужно рассматривать как шаг вперед в развитии марийской письменности»²¹.

«Грамматика черемисского языка» была составлена по примеру «Российской грамматики». Она состоит из восьми глав, где затронуты следующие вопросы марийского языкознания: число и начертания букв, выговор и разделение оных; части речи, общие принадлежности измеряемых частей речи; об имени вообще – а) существительном, б) прилагательном, в) числительном; местоимение, глагол; неизменяемые части речи, словосочетание. Следует заметить, что в истории марийского языкознания вопрос о словосочетании был затронут впервые.

Практически столь же плодотворную деятельность в просвещении марийского народа осуществил священник Михаил Кроковский. Им сделан перевод «Сельского полицейского устава для государственных крестьян» (1843), кроме того, совместно с М. Ястребовым он перевел на марийский язык «День святой жизни» митрополита Григория (Постникова). Следует сказать и об исследовательской работе М. Кроковского. Ему принадлежат труды по этнографии, истории, языку Марийского края: «Краткое описание Спассакого монастыря, существовавшего на Малой Юнге, в Козьмодемьянском уезде»; «Памятник преданности вере и Царю»; «Этнография горных черемис, обитающих Казанской губернии в Козьмодемьянском уезде»; «Образцы народной словесности и местных наречий, употребляемых Казанской губернии Козьмодемьянского уезда в селе

Чермышеве»; «Вести из села Чермышева»; «Горные черемисы в Казанской губернии»; «Словарь черемисского горного наречия». В 1846 г. в своем доме для обучения черемисских детей он открыл школу, для чего составил букварь. [Рукопись не сохранилась.]

Конечно же, все названные труды стали подготовительным этапом для создания марийского литературного языка и явились бесценными литературными памятниками как образцы художественной словесности на марийском языке первой половины XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Никольский Н. В. История мари (черемис). – Казань, 1920; Иванов И. Г. История марийского литературного языка. – Йошкар-Ола, 1975; Степанов А. Ф. История становления марийской национальной школы. – Йошкар-Ола, 2008; Васина С. М. Приходское духовенство Марийского края в XIX – начале XX веков. – Йошкар-Ола, 2006; Иванов И. Г. Из истории марийской письменности. – Йошкар-Ола, 1996 и др.

² Известия о библейских обществах. – № 3, отд. III. – С. 119, 120; архив Казанской духовной консистории. – 1818 г. 17 марта. – № 5895. – Л. 2, 52, 57 – 58. Цит. по: Никольский Н. В. История мари (черемис). – Казань, 1920. С. 162–163.

³ Васин К. К., Коробов С. А., Рейнфельдт Б. К. Из истории развития философской и общественно-политической мысли в марийском крае (дооктябрьский период). – Йошкар-Ола, 1966. – С. 39.

⁴ Православный собеседник. – 1958. Ч. III, С. 480. Цит. по: Никольский Н. В. История мари (черемис). – Казань, 1920. С. 163–164.

⁵ Нурминский С. А. Очерки религиозных верований черемис // Православный собеседник. – Казань, 1862. Ч. III. № 12. – С. 287. Цит. по: Степанов А. Ф. Автор марийской грамматики // Марийский археографический вестник. – 1993. – № 3. – С. 126.

⁶ Яблонский И. Исторические и этнографические сведения о нагорных черемисах уездов Васильского Нижегородской и Козьмодемьянского Казанской губернии // Марийский археографический вестник. – 1997. – № 7. – С. 184–187.

⁷ ГАРМЭ, ф. 172, оп. 1, д. № 288, л. 41 об. Цит. по: С. М. Васина. Приходское духовенство Марийского края в XIX – нач. XX веков. – Йошкар-Ола, 2006. С. 102.

⁸ РГИА, ф. 796, оп. 88, ед. хр. № 997; ф. 796, оп. 81, ед. хр. № 1051.

⁹ Отдел рукописей и редких книг библиотеки им. Н. И. Лобачевского КГУ, ед. хр. № 2093, л. 190 об. – 192.

¹⁰ Отдел рукописей и редких книг библиотеки им. Н. И. Лобачевского КГУ, ед. хр. № 2093, л. 190 об. – 192.

¹¹ РГИА, ф. 797, оп. 2, ед. хр. № 9105, л. 5 – 6.

¹² Отдел рукописей и редких книг библиотеки им. Н. И. Лобачевского КГУ, ед. хр. № 2093, л. 190 об.

¹³ Альбинский Андрей Данилович // V сем. – 1997. – № 3. – С. 51.

¹⁴ Отдел рукописей и редких книг библиотеки им. Н. И. Лобачевского КГУ, ед. хр. № 2093, л. 143 об.

¹⁵ РГИА, ф. 797, оп. 3, ед. хр. № 12647, л. 1, 9 – 10; ГАРМЭ, ф. 165, оп. 1, д. 199, л. 39 – 47 об. Цит. по: Языческие верования марийцев и действия властей в XIX – начале XX вв. (Публикация и комментарии А. Г. Иванова) // Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона. – Саппоро, 2002. С. 74–79.

¹⁶ РГИА, ф. 807, оп. 1, ед. хр. № 374, л. 1 – 6.

¹⁷ РГИА, ф. 772, оп. 1, ед. хр. № 801, л. 1.

¹⁸ ГАРМЭ, ф. 165, оп. 1, д. 300, л. 419. Цит. по: С. М. Васина. Указ. соч. С. 103.

¹⁹ РГИА, ф. 796, оп. 114, ед. хр. № 779.

²⁰ Васина С. М. Указ. соч. С. 103.

²¹ Иванов И. Г. История марийского литературного языка. – Йошкар-Ола, 1975. С. 22–23.

Принятые сокращения

ГАРМЭ – Государственный Архив Республики Марий Эл
КГУ – Казанский государственный университет
РГИА – Российский государственный исторический архив
РМЭ – Республика Марий Эл
Надежда Александровна Федосеева, зав. сектором

Поступила в редакцию 09.02.2010 г.

N. A. Fedoseeva

Translation of church religious literature to Cheremis language, metropolitan Gregory (Postnikov) to Mari language was started with the opening of the Biblical society department in Kazan. All the abovementioned works were the preparatory stage for the creation of Mari literary language and they became the literary monuments as examples of literature in Mari language of the first half of 19 century.

Key words: Biblical society, translation, church literature, religious literature, Mountain-Mari language, Christian studies.

Федосеева Надежда Александровна,
кандидат филологических наук,
зав. отделом литературы МарНИИЯЛИ.
Адрес: 424036, РМЭ, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
E-mail: Marnii@mari-el.ru

В. Г. Пантелеева

**ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРАКТИКА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ РЕЦЕПЦИИ**

Рассматриваются причины актуализации переводческой практики. Акцентируется внимание на творческой индивидуальности и языковой ментальности переводчика как посредника между двумя культурами. Констатируется, что в системе «оригинал – перевод» одним из важнейших факторов перевода становятся сегодня межкультурные и этнопсихологические осложнения.

Ключевые слова: художественный перевод, межлитературная коммуникация, этнокультурная рецепция, интерпретационный потенциал подлинника.

Предложенная тема требует некоего историко-теоретического экскурса в прошлое с тем, чтобы понять и осознать принципиальные тенденции современной практики художественного перевода в сравнении, скажем, с 1950–70-ми гг. Это первый момент. Второй – связан с объектом исследования: учитывая то, что конференция проходит в УР и большинство ее участников билингвально в рамках удмуртско-русской языковой ситуации, наши иллюстрации будут изъяты из контекста удмуртско-русской языковой пары и мы будем аргументировать свое видение проблемы отдельными образцами переводов удмуртской поэзии на русский язык.

В развитии национальных финно-угорских литератур прослеживаются разные по интенсивности и востребованности этапы переводческой деятельности. Отчасти они изучены и осмыслены литературной критикой (К. Васин, Н. Басель, Ф. Ермаков, П. Домокош), но нельзя не прислушаться к мнению П. Домокоша о том, что «по существу, с точки зрения рецепции, это еще не открытая, совершенно незнакомая область» [5, 203].

В научной литературе по переводоведению XX век многие именуют «веком перевода» [10, 4]. И это реально обоснованный знак времени. В мире в целом и в бывшем Советском Союзе с середины XX в. мощно развивались обе сферы переводческой деятельности – практическая и теоретическая. «Одной из главных причин этих изменений оказалась Вторая мировая война и прямо или косвенно связанные с ней политические события» [3, 171]. Речь идет конечно о миграционных потоках, охвативших всю Европу, о трансформации геополитической карты мира, в связи с чем в культурной среде активизировался интерес к переводческой деятельности.

Что касается нашей страны, такое поликультурное явление, как «многонациональная советская литература», не могло развиваться без художественного перевода. Приоритетным являлось “русско-местное” двуязычие, что было характерным для переводческой практики, реализовавшейся преимущественно в сфере удмуртско-русской (и наоборот!) языковой пары, и весьма скупо – в сфере «удмуртский – финно-угорские языки». Так, почти за пятьдесят лет (с 1938 по 1985) было издано 19 антологий удмуртской поэзии на русском языке (для сравнения с 1985 г. по настоящее время) – лишь три подобных антологии: «Песни солнечного леса». М., 1989; «Мир женской души». Ижевск, 1992; «Антология литературы финно-угорских народов». (В 2 т. Екатеринбург, 2006). Другой пример связан с переводами с русского языка на удмуртский. Так, удмуртский писатель Михаил Петров за десять послевоенных лет издал на удмуртском языке 9 книг с произведениями советских писателей (еще 6 книг он перевел и издал до войны, в период 1934–1941 гг.).

В удмуртской литературе в целом и в переводческой практике послевоенных десятилетий актуальным оставался призыв К. Герда 1920-х гг.: «Заявить миру о себе». Через перевод мы заявляли о себе и претендовали быть услышанными, чтобы занять свою нишу в многонациональной советской литературе. И чрезвычайно гордились тем, что в библиографических справочниках, учебниках по удмуртской литературе, литературоведческих статьях по персоналиям писателей сообщалось о том, на какие языки переведены произведения удмуртских авторов: «чем больше, тем лучше». Но мало кого интересовало, что переводчики чаще всего не владели языком оригинала, а работали с подстрочниками. В 1950-70-е гг. такое положение было общепринято в профессиональной среде. В результате многие ключевые вопросы теории перевода («переводимость-непереводимость», «адекватность-неадекватность») даже не ставились, а переводные тексты, приукрашенные, литературно отшлифованные, были «скроены» по единым советским лекалам.

Из реалий современной действительности можно констатировать, что для удмуртской литературы этап «заявить миру о себе» остался в прошлом. Сегодня речь идет о том, чтобы не раствориться и не потеряться в чужом пространстве. Глобализм бросает вызов национально-культурной идентичности. Притом надо заметить, что, с точки зрения историко-культурных, социально-общественных парадигм, многие явления послевоенной эпохи и современности чрезвычайно схожи: и масштабы миграционных процессов, и неустойчивость геополитической ситуации, и обострение национально-этнических проблем. В условиях глобализации значение переводческой практики актуализируется, художественный перевод для современного мира (в том числе финно-угорского) становится целеустановкой, одним из реальных механизмов реализации интеграционной политики в области культуры. «Это связано прежде всего с тем, что художественный перевод является одним из наиболее наглядных проявлений межлитературного взаимодействия. В этом состоит его онтологическая сущность: будучи продуктом межлитературной коммуникации, он в то же время во многом обуславливает и определяет саму межлитературную коммуникацию» [8, 28].

В этой ситуации возрастают требования к творческой индивидуальности и языковой ментальности переводчика – посредника между двумя культурами. Проблемы этнокультурной рецепции в сфере переводоведения сегодня имеют

не столько узко лингвистическую, сколько экстралингвистическую природу. Литературное сотрудничество и партнерство предполагают разговор «на равных», и сегодня это осознается в профессиональной среде. Специалисты все чаще говорят о том, что переводу подлежат не «тексты, а культуры» [3, 178], и в условиях глобализации одним из важнейших факторов перевода становятся, например, межкультурные и этнопсихологические осложнения в системе «оригинал-перевод». Они становятся самостоятельно значимым элементом переводного текста наравне с образами, звукописью, системой героев, характеров и т.д. Семантическое поле переводного слова, вбирая контекстуальные наращивания, потенциально претендует быть «богаче и ярче» семантического поля слова оригинального текста. Слово в переводе однозначно воспринимается как индикатор национально маркированной картины мира писателя.

Современный опыт удмуртско-русских переводов показывает, что возросли требования не только к отбору литературного материала для перевода, но и к качеству переводов. Сегодня, например уже не удовлетворяет качество переводов стихотворений Ашальчи Оки на русский язык, включаемых в антологии и сборники. То, что отвечало требованиям эпохи 1920-х гг. (перевод К. Герда) и было естественным – для 1960-70-х (перевод О. Олендера), с современных позиций представляется, по нашему мнению, недостаточным и неточным. Проиллюстрируем это на примере одного текста.

Ашальчи Оки

Чияпуэд сяськаяське...

Чияпуэд сяськаяське...
Чигошур ву чиль-чиль бызе...
Сьод дуринчи сяська сюпсе,
Чияпуэд сяськаяське...

Чебер нълмурт туж яратэ,
Чебер пилы туж синмаське -
Тодьы бамыз чьж чьжектэ...
Чияпуэд сяськаяське...
1925

Перевод К. Герда

Вишня белая цветет

Вишня белая цветет,
Речка Чиго струйки льет,
Пчелка мед цветов сосет,
Вишня белая цветет...

Любит девушка с весны
Молодца и слезы льет...
Любит, любит... Видит сны...
Вишня белая цветет...

Вишня твоя расцветает...

Вишня твоя расцветает...
Вода Чигошур-реки бежит-сверкает...
Черная оса цветок сосет,
Вишня твоя расцветает...

Красивая девушка очень любит,
В красивого парня очень влюбляется -
Ее белая щека красно краснеет...
Вишня твоя расцветает...
(Подстрочный перевод наш – В.П.)

Перевод О. Олендера

Вишня цветет

Как ясен, как хорош рассвет!
Как Чигошур-река сверкает!
Пчела свой нектар собирает,
И нежен вишни белый цвет.

Красавица стоит и ждет, -
Ее тревожно ожиданье,
Она – все краше, все румяней...
А вишня... та в саду цветет!

Представленное стихотворение – один из лирических шедевров Ашальчи Оки. Здесь тот случай, который мы именуем поэзией гениальной простоты. Кажалось бы, что может быть проще: весна, цветущая вишня, молодость, влюбленность – сколько таких «вечных» образов и мотивов существует в фольклоре и поэзии народов мира. Но стихотворение Ашальчи Оки уникально и неповторимо.

мо в контексте национальной (да и мировой) поэзии, поскольку в восемь строк она вместила философию женской судьбы, участи, «бабьей доли» сквозь собственное – удмуртское – поэтическое мироощущение. В восприятии удмуртской поэтессы «доля» эта изначально если не трагична, то драматична: на это указывают многочисленные многоточия – признак недоговоренности; психологический параллелизм двух строф, контраст мужского-женского начал, так лаконично сформулированный в ключевых фразах, образах стихотворения (черная оса сосет белый цветок; щеки героини красным-красно краснеют). Последняя деталь совсем не случайна: по мнению этнографов, антропологов и медицины кровеносная система финно-угров имеет некоторые особенности, поэтому финно-угры (в том числе удмурты) при смущении, волнении или тревожном состоянии тотчас краснеют (то есть кровь приливает к лицу и это становится заметным для окружающих). Видимо, именно это тревожно-драматическое состояние переживает героиня-удмуртка в стихотворении Ашальчи Оки.

Вышеизложенное составляет интерпретационный потенциал подлинника, который включает как лежащие на поверхности элементы поэтической выразительности, так и скрытые элементы этнопсихологического, инокультурного кода, которые должен почувствовать переводчик. Именно интерпретационная позиция переводчика и интерпретационный диапазон подлинника, на наш взгляд, являются компонентами регулирования межъязыковых и межкультурных осложнений в системе «оригинал – перевод». При совпадении этих потенциалов максимально полно воссоздаются элементы культурного кода – и вероятность создания подлинно художественного перевода, по нашему мнению, возрастает. Это крайне важно в современной практике художественного перевода, когда любая национальная литература стремится сохранить свою самобытность и быть узнаваемой.

Мы не будем сравнивать между собой переводы К. Герда и О. Олендера. «...Переводы стареют, как правило, много быстрее оригинальных произведений. Причина заключена, прежде всего, в их вторичности. Подлинник нельзя изъять из литературного употребления, ибо он уникален; перевод всегда может быть заменен новым переводом, ибо он потенциально всегда множественен» [10, 31]. Новый переводной текст стихотворения Ашальчи Оки должен быть максимально приближен к самобытности лирической системы поэтессы, отражать нюансы этнопсихологии ее героини, то национальное начало, которое, как известно, заключается не «в описании сарафана» [4, 60] или в изображении «верблюдов и арыков» [9, 27], а в иных компонентах национального: в самом духе, в поведенческом стереотипе, в психологии восприятия себя и окружающего мира и т. д. Речь должна идти о поиске «надсарафанности» маркированного национальной семантикой образа, системы образов или текста. В нашем случае, если лицо героини «красно краснеет», это не означает, что она становится «все краше, все румяней», речь здесь не о «красавице», которая «стоит и ждет», а о том, что героиня чем-то встревожена, возможно, ожиданием первого свидания.

Переводы К. Герда и О. Олендера, конечно же, остаются интереснейшим материалом в рамках истории, теории и практики перевода с удмуртского на русский язык, с одной стороны, а с другой – для сопоставительной стилистики, то есть представляют научный интерес. Но для современного массового читателя, с точки зрения рецепции, они не дают полного представления о мире души первой удмуртской поэтессы Ашальчи Оки.

Мы бы не стали бы акцентировать внимание на этой проблеме, если бы она носила единично-частный характер. Но, к сожалению, большинство стихотворений Ашальчи Оки, а каждое из них – на вес золота, переведено на русский язык, как мы полагаем, неадекватно («Кык гождэт», «Шунды кадь ик», «Нюлэскы ветлыкум», «Кин-о тон?» и другие). Это первое.

Вторая проблема заключается в том, что классические произведения удмуртской литературы (в том числе поэзия Ашальчи Оки) сегодня все чаще переводятся на родственные финно-угорские или иные языки не с языка оригинала, а с уже существующих русских переводов как посреднике между оригиналом и переводом на новый язык. Вполне возможно, что, например, перевод О. Олендера кто-то переведет на итальянский или японский язык, полагая, что это и есть настоящая поэзия удмуртской поэтессы. Очевидно, что такие переводы далеки от национально-культурной идентичности. Культурная адаптация в сфере художественного перевода успешна лишь тогда, когда переводчик владеет языком оригинала. Смеем надеяться, что это станет нормой для нового поколения переводчиков удмуртской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бассель Н.* Типологические связи эстонской советской литературы с литературами других народов. – Таллин, 1980. – 390 с.
2. *Васин К.* Творческие взаимосвязи марийской литературы. Историко-литературный очерк. – Йошкар-Ола, 1969. – 214 с.
3. *Гарбовский Н. К.* Теория перевода. – М., 2004. – 521 с.
4. *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 8 т. – М., 1984. Т. 7.
5. *Домокош П.* Формирование литератур малых уральских народов. – Йошкар-Ола, 1993. – 288 с.
6. *Ермаков Ф.* Творческие связи удмуртской литературы с русской и другими литературами. – Ижевск, 1981. – 244 с.
7. Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. – СПб., 2006. – 224 с.
8. Проблемы особых межлитературных общностей/Под ред. Д. Дюришина. – М., 1993. – 432 с.
9. *Султанов К. К.* Национальная идея и национальная литература // *Нация. Личность. Литература.* – М., 1996. С. 27–28.
10. *Топер П. М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. – М., 2000. – 257 с.

Поступила в редакцию 18.02.2010 г.

V. G. Panteleeva

Reasons of importance actualization of translation practice in the modern conditions are considered. Attention to the creative individuality and language mentality of a translator as a mediator between two cultures is accentuated. It is stated that in the “original – translation” system intercultural and ethnopsychologic complications are one of the main factors of translation in the conditions of globalization.

Key words: literary translation, interliterary communication, ethnocultural reception, interpreting potential of the original.

Пантелеева Вера Григорьевна,
кандидат филологических наук, доцент
НИИ национального образования УР
г. Ижевск
ул. Советская, 1

Г. А. Никитина

**«КРУПХОЗЫ» В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ
УДМУРТИИ: ОПЫТ УСПЕШНЫХ
АДАПТАЦИОННЫХ ПРАКТИК**

На примере отдельных сельскохозяйственных производственных кооперативов (СПК) Удмуртии рассмотрены успешные практики социально-экономической адаптации хозяйствующих субъектов села к изменениям внешней социальной среды. Поскольку объектом исследования выбраны преимущественно «удмуртские» по этническому составу СПК, помимо выявления типичных практик, сделана попытка вычленить специфические особенности, присущие адаптационным практикам удмуртского сельского социума.

Ключевые слова: социальные трансформации, крестьянство, удмурты, адаптация, ресурсы.

Российское крестьянство в своей истории пережило не одно испытание, до основания потрясавшее его бытие. Начиная только с 1930-х гг., с периодичностью раз в десять лет в отношении села проводился новый курс. Одним из последних таких опытов стала деколлективизация, выразившаяся в отказе государства от уже привычного пристрастия к колхозам и совхозам. Картина мира российских земледельцев рухнула в одночасье, когда они остались практически один на один с напористыми и бесцеремонными элементами рынка.

Пройденный крестьянством России исторический путь убеждает в необычайной его живучести. Нельзя не заметить, что оно, в общем и целом, всегда справлялось со всеми социально-экономическими опытами над собой, сохраняя и неся в будущее очень многое из самооздоравливающегося духа, присущего ему. В контексте сегодняшней действительности феномен жизненной стойкости крестьянства заслуживает самого серьезного исследовательского внимания. Требуют научного осмысления складывающиеся на селе новые экономические, социальные, духовно-нравственные реалии, одним из актуальных аспектов которых является анализ опыта адаптации современных земледельцев к меняющейся социальной среде. Любопытно найти ответ на вопрос, почему одним удается оставаться «на плаву», выжить и даже развиваться, расширяться, а у других это не получается, и они постепенно скатываются в ряды слабых адаптантов, а то и вовсе – дезадаптантов, над которыми нависает угроза банкротства.

Проблема адаптации затронула все социальные слои и группы сельского общества, все хозяйствующие субъекты, в том числе – сельских товаропроизво-

дителей в лице закрытых (ЗАО) и открытых (ОАО) акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью (ООО), сельскохозяйственных производственных кооперативов (СПК), крестьянских фермерских (КФХ) и личных подсобных (ЛПХ) хозяйств. Приспосабливаться пришлось как отдельной личности или семье, так и производственным коллективам, бригадам и т.д.

За прошедшие почти 20 лет непрерывных реформ сельские жители наработали неплохой опыт адаптации. Модели частных/приватных/автономных практик варьируют в достаточно широком диапазоне. Работа в местном хозяйстве и личном подворье, занятие фермерством или предпринимательством вне сферы сельского хозяйства; разовая, сезонная, маятниковая/вахтовая работа, совмещение, самозанятость, мобилизация сетевых ресурсов, эпизодические «рейды» в рыночную экономику, нелегитимные формы добычи средств существования, сбор даров природы – это далеко не исчерпывающий перечень видов деятельности, демонстрируемых современными селянами.

Ярчайшим примером автономных, частных адаптационных практик стало бурное развитие ЛПХ. Современный селянин, даже если институционально числится работником крупного хозяйства (по Т. Шанину – «крупхоза»), основные усилия предпочитает вкладывать в свое подворье. Как высказался один из наших респондентов, «колхозной зарплаты даже на еду не хватает, поэтому скотины много держим: телят, бычка, молодняк. Сенокосов много, заготавливаем корма, сколько хочешь. Мед, мясо продаем, на свои нужды даже пруд держим, свою рыбу едим. В деревне можно жить, только трудиться надо»¹.

Полевые материалы убедительно показывают, что в число успешных по нынешним временам адаптантов попадают люди, обладающие финансовыми ресурсами, жизненным опытом, образованием, имеющие высокий уровень достижительной трудовой мотивации. Активным личностям резкое ухудшение внешних условий дает дополнительный импульс к поискам средств улучшения ситуации, и, напротив, пассивные, патерналистски настроенные люди часто оказываются жертвами обстоятельств, их адаптационные практики носят кризисный характер. Люди с высоким профессиональным статусом, широкими сетевыми связями (вплоть до пресловутого «блата»), имеющие хорошее здоровье, мобильную психику оказываются в более выгодном положении, нежели лица, не обладающие такими ресурсами.

В данной статье на примере ряда успешных СПК, преимущественно «удмуртских» по этническому составу, попробуем выявить наиболее типичные адаптационные практики корпоративных субъектов (в основном – СПК), благодаря которым они не только выжили, но и существенно увеличили потенциал. Уточним, что под успешной адаптацией имеется в виду повышение или сохранение уровня жизни и достижение высокого социального статуса, для чего необходимо обладать определенными ресурсами, желательно ликвидными/конвертируемыми².

Полевые наблюдения за ситуацией в сельском хозяйстве Удмуртии в течение 2004–2008 гг. позволяют говорить о том, что в каждом районе можно найти как минимум 2–3 кооператива, которые считаются «средняками». Им в ближайшей перспективе не грозит банкротство, разорение, но считать их успешными адаптантами нельзя, так как при первом же серьезном испытании, обвальном ухудшении экономической ситуации они могут скатиться вниз, пополнив мно-

гочисленные ряды хозяйств-дезадаптантов. По приблизительным подсчетам, хозяйств-средняков в республике наберется около 70–75.

Сильных, крепких «игроков» на поле сельской экономики обнаружится максимум 30–35. Среди них – СПК «Чутырский», «Ленин сюрес» Игринского, СПК «Молодая гвардия», ООО «Варзи-Ятчинское», «Колос», «Решительный» – Алнашского, «Родина» – Граховского, ООО «Россия» – Можгинского, СХПК им. Мичурина, «Колос», «Удмуртия», «Луч» – Вавожского, «Первый май», «Родина» – Малопургинского, «Восход» – Шарканского, «Мир» – Дебесского, рыбхоз «Пихтовка» Воткинского районов и ряд других.

По данным ведомственной статистики Министерства сельского хозяйства, «живых», то есть функционирующих предприятий в республике насчитывается 355, по другой открытой информации – 336³. В том или ином случае, сильные хозяйства в общем числе хозяйствующих субъектов республики составляют в среднем от 9,8% до 10,4%.

Анализ адаптационных практик крупных хозяйствующих субъектов села убеждает, что одним из решающих шагов, позволивших в дальнейшем менее болезненно функционировать, стало сохранение материально-технической базы, заложенной еще в советско-колхозное время, от разворовывания и дробления в ходе деколлективизации. По словам П. И. Перевощикова – главы одного из самых сильных хозяйств по северной зоне Удмуртии СПК «Чутырский» Игринского района, «именно в 1970-е гг. деревня вздохнула свободнее, именно в эти годы сельское хозяйство получило добротную основу для развития, укрепилось. Вот благодаря этой основе мы выдержали и лихие 90-е, и даже современные проблемы легче решаем. Многие, расколовшись, словно щепки, продержались недолго, развалились». Согласен с руководителем и главный бухгалтер хозяйства: «Когда появились первые документы о роспуске колхозов и совхозов, у нас прошло не одно совещание и руководства, и членов совхоза. Очень долго пришлось людям объяснять, почему необходимо сохранить хозяйство, чем опасно растаскивание добра, техники по рукам. Жизнь показала, что мы были правы, что нельзя было делиться. Совхоз “Чутырский” стал СПК, но для всех он остался тем же коллективным хозяйством. И слово “совхоз” из речи не исчезло. Спасибо надо сказать В. С. Митрофанову – бывшему директору совхоза, он сделал все возможное, чтобы не дать растащить землю и имущество хозяйства по пням»⁴.

Точно такой же стратегии придерживался руководитель СПК «Родина» Граховского района М. А. Крестьянинов. Раньше это был колхоз «Родина», теперь – СПК. Люди к новому названию, как и в Чутыре, не привыкли: между собой оперируют понятиями «колхоз», «колхозники». Михаил Арсентьевич – «человек хозяйственный, умный, профессионал, сумел в самые трудные годы сохранить и людей, и хозяйство, ибо был убежден: коллективное хозяйство, колхозные земли, трудоустройство людей, своевременная зарплата, борьба с пьянством, предупреждение утечки рабочих рук из хозяйства – вот в чем будет заключаться сила завтрашнего дня».

Теперь только сам глава и ведущие специалисты хозяйства помнят, сколько бессонных ночей провели, сколько седины появилось в волосах в начале 1990-х гг. С тех пор прошло почти 20 лет, и все смогли убедиться в правоте М. Крестьянинова, в «его умении просчитать будущее. Не только хозяйство, сама земля, окре-

стности, деревни стали для людей родиной. Желających поискать счастье на стороне нет, как нет и необходимости искать рабочие руки со стороны»⁵.

В условиях общей экономической дестабилизации всем субъектам сельской экономики чрезвычайно важно было обеспечить диверсификацию производства, наладить работу подсобных промыслов и ремесел, способствующих оптимальному функционированию основных сельскохозяйственных производств и позволяющих избежать потерь сельхозпродукции благодаря ее переработке на местах. СПК «Чутырский», к примеру, помимо разведения племенного скота, полеводства, содержания мясо-молочного стада, имеет свой кирпичный завод, на котором ежегодно производят около 350 тыс. кирпичей, половину продают в собственном хозяйстве, другую – на стороне, открыты столярная мастерская и пилорама. Развивают одно из традиционных занятий удмуртов – пчеловодство, от которого тоже получают прибыль. Как говорит глава СПК, «нынче иначе жить невозможно, приходится искать различные источники. В 2004 г. начали коптить свою свинину, открыли коптильный цех, убойный пункт, покупатели нашлись сразу. Чутырь стоит на большой дороге, решили и этим воспользоваться: открыли кафе, стали кормить путников пельменями собственного изготовления. Теперь слава о чутырских пельменях разошлась далеко. Кроме кафе, в хозяйстве четыре магазина и две столовые. Там также реализуется продукция собственного производства»⁶.

Третьей составляющей успешной адаптации стали переход на интенсивные технологии производства и полная модернизация, направленная на повышение производительности труда и снижение себестоимости произведенной продукции. При этом ни один из руководителей не забывал об одном условии: главный в этом процессе – работник, человек труда. Можно приобрести технику, но она будет простаивать, если на ней некому работать, не покупать технику – возникнут проблемы с оттоком молодежи из хозяйства, не будет дисциплины труда – жди перманентного нарушения технологических процессов. К примеру, в том же СПК «Чутырский» хозяйство держится, по словам руководителя, на том, что, имея «кое-какие деньги», оно может обновлять технику: «На фермы, в машинно-тракторный парк стараемся покупать современную технику. Хотя понятно, что вся она приобретается в кредит. В последние два года приобрели два немецких агрегата под 12–13,7%. Сейчас такие проценты уже не найдешь. Сами радуемся – вовремя успели. Радуемся и тому, что деньги не зря потратили – техника отличная. Один агрегат на обмолоте зерна заменяет 4 отечественных комбайна! Конечно, более 7 млн. руб. на две машины – это огромная сумма, даже сердце сжимается от нее, но выбора нет. Техника ресурсосберегающая, надежная, производительность высокая, рабочих рук требует меньше. Сегодня только так можно снизить себестоимость продукции, а значит и выжить».

Народ, конечно, уходит на сторону, но дефицита рабочих рук пока не ощущаем. Специалисты практически все местные, выученные еще на совхозную стипендию, постоянно совершенствуют свои знания, ищут новые способы повышения производительности труда. На ферме перешли на голландскую систему содержания коров. Раньше 1 человек доил 24–25 коров, теперь – 86, возникнет необходимость – сможет и больше»⁷.

Солидарен с Петром Ильичем В. В. Лобанов, руководитель с более чем 25-летним стажем, возглавляющий СПК «Мир» Дебесского района: «Осваиваем

новые технологии. На фермах холодильные агрегаты стоят. Благодаря этому в “Кезсырзавод” 90% молока сдаем высшим сортом. Чем больше молока, тем выше зарплата. 138 коров доим в специальном доильном зале, перешли на беспривязное содержание. Другие корпуса также обновляем, механизуем, чтобы облегчить работу доярок. Люди радуются этому.

Еще одно радостное событие в хозяйстве – в деревню Сюрногурт пришло “голубое топливо”. Купили комбайн “Енисей”. Молодым нравится новая техника. Может, этим их легче будет удерживать в деревне. Кстати, люди в последние годы стали больше строиться. Значит, верят в будущее, раз дома новые строят. Работников сегодня 240 человек. Когда приехал сюда, было 300. Сейчас надежда на молодых, в них надо культивировать желание остаться на селе»⁸.

В СПК «Родина», у М. А. Крестьянинова, «есть пекарня, пекут душистый хлеб из собственной пшеницы. Большое внимание уделяется выращиванию сортовых семян. Семена пшеницы, овса, ячменя, гороха здесь могут приобрести все хозяйства Удмуртии. Кроме того, хозяйство продает излишки рапса, проса, люцерны, клевера и др.

В 2009 г. на уборку вышло семь “Донов”, четыре из них – новые. Приобрели газовую зерносушилку за 3 млн. 800 тыс. руб. Очень надежный комплекс, за час 30–40 тонн зерна будет сушить. Под зерновые культуры в среднем на гектар внесено 70 кг минеральных веществ, под другие – 47, меньше попадает под многолетние культуры.

В «Родине» уже более 20 лет не пашут плугами, рыхлят дисками, то есть перешли на нулевую обработку земли. Все делает один трактор: сеет, разбрасывает удобрение, прикрывает, прикатывает. Техника куплена в Бельгии, сеялка тоже импортная. Приобрели в кредит по нацпроекту. Долги возвращают ежеквартально – по 1 млн. руб.

Средняя зарплата у работников фермы – более 7 тыс., у некоторых – более 10–12 тыс. руб. Все зависит от того, сколько надоил, сколько получил привеса. По итогам квартала выплачивается премия. Чтобы ее получить, надо жестко соблюдать трудовую дисциплину. Ни один случай ее нарушения без обсуждения не остается»⁹.

Соблюдение трудовой дисциплины – одно из жестких, непререкаемых требований к работнику во всех успешных хозяйствах. Самое меньшее, что ожидает нарушителя, – это объяснение перед руководителем или членами правления, наиболее болезненное наказание – лишение премии, а то и части заработной платы.

Знакомство с материалами о руководителях сильных хозяйств, личные беседы с ними и осмысление полученной информации наводят на мысль, что залогом успешности стали также грамотный менеджмент и инновационное мышление руководителей и специалистов, их активность, инициативность, заинтересованность в результатах работы, сочетающиеся с заботой о людях. Например, в СПК “Родина” люди говорят: «В деревне очень многое зависит от руководителя, от хозяина. Если человек вовремя получает зарплату, обновляет дом, детей растит не испытывая нужды, мучений, у него душа поет», «желание работать появляется, когда тебя уважают, ценят твой труд. Нам именно это дорого. И от колхоза ощутима помощь, многие семьи строят новые дома. Благодаря заботам колхозного правления, во все дома проведен газ. У человека настроение подни-

мается, когда он без задержек получает зарплату. Вот почему хочется работать»¹⁰.

К чести большинства руководителей крепких хозяйств, в сложных условиях они не дистанцировались от решения социальных вопросов села и практически спасли его от окончательной деградации. Включенность в систему неформальных социальных отношений не позволила им сбросить с себя груз ответственности за судьбу деревни. К примеру, в одном из самых сильных хозяйств республики – СХПК «Колос» Вавожского района – расходы на социальную сферу в 2005 г. составили 1,5 млн. руб. По словам председателя хозяйства В. А. Красильникова, «400 тысяч было израсходовано на спорт – это наш приоритет. Оказали помощь двум средним школам, двум домам культуры и двум детским садам. Помогли индивидуальным застройщикам, выделили деньги на санаторно-курортное лечение и т. д.»¹¹.

Для успеха очень важны самостоятельность, высокая степень независимости от посторонних вмешательств, готовность рисковать и брать на себя ответственность за принятие сложных решений. В то же время главы хозяйств должны разбираться в технологиях закулисных игр в коридорах власти разного уровня, владеть тактикой «соскальзывания и проскальзывания», прибегать к не правовым или примитивным практикам. Одним словом – уметь ладить с чиновниками и контролирующими структурами, обходить «неудобные» юридические нормы, скрывать или, наоборот, приписывать некоторые показатели. Подобные опыты лишней раз убеждают в том, что современные преобразования в силу непоследовательности и противоречивости во многом напоминают «игру без правил». Совсем не случайно В. А. Красильников признался, что и в его практике были приписки, уточнив при этом: «... в последнее время идем на это только по просьбе районного управления сельского хозяйства. В 2007-м приписал 300 га посевного клина, в прошлую посевную им для хорошей отчетности понадобилось поменьше – 167 га». Рассказал руководитель о приписках и в других хозяйствах: «... у одного ... по итогам 2008 года по бумагам проходит 120 дойных коров, а на самом деле в дойном стаде 200 буренок. Не учтенные 80 коров “повышают” надой до рекордов в 6800 кг на буренку»¹².

Как известно, основная цель реформирования организационно-правовых форм хозяйствования на селе заключалась в перераспределении земли между хозяйствующими субъектами для равноправного развития различных форм хозяйствования. Цель была достигнута: в аграрном секторе страны действительно появилась многоукладность. Однако реалии жизни убедительно свидетельствуют о том, что разнообразие форм хозяйствования само по себе еще не является залогом их успешного развития. И пример сильных игроков сельской экономики вовсе не говорит о том, что они стали таковыми, благодаря продуманной государственной аграрной политике. Скорее, наоборот. Умные, думающие о завтрашнем дне аграрные управленцы сумели сохранить хозяйства потому, что в самом начале преобразований не поддались массовой истерии деколлективизации. Сами не воспользовались моментом для быстрого обогащения за счет колхозного добра, и другим не дали его растащить. А дальше медленно, но настойчиво, упорно, шаг за шагом закладывали фундамент успеха. В кризисных условиях они повели себя не только как хозяйственники, но и как дальновидные социальные менеджеры. Будучи в массе своей удмуртами, главы хозяйств апел-

лировали к традиционной коллективистской ментальности своих работников – также преимущественно удмуртов, их привязанности к земле и сельскому образу жизни, трудолюбию, слабой горизонтальной мобильности, нежеланию рисковать, привычке «жить вместе», «жить в соседстве». Не случайно на вопрос, обращенный к удмуртам, почему они «не разбегаются» даже из слабых хозяйств», поступали следующие ответы: «Наивны, нет больших претензий, знай, только пашем и пашем», «у удмурта ум запаздывает, и несмелые мы, это и держит», «не можем отстаивать свою точку зрения. Нам сказали, надо сделать – мы и идем, хотя иногда надо бы подумать, а надо ли так делать. Привыкли делать, что скажут. Но что важно – мы надежно работаем», «удмурты к земле привязаны, а почему это так, не задумывался», «мы, удмурты, труженики. В городе нас не ждут, придется оставаться в деревне»¹³.

При этом практически все главы хозяйств, в том числе не только удмурты, с непоколебимым убеждением заявляли, что в трудолюбии равных удмуртам в сельской местности нет. Почти единодушны они были и в мнениях, что представителям этого народа присущи такие качества, как соревновательность, нежелание быть хуже других, стремление угнаться за более сильным, крепким соседом¹⁴.

Можно сказать, что личностный профессионализм в широком смысле этого слова аграрных управленцев, наличие команды единомышленников вкупе с некоторыми чертами этнической ментальности сельских удмуртов для судеб деревни и сельской экономики Удмуртии сыграли однозначно положительную, стабилизирующую роль. Примеры хозяйств-адаптантов служат тому подтверждением.

Резюмируя все рассмотренное выше, необходимо подчеркнуть, что в успешных сельхозпредприятиях, сумевших минимизировать риски и сохранить рентабельное производство, рабочие места, продолжающих оказывать социальные услуги населению, имеются свои риски и проблемы. Например, велика угроза того, что хрупкий запас экономической и финансовой прочности может быть исчерпан, причем зачастую по причинам, не зависящим от самих хозяйств. Усугубляющаяся ситуация на сельских рынках труда, сужение «полюс» социальных услуг (особенно безвозмездных), по-прежнему низкая заработная плата, тяжелые условия труда и другие негативные факторы снижают привлекательность даже крепких «крупхозов» как незыблемых гарантов сохранения социального и материального статуса сельских тружеников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Никитина Г. А. Удмуртское село в условиях российских трансформаций: pro et contra / раздел «Адаптационные ресурсы и практики сельских жителей // Наука Удмуртии. 2007. № 1. С. 159.

² См. подробнее: Аврамова Е. М., Логинов Д. М. Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 24–344

³ Неверов С. Лукавая эта наука – статистика // АИФ в Удмуртии. 2009. № 10.

⁴ См. подробнее: Медведева Л. Кеносьёс тырмизы ю тысен, но музейем ужасьлэн мылкыд пуксемын. Малы? // Ашальчи. 2008. № 5. С. 6–14.

⁵ См. подробнее: Медведева Л. Вашкала эгра музейем: жутско виль юръёс, чузьясско жингрес гурьёс // Ашальчи. 2009. № 3. С. 20.

⁶ Романов Г. Гуртлэн азинсконэз – калык бордын // Ашальчи. 2005. № 1. С. 10.

⁷ Медведева Л. Кеносьёс тырмизы ю тысен... С. 7–8.

⁸ Романов Г. Музейем вылын йыг-йыг сылэ // Ашальчи. 2008. № 5. С. 21.

⁹ Медведева Л. Вашкала эгра музейем... С. 17–19.

¹⁰ Там же. С. 15

¹¹ Никитина Г. А. Удмуртское село в условиях российских трансформаций: pro et contra / раздел «Игроки на поле сельской экономики» // Наука Удмуртии. 2006. № 6. С. 56.

¹² Неверов С. Бумажное молоко // АИФ в Удмуртии. 2009. № 13.

¹³ Полевые материалы автора, собранные в районах Удмуртии в 2004–2006 гг. // Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (далее – НОА УИИЯЛ УрО РАН). РФ, оп.2-Н, д. 1331, 1456, 1458.

¹⁴ Там же.

Поступила в редакцию 3.02.2010 г.

G. A. Nikitina

“Krupkhoz” in agrarian sector of Udmurtia: experience of successful adaptive practices

By the example of some agricultural production co-operatives of Udmurtia successful practices of social and economic adaptation of village managing subjects to the changes of external social environment are considered. Since Rural Production Groups mainly “Udmurt” in ethnic structure are the object of research besides the exposure of typical practices there is an attempt to separate specific features which are peculiar to adaptive practices of the Udmurt rural society.

Никитина Галина Аркадьевна,
доктор исторических наук, профессор
Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск
ул. Ломоносова, 4
E-mail: nikitina@ni.udm.ru

А. Кережи, Э. Сойка

ФИНЛЯНДИЯ ГЛАЗАМИ ВЕНГРОВ

Опираясь на публикации венгерских путешественников, писателей и ученых, авторы статьи анализируют стереотипизированные представления о финнах и Финляндии, связанные с историей, культурой и мировоззрением родственного венграм финского народа.

Ключевые слова: Финляндия, финны, венгры, образ жизни, стереотипы восприятия.

Уже многие и с разных точек зрения писали об истории, природе и культуре Финляндии. В данной статье мы попытались показать процесс, в ходе которого финны «проделали путь из лесов в города», достигнув нынешнего положения, часто именуемого в Венгрии не иначе как финское чудо.

В глазах венгров Финляндия – один из последних уголков нетронутой природы, где главную ценность и интерес для туристов составляют «огромные сосновые леса, прозрачные реки и озера, чистейший воздух»¹. Финны и сами подтверждают сложившееся о Финляндии мнение, называя ее страной лесов и озер.

Финляндия относится к тем немногочисленным, доступным для географического описания странам, в которых несмотря на достижения цивилизации сохранились значительные лесные пространства. Две трети ее территории и сегодня покрыты лесом. На севере, в зоне хвойных лесов, типичными и экономически ценными породами являются ель, сосна, а также широко распространенная береза, в то время как в южных районах это ольха и тополь, но встречается и клен. Здесь произрастает более ста видов грибов, как известно, наиболее восприимчивых к загрязнению воздуха, и разнообразных диких ягод.

Другая важная составляющая природы Финляндии – это вода. В Венгрии распространенным является стереотип, что Финляндия – страна тысячи озер. Действительно, здесь находится одна из самых обширных озерных систем в мире. Четверть территории Финляндии покрыта водными бассейнами. Число озер, образовавшихся в результате ледникового периода, составляет почти 188 тыс., даже в том случае, если учитывать озера площадью свыше 500 м². Одна из характернейших черт финского пейзажа – разделенная скалистыми массивами, похожая на лабиринт разветвленная речная сеть и занимающие большую площадь болота.

Важная роль природы и экологии в жизни финнов объясняется главным образом двумя факторами. С одной стороны, это тесная связь с окружающим миром, обусловленная прежним образом жизни финского народа. В обширных ле-

сах на протяжении столетий финны занимались собирательством, охотой и рыболовством, которые основывались на использовании лесных и водных богатств. В условиях сурового климата, посреди огромных пространств, в результате упорной работы и борьбы с силами природы зародились земледелие, промыслы и ранние формы промышленности. Даже с переходом в города связь людей с природой не исчезла. Без резких изменений, почти незаметно она стала органичной частью современного образа жизни.

Вторая причина, повышенного внимания финнов к природным ценностям, кроется в их мировоззрении. На давние составные элементы окружающего мира, которые заложили основы успешного пути к модернизации, финны смотрят как на обновляющиеся источники энергии, сырьевой запас. Рациональность, прагматизм, а также еще сильное сознание недавнего образа жизни, тесно связанного с природой вместе определяют эту важную сторону финского менталитета.

То, что является ценностью для современного человека, раньше было обычным. Финляндия еще в недавнем прошлом обладала значительными нетронутыми территориями, которые в сущности представляли собой огромный девственный лес на севере страны. Исторические источники упоминали их как «беличьи» и «птичьи» леса². Именно в этих местах финны традиционно занимались собирательством, охотой и рыболовством. Собирали лесных ягод в первую очередь было делом женщин и детей. Большую часть собранных плодов употребляли еще летом. Раньше на зиму заготавливали только бруснику, целые или мятые ягоды хранили в больших деревянных бочках. Чернику сушили в печке или на солнце и хранили до зимы. Ее принимали и в качестве лекарства. В некоторых районах Финляндии в большом количестве употребляли в пищу грибы, которые засаливали в бочках. Богатые витаминами, минеральными веществами лесные ягоды, из которых изготавливают ликеры и варенья, играют важную роль и в современном рационе питания. Клюква, лесная земляника и клубника, произрастающая на бывших вырубках арктическая малина – все это любимые финнами ягоды. Хотя на сегодняшний день экономическая ценность лесных ягод незначительна, но многие представители старшего поколения еще помнят те времена, когда осенью нужно было приносить на школьную кухню определенное количество ягод для зимнего питания. Сейчас сбор лесных ягод для многих все еще означает возможность дополнительного сезонного заработка, для остальных же это лишь полезное и приятное времяпрепровождение³. У каждого есть право собирать ягоды даже там, где находится дом другого человека⁴. Согласно опросам, почти две трети взрослого населения Финляндии продолжает собирать дикорастущие ягоды.

Другой формой использования лесных богатств была охота. У всех деревенских общин, даже если они уже занимались земледелием, были свои промысловые угодья в северных лесах, куда мужчины ходили охотиться и рыбачить. Каждое угодье было помечено своим отличительным знаком. Осенью велась охота на лесных птиц, зимой на пушных зверей, оленей и лосей, ближе к весне, на морском льду охотились на тюленей. Для финского крестьянства, которое вплоть до конца XIX в. сохраняло набор традиционных орудий лова, охота осталась важным дополнительным промыслом даже после того, как земледелие стало основной отраслью хозяйства. Добраться до лесов было несложно благодаря охватывающей всю страну речной сети. По ней же проходила и даль-

няя торговля. Различные предметы, например, металлические орудия, украшения, ткани, соль и т.д., приобретались на мировом рынке в обмен на пушнину, поэтому использование благ дикой природы в течение столетий сохраняло важное хозяйственное значение⁵.

Общим местом в венгерском языке является фраза о том, что Финляндия «это страна зеленого золота». Лес использовали не только в качестве места охоты, но и как источник материала для хозяйственных нужд, орудий, дров, а также для производства смолы⁶. Лес является не только основой экономики, но и духовной опорой нации. Без леса не может существовать ни Финляндия, ни финны. Лес дает людям не только чистый воздух, тишину, покой, но и выручает в трудную минуту различными дарами⁷. Благодаря лесу финны получили значительную часть пахотных земель. В зоне лиственных лесов в летние месяцы листва березы и тополя составляла основу корма для домашнего скота.

Еще три поколения назад Финляндия была довольно бедной страной, большая часть населения которой была занята в земледелии и лесной промышленности. В XIX в. земледелие и сопутствующие ему промыслы давали пропитание 90% населения. При местном климате хозяйство, обеспечивающее каждого члена общины и удовлетворяющее основную часть потребностей, было настоящим чудом⁸. Земли под посев освобождались от леса подсечно-огневым способом. Особенность его заключалась в том, что под подсеку отводили в основном участки хвойного леса, предварительно «выдерживая» его таким образом, что кору самых крупных деревьев частично снимали, от чего они постепенно сохли на корню, в то же время своей мощной корневой системой осушая слой земли, покрытый мхом, делая участок подходящим для дальнейшей вырубki и пожара.

Настоящий прорыв начался в 1860-х гг. с превращением лесозаготовок в часть промышленности, когда цена леса на европейских рынках постоянно росла. Леса и право на их вырубку покупали арендаторы, практика же крестьянских вырубок, основанная на обычном праве, оставалась в прошлом. Слой профессиональных рабочих лесной промышленности сформировался из бедных крестьян и безземельных жителей деревни. Крупные вырубki леса начались во второй половине XIX в., когда лес стал главным экспортным товаром Финляндии. Сезон лесозаготовительных работ открывался в ноябре и продолжался до марта. Затем следовал этап переправки леса, который осуществляли по водным путям, рекам и озерам. Поваленный в больших объемах лес зимой доставляли к заказчику на рабочих санях, а летом сплавливали по рекам. Сплав леса начинался в конце апреля-начале мая, эту работу, требующую сноровки и физической силы, выполняли специальные рабочие-сплавщики. Они составляли особую группу среди рабочих лесной индустрии. В старых финских фильмах сплавщик *jätkä* считался таким же героем, как ковбой в вестернах⁹. Вплоть до 1950-х гг. сплав был главной формой транспортировки в лесной промышленности, затем стали доминировать железнодорожные и автоперевозки¹⁰.

К началу XX в. число работающих в лесной промышленности увеличилось в несколько раз. Лес благодаря самоотверженной борьбе с ним лесорубов и сплавщиков помог финнам, еще в середине XIX в. «живущим в нищете и не раз переживавшим голод... включиться в поток капиталистического развития Европы»¹¹. Доходы от лесной промышленности составили основу для модернизации сельского хозяйства и развития других отраслей промышленности, таким обра-

зом лесной индустрия стала источником развития новых направлений финской экономики¹². Правительство направляло получаемые от леса доходы в первую очередь на поддержку сельского хозяйства, способствовало созданию мелких крестьянских хозяйств, что одновременно помогало снять социальную напряженность. В условиях аграрного перенаселения это решало проблему выживания безземельных крестьян, с другой стороны обеспечивало участками выселенных после войны карельских земледельцев. Владельцы расчищенных от леса земель активно участвовали в заготовке и транспортировке леса, в особенности на севере страны, где главным образом это давало средства к существованию. Шаги государства, направленные на укрепление жизни в деревне, в действительности вплоть до 1950-х гг. помогли сохранить тесно связанный с природой уклад жизни и кроющиеся за ним традиционные отношения, характерные для значительной части населения. Со временем изменилась структура продуктов лесной промышленности, роль круглого леса и пиломатериалов уменьшилась, и возросла доля изделий бумажной индустрии, требующих более сложных технологий, в ходе чего страна превратилась в одного из ведущих производителей целлюлозы. В то же время значение природы, леса в Финляндии хотя и получило некоторую переоценку, но по-прежнему остается важным. С практической точки зрения, в силу занимаемых площадей лес и сегодня является важным природным фактором, а основанная на нем промышленность одним из передовых направлений экономики. За счет этих лесов сформировалась часть отраслей, являющихся визитными карточками финской экономики.

Среди известных предприятий стоит упомянуть металлургический завод «Фискарс», который также возник еще в 1649 г. благодаря обширным лесам и почти неограниченному количеству гидроэнергии. Предприятие, первоначально специализирующееся на производстве гвоздей, ножей, лопат, металлических колес и других инструментов, в XIX в. пополнило свой товарный ассортимент столовыми предметами, а также ножницами. Постоянное развитие заводу обеспечивали приспособление к требованиям рынка, вложение интеллектуального капитала и производство качественной продукции. Со второй половины 1960-х гг. настоящей мировой славой для предприятия стали ножницы с оранжевой ручкой. В настоящее время Фискарс – корпорация, ведущая свою деятельность на разных континентах, для которой промышленное производство, специализирующееся на товарах для рукоделия и хозяйства, является лишь одним из направлений¹³. Широкий ассортимент товаров этой фирмы доступен и в Венгрии. В каждом из товаров Фискарс прекрасно сочетаются функциональность, практичность и дизайн.

В стране, где прижилась одна из самых развитых в Европе скандинавская модель социально-экономического развития, кардинальные перемены, затрагивающие тесно связанный с природой образ жизни, были неизбежны, этому способствовали и другие факторы, не в последнюю очередь финская сила духа – *sisu*¹⁴. По мнению венгров, на формирование особенностей национального характера во многом повлияло то, что финны живут в стране с неблагоприятным климатом, в каждодневной борьбе с природой за выживание. В результате выработалась своеобразная форма поведения, которую они называют *sisu*. Это своего рода духовная сила, которая в зависимости от контекста может означать как упрямство, непокорность, своеволие и грубость, так и упорство, стойкость, сме-

лость, а также желание и умение выжить в трудных ситуациях¹⁵. Все эти качества были необходимы, чтобы обратить себе на пользу окружающие суровые условия.

Экологическое движение, сформировавшееся и получившее распространение в 1980-х гг., а также растущее влияние организаций, выступающих в защиту окружающей среды, вызвали изменение отношения к использованию леса¹⁶. Символический случай, демонстрирующий современное восприятие финнами природы, и часто упоминаемый в Венгрии в качестве примера, когда новое боковое крыло Парламента было спланировано таким образом, чтобы избежать вырубки стоящего там старого дерева¹⁷. Более глубокий смысл по сравнению со звучной историей носит в себе создание Музея леса Финляндии, который построили в 1990 г. в непосредственной близости к Пункахарью, охраняемой территории, которая имеет статус национального парка¹⁸. Район Пункахарью обрел известность в конце XIX в. в период финского национального пробуждения, когда по инициативе Академии началось народное движение для выбора «наиболее характерных финских» местностей. Среди первых выбранных мест было Пункахарью, где между двух озер протянулась узкая гряда, с которой открывается завораживающий вид на озера и обрамляющие их леса. Размещение Музея леса в таком месте с одной стороны показывает, что финны считают лес «не только площадкой <присвоения> природных богатств, но и предназначенным для многих других целей, в первую очередь сакральным пространством, которое нужно сохранить»¹⁹. С другой стороны тем самым финны принимают те представления о природе, которые сложились в эпоху национального романтизма, считают, что их стоит сохранять и обогащать новыми значениями и сегодня. Во всем этом находит выражение коллективная память, желание укрепить традиции, объединяющие общество и обеспечивающих преемственность культуры.

Финны со своими обычаями до определенной степени и сегодня напоминают людей, для которых характерными чертами являются поиск уединения, душевная потребность удалиться от цивилизации в леса²⁰. В то же время образ стремящегося на лоно природы человека является отличительной чертой финнов не только в глазах иностранцев, но и с давних пор составляет часть самосознания самих финнов. Финны гордятся достигнутыми результатами, но вместе с тем «другой стороной их амбивалентного отношения к модернизации является тоска об утраченном, в какой-то степени варварском существовании, не знавшем истории: стремление вернуться в лес»²¹.

В Венгрии понятие сауны еще один такой стереотип, который прочно ассоциируется с Финляндией. При слове сауна на ум в первую очередь приходят финны даже тем, кто не много слышал о Финляндии. Не вдаваясь в исторические и этнологические подробности, можно сказать, что традиции сауны широко распространены от самых северных земель Норвегии вплоть до русского населения Сибири, включая и финно-угорские народы России.

Сауна – это своеобразное культурное явление, которое привлекает взгляд заезжего иностранца в первую очередь. А. Регули, венгерский финно-угровед, также упоминает об этом в письме к родителям в 1840-м г.: «...внимания заслуживают и их бани (финские или русские). Если позволяет время, финны ходят в баню каждый день, у всех есть собственная баня, даже у самых бедных. Финны подают пар, выплескивая воду на раскаленные камни, и хлещут себя березо-

выми вениками, чтобы лучше пропотеть. Вся семья моется вместе, и чтобы лучше попариться, в бане сооружены ступени, до самой крыши. Время от времени они выходят из бани абсолютно обнаженными, бросаются в сугроб и заходят обратно»²².

Сауна в Финляндии имеет давние традиции, и по сей день является органичной, незаменимой частью финской культуры. «Прежде строй баню, а потом берись за дом» – гласит финская пословица. Помимо обеспечения гигиены и поддержания здоровья, сауна играет большую роль в семейных буднях и праздниках, в построении связей коллектива и социализации. Вместе со своей интимностью и несмотря на нее, это настоящий общественный институт. Сауна для финнов – это сакральное место, в котором нельзя шуметь, выяснять отношения. Раньше детей рожали в сауне, так как это было самым чистым помещением в доме. Покойников также оставляли здесь, прежде чем унести на кладбище. У сауны был особый дух-покровитель. Иногда будто бы видели, как он моется в красной рубашке, и слышали, как он нахлестывает себя веником. Обряд с преподнесением этому духу жертвенной пищи также проводили в сауне²³.

Древность традиций сауны подтверждается и тем, что в национальном финском эпосе «Калевала» нередко встречаются указания на нее, например в стихотворной форме мы можем прочесть о приготовлениях к мытью кузнеца Ильмаринена, в которых ему помогает младшая сестра. Таким образом, «Калевала» одновременно является и источником информации о древних формах парных бань. Традиционная сауна представляла собой небольшое бревенчатое сооружение без дымохода (во многих местах и сегодня настоящей считается сауна «почерному»). Внутри стояла выложенная из камней печь, которую топили дровами, и дым которой наполнял все помещение. Поэтому ее и называли дымной сауной (*savusauna*). Когда внутри становилось достаточно жарко, дым выпускали наружу, только после этого начинали мыться. По мере развития сауны – от самых ранних земляных форм до современных кабин – происходило много изменений в ее конструкции, но принцип, лежащий в основе, остается неизменным по сей день. Сауна – неперемнная часть каждого финского здания, квартиры, офиса.

Сауна – тысячелетний национальный институт, присутствующий во всех крестьянских хозяйствах и городских домах. Сауна обязательна в ваннных комнатах городских квартир и иногда даже в общественных зданиях. Финны считают, что человек после нее рождается заново²⁴. Финны придают сауне не меньшее значение, чем питанию или сну. Раньше по субботним вечерам вся семья ходила в сауну вместе. «Глава семьи – или самая младшая дочь – собирает березовые прутья и осторожно, словно следуя ритуалу, объединяет их вместе, связывает первые тонкие березовые веточки, июньские, наиболее подходящие для этого. Затем убираются в сауне, не жалея воды, подметают. Березовыми дровами затапливают каменку. Подготавливают необходимые для мытья и распаривания веников ушата, небольшие ведра, полотенца, банные халаты, а также ставят в предбаннике какое-нибудь легкое пиво. Когда воздух в сауне прогревается до 80 градусов, предварительно помывшись, садятся на скамейку, затем, когда чувствуют нужным, выбегают на улицу в воду или даже снег и снова возвращаются на полук сауны, из трех на самый верхний, чтобы голова доставала до потолка, потому что там жарче всего»²⁵. Пребывание в сауне кроме мытья подразумевает

под собой спокойствие, полное расслабление, телесную и душевную гармонию. Современные финны, как и их предки, ждут от сауны здоровья и излечения при болезни. Важность сауны подчеркивает то, что их строили даже к олимпийским играм и на военных фронтах.

В крестьянских хозяйствах сауну использовали и для сушки сельскохозяйственной продукции, копчения мяса. В предбаннике же выполняли различные хозяйственные работы, например стирали, варили пиво, а даже резали свиней.

Сауна имеет свое назначение и в общественной жизни. Например, во время президентства У. К. Кекконена финляндский совет министров каждый четверг посещал сауну, где рассматривались важные государственные вопросы. Председатель Венгерской социалистической рабочей партии, первый лидер социалистической Венгрии, Я. Кадар также был здесь гостем.

В остальной Европе сауна начала распространяться между двумя мировыми войнами, не в малой степени благодаря спортивным достижениям финских олимпийских чемпионов, в том числе П. Нурми. Считалось, что секрет их успехов кроется в благотворном, повышающем выносливость влиянии сауны. Благодаря этому с середины XX в. интерес к строительству саун возрос во всей Европе²⁶.

В Венгрии также все чаще можно встретить финскую сауну не только в гостиницах, бассейнах, фитнес-центрах, но и во многих частных домах. В привитии традиций сауны в Венгрии в первую очередь сыграли роль те, кто каким-то образом был связан с Финляндией, финской культурой. Мы, венгры, в основном встречаемся с сауной, посещая бассейны, купальни, иногда в wellness-отелях, салонах красоты или спортивных центрах. Однако в сауну у нас в отличие от финнов ходят не обнаженными, а в купальных костюмах. Если кто-то полюбил сауну и живет в доме с садом, то на сегодняшний день можно построить сауну за относительно небольшие деньги. Уже и в Венгрии многочисленные компании занимаются производством и реализацией саун различной конструкции, кабин и домиков для сауны, парных.

Среди характерных черт финского характера в Венгрии часто упоминают желание тишины, покоя. В нашем представлении финны стремятся отстраниться от жизни в цивилизации, бегут на лоно природы, где в дачных домиках *мёкки* погружаются в традиционную жизнь. *Мёкки* наряду с незаменимой сауной также является одной из характерных и определяющих составных финского менталитета, так как неразделимо переплетается с отношением финнов к природе и сельской жизни: это ностальгически окрашенный, в какой-то степени романтизированный элемент финского прошлого, часто связанного с деревней, а также место не только отдыха, но и активного труда²⁷. Дословно *мёкки* означает «лачуга», «хижина», на самом же деле в наши дни это финский дачный дом, летний коттедж. Согласно статистике 2005 г. в Финляндии насчитывается 474 тыс. дачных домов, помимо этой огромной цифры важным является факт, что каждый второй житель через родственников, друзей имеет доступ к *мёкки*²⁸.

По мнению Д. Варги, тоска по традиционному образу жизни живет в финнах, потому что они не хотят отрываться от прошлого. Они любят одиночество, близость к природе, спокойное уединение вдалеке от цивилизации, отшельнический образ жизни²⁹. Хотя современное значение *мёкки* – дачный дом, но изначально оно могло служить и обычным жилым домом. Раньше, например, в сезон

охоты охотники жили в подобных лесных хижинах, в которых имелась и кладовая для добычи³⁰. Позже в этих постройках жили и лесники со своими семьями³¹.

Мёкки как место летнего отдыха имеет глубокое прошлое. Построенные в предместьях городов сельские виллы в первую очередь являлись престижным местом летнего отдыха городской буржуазии и одновременно обладающими особым статусом площадками общественной жизни. Развитие промышленности и интенсивная урбанизация в конце XIX – начале XX вв. усилили стремление к природе, и состоятельные семьи целое лето стали проводить в загородных домах. После обретения независимости (1917 г.) изменилась структура финляндского общества, различия между классами сократились, и одним из наглядных последствий этого было увеличение числа дач. В период между мировыми войнами *мёкки* стали проще, функциональнее и дешевле. Основным в них теперь считались близость к природе и возможность развлечения для детей. Уже в то время к городскому образу жизни относилось связанное с *мёкки* явление «двойного жилья». Писателя Я. Кодоланьи, посетившего такой загородный дом, впечатлили размеренный ритм жизни, успокаивающая, умиротворяющая тишина. Именно в негромкой атмосфере *мёкки* и его лесного окружения, он увидел источник чистоты, гармоничного покоя, столь необходимого для здоровой души³². Об этом говорит само название его книги о Финляндии – «Суоми, страна тишины».

Начиная с 1950-х гг. культура *мёкки* стала массовым явлением, как бы в противовес процессу урбанизации. Эти дома, побольше и поменьше, располагаются в лесу, на берегах озер или моря, вдалеке друг от друга, и считаются одними из важнейших составляющих финской жизни. *Мёкки* «никто не проектировал, лишь представлял себе мысленно. Деревья рубили там же в лесу, камни доставали из русла реки, вырезали деревянные шпильки, между бревен для уплотнения использовали и мох. Только для печки кирпичи приносили издалека, цемент, известь, стекло для окон... Такой дом стоит на огромных камнях на покато́й, обрывистой опушке леса; ... Столбы, крыша построены из дерева, на досочном полу гулко раздаются шаги. Стены сложены из обтесанных стволов сосны, снаружи они выглядят уже серебристо-серыми, внутри же дерево еще светло-желтое... По кругу находятся смастеренная из досок ярусная кровать, сложенный из камней очаг, в нем крюк для подвешивания котелка, скамейка, стол, полки на стене. В передней части вместительный встроенный шкаф, подалеке умывальное помещение и сауна. На просторной веранде дрова, ведра, резиновые сапоги, сохнувшие рыболовные снасти. В нескольких шагах отсюда у берега реки покачивается на воде сине-красная лодка»³³.

В наши дни на выходных финские города пустеют, так как жители отправляются на свои дачи. Сейчас к этому уже не относятся пренебрежительно, свысока, даже наоборот, финнов уважают, ценят за то, что несмотря на свою современную, развитую технику, комфортную, беззаботную жизнь, они сохранили любовь к природе, близкий к ней образ жизни. Сочетание современности и простоты сегодняшней финской жизни среди венгров вызывает изумление³⁴. Для разгадки финского менталитета необходимо знать о двойственности, соединяющей в финской жизни простоту, ценностный мир культа *мёкки* и самые высокие технологии³⁵.

Общеизвестный стереотип о финнах, в то же время вызывающий восхищение у венгерских путешественников и инженеров – это простая, современная, в самом хорошем понимании слова функциональная финская архитектура, в которой нет ничего показного или напыщенного. Среди специалистов сформировалось мнение, что в течение многих столетий особый климат Финляндии вынуждал строителей прибегать к закрытости и надежным структурным решениям. Однако природные условия определяли не только конструкцию и дизайн построек, но и образ мыслей архитекторов. Защите от влажности и холода они придавали и придают намного больше внимания нежели, чем в остальной Европе³⁶.

В период традиционной архитектуры в Финляндии, как и везде, материал жилищ и других построек зависел от природных ресурсов. Основной строительный материал на всей территории Финляндии – это дерево, в первую очередь сосна, которую использовали еще в древнейшие времена. Традиционные финские постройки представляют собой бревенчатые дома с двускатной крышей, к которым с юго-западной стороны часто примыкают двухэтажные хозяйственные помещения, которые вместе с домом составляют закрытый двор в форме прямоугольника. Для каждой местности была характерна своя архитектура. Закрытый двор с просторными бревенчатыми постройками был типичен в центральной и западной части Финляндии, деревянные дома с украшенным фасадом – в Карьяле и Саво³⁷. Начиная с XVIII в. бревенчатые дома на шведский и восточно-норвежский манер стали обшивать снаружи досками, выкрашенными в желтый, красный, реже белый, бледно-серый цвета, оконные рамы и дверные косяки красили в белый³⁸. Покраска, особенно железосодержащими красками, консервировала дерево, защищала его от непогоды, и в то же время имела эстетическую ценность: «выкрашенные в красный, желтый дома в особенности зимой создавали яркие, радующие глаз цветные пятна на заснеженном пейзаже»³⁹.

Из дерева строились не только сауны и мёкки, но и сельские, а иногда и городские жилые и общественные здания, церкви первоначально также были деревянными. Ставшая эмблематичным понятием финская архитектура, можно сказать, с религиозным уважением относящаяся к окружающей среде, гармонии природы, во многом сохранила эту традицию и заслуженно получила известность, благодаря своим лаконичным, благородным формам, натуральным материалам и дизайну, сочетающему в себе функциональность и красоту.

«Прорыв» в современной финской архитектуре произошел на рубеже XIX–XX веков⁴⁰. На Всемирной выставке в Париже – в 1900-м г. – финская архитектура, которую тогда представляли проекты в духе национального романтизма Х. Гезеллиуса (1874–1916), А. Линдгрена (1874–1929) и Э. Сааринена (1873–1950), впервые привлекла внимание мира. В их работах удачно переплеталось национальное и интернациональное, но основной тон задавало направление финской национальной романтики, которое черпало вдохновение в первую очередь в карельских мотивах, а также мире Калевалы. Финский национальный музей также был возведен в стиле национальной романтики. Достижения финских архитекторов, показанные на Всемирной выставке, вызвали искреннее уважение венгерских коллег, которые с воодушевлением стали следить за развитием финской архитектуры. Э. Коронги Липпих, правительственный чиновник по культуре – сторонник направления, выступающего за национальные основы

современного искусства – лично занялся этим вопросом и способствовал укреплению финско-венгерских связей. Согласно его авторитетному мнению «со времен Средневековья в мире не рождалось архитектуры более приспособленной к определенному климату, ландшафту, населению, историческому духу, чем финская»⁴¹. Эти годы, доставившие удовольствие от сотрудничества обеим сторонам, богатые на новые идеи, подходы, течения в искусстве, считаются легендарным периодом в истории венгерско-финских культурных связей. Между деятелями искусства завязывались личные контакты, зарождались дружеские отношения, длившиеся десятилетиями. Плодотворные связи, основанные на интересе к народному искусству, налаживались не только в кругу архитекторов, но и художников, особенно между членами творческой мастерской Гёделлэ и А. Галлен-Каллелой (1863–1931). Официальная культурная политика Венгрии также оказывала всемерную поддержку развитию этих связей как материально, так и организацией совместных выставок⁴².

Э. Сааринен, самый известный финский архитектор этой эпохи, позже получивший мировую известность, много раз побывал в Венгрии в те годы. Столичные власти обращались к нему за профессиональным советом по вопросам благоустройства, развития Будапешта⁴³.

Искусство финской архитектуры той эпохи могло служить венграм примером для подражания не только из-за личных контактов, но и благодаря созданным произведениям. Это влияние прослеживается в зданиях, возведенных в те годы по проектам участников творческого объединения, известного под названием «Fiatalok» («Молодые»). Среди всех прочих, это художественная мастерская в д. Стана, Секейский национальный музей в г. Шепшисентдёрдь, спроектированные К. Кошем, или здание главной гимназии г. Кечкемета, разработанное В. Менде, являются постройками, в которых чувствуется дух финской загородной архитектуры, Финского национального музея, больницы Эйра и других значимых сооружений той эпохи⁴⁴. Венгерские архитекторы посредством финских примеров воспринимали те новые принципы конструирования, которые успешно соединяли различные элементы региональных архитектурных традиций в гармоничное целое. Своими стараниями они создали отличное от предшествующих, иное по качеству течение в архитектуре, которое представляло собой «разновидность европейского сецессиона, стремящуюся к ярко выраженным конструктивным решениям, лишенным вычурности, излишней напыщенности, неорганичности декора»⁴⁵. Готовность к восприятию финского влияния подпитывалась симпатией, вызванной общими чертами двух народов, родственностью мировоззрений, и не в последнюю очередь схожестью политической ситуации и истории.

Современная архитектура открыла новую главу в истории финского зодчества. Уже в 20-е гг. XX в. появилось и начало набирать силу поколение, работавшее в стиле конструктивизма и функционализма. Их излюбленные материалы – стекло, бетон; в сооружениях акцент делается на конструкцию; их формы очень просты, пространства широкие и обозримые, отделка зданий строится на принципах гармонии внешних и внутренних площадей, рациональности интерьера. Выдающимся представителем этого направления был А. Аалто (1881–1976), который является автором важных архитектурных ансамблей многих финских городов. Аалто начал свой творческий путь на рубеже 1920–1930-х гг., придер-

живаясь взглядов Ле Корбюзье. Именно тогда в финском общественном сознании появилось выражение функционализм (*funkcis*). Этот архитектурный стиль был распространен и после Второй мировой войны – вплоть до 1970-х гг. Яркие образцы раннего функционализма – Олимпийский стадион Хельсинки или Вилла Майре, разработанная А. Аалто.

Поколение финских архитекторов-модернистов, начавших работу в 1930-х гг., наряду с пристрастием к бетону умело применяло материалы, которые использовали их предшественники, в особенности дерево. Заслуга этой генерации в том, что они привили крупные европейские стилевые течения на почву национальных традиций, сохранив при этом благородно простые формы и материалы (То же самое действительно и в случае прикладного искусства).

Планировщики первых жилых кварталов возвращались к технологии деревянного зодчества. Примером этому служит городской район Кяпюля, построенный в зеленой части Хельсинки в 1920–1925 годах⁴⁶. В период восстановления после Второй мировой войны вблизи Хельсинки, появился новый район г. Эспоо – Тапиола, представляющий собой удачную попытку скомбинировать пригород и зеленую часть города. В это время появились т.н. «лесогорода», когда жилые дома группами строились в центре лесных участков. Несмотря на простоту дизайна, они выглядят более интересно, чем обычные жилые районы.

Что касается этнографического направления, самым ранним примером этому в Финляндии был Музей под открытым небом Сеурасаари, который построили на одном из живописных островов в городской черте Хельсинки в период первых проб современной финской архитектуры в 1909 году. Доставленные сюда, а также реконструированные постройки и ансамбли были собраны таким образом, чтобы в одном месте были представлены важнейшие формы сельских строений, виды поселений и прежний образ жизни в различных областях страны⁴⁷. Со времени создания первого музея под открытым небом в Финляндии прошел интенсивный и быстрый процесс модернизации. Несмотря на это система ценностей, чувство ответственности за свою традиционную культуру не пострадали. Доказательством тому служат многочисленные старые постройки, замки, усадьбы и крестьянские хозяйства, сохранившиеся в сельской местности. В Финляндии забота о них является задачей всего общества. С одной стороны ощущается ответственность отдельных людей, проявляющаяся в привязанности к обстановке, сооружениям, вещам, воплощающим прежний образ жизни: «Если посетить какое-нибудь финское хозяйство, то в некоторых помещениях можно почувствовать себя, как в музее. Нередко можно увидеть даже вещи, помеченные XVIII в. или имеющими знак собственности». Следствием этой особенности менталитета, заключающейся в стремлении сохранить наследие прошлого, встречающейся у отдельных людей, семей, является то, что сегодня Финляндию можно назвать страной не только тысячи озер, но и тысячи музеев, ведь число провинциальных музеев превышает тысячу, и таким образом, по количеству музеев на одного человека Финляндия занимает первое место в мире. С другой стороны и государство берет на себя роль защиты памятников, сохранившихся благодаря отдельным людям, но по каким-то причинам переставших находиться в частной собственности. Их регистрация и содержание сосредоточены в одних руках, о них заботится Государственное музейное ведомство Финляндии⁴⁸.

Приспособление к природным условиям вплоть до недавнего времени являлось характерной чертой финской архитектуры. По причине неблагоприятного климата модернизм в Финляндии смог проявить себя в полную силу, необходимость в просторных, светлых, внутренних площадях, как противовес неблагоприятным погодным условиям, стала особенностью их архитектуры. По мнению венгерского архитектора Г. Зимбораша, много лет прожившего в Финляндии, «грубый стиль бетонных построек в 1960-х гг. не обошел стороной центры городов. Однако в эти же годы начали создавать и такие общественные здания, в которых отражались идеи Аалто. А. Аалто спроектировал новый городской центр в Сейняйоки, с характерными общественными сооружениями, а также дворец «Финляндия» в Хельсинки».

После кризиса 1970-х гг., для 1980-х было характерно архитектурное многообразие. Одним из центральных вопросов архитектуры становится организация пространств. В этом наиболее обобщенным образом выражается финский характер, отражая демократическое устройство государства. Свойственной чертой является также то, что и общественные здания, и жилые районы находятся в тесной и гармоничной связи с природной средой редконаселенной страны. Финская архитектура постоянно обновляется благодаря действенной системе проектов, предоставляющей возможности для деятельности молодых. В 1990-е гг. новое поколение архитекторов вновь обратилось к рационализму, сохранив однако такие основные ценности архитектуры, как разнообразие способов организации пространства и искусное использование материалов. Таким образом, этот неорационализм выделяется среди европейских минималистских течений так же, как и архитектура Аалто отличалась от европейских тенденций в 1950-е годы.

В XXI в. и финским архитекторам необходимо найти свой путь в глобализирующемся мире. В Хельсинки будто из-под земли выросли совершенно новые районы и появились здания в стиле хай-тек. Некоторые считают, что финская архитектура нуждается в неординарных иконических сооружениях, чтобы показать себя миру. Построенный в 2008 г. в г. Котка Морской и Региональный музей можно считать предшественником такой архитектуры. Тем не менее, финскую архитектуру по сегодняшний день отличает то, что она принимает, усваивает все новое, не отказываясь от собственных национальных особенностей. В этом, по-видимому, заключается секрет ее успеха.

Рассказ о Финляндии нельзя считать завершенным, поскольку в финской культуре существует множество явлений, о которых не говорилось в данной статье. Мы, венгры, относимся к финнам, как к родственному северному народу, жизнь и культура которого имеет для нас особую притягательную силу. Многим венграм известно о родстве с финнами, общем происхождении и давнем распаде общности, но кроме этого их притягательность для нас объясняется и интересом к отличному от нашего, сформировавшемуся при иных условиях стилю жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Simonyi E., Torontáli Z.* Finnország. Útikönyv és térkép 2004–2005. Budapest: Tábla és Penna Kiadó, 2004. Ol. 11.

² *Talve I.* A finn népkultúra. Debrecen: Debreceni Egyetem Néprajzi Tanszéke, 2000. Ol. 62.

³ *Szűz E.* Finnország. Budapest: Panoráma, 1979. Ol. 113.

⁴ *Tudtad ezt Finnországról? Keuruu, 2002. Ol. 6.*

- ⁵ *Vilkuna K.* A finn paraszti életforma kialakulása // Uráli népek Hajdú Péter szerk. Budapest: Corvina, 1975. Ol. 180.
- ⁶ *Talve I.* A finn népkultúra. Debrecen, 2000. Ol. 72.
- ⁷ *Szj E.* Finnország. Budapest: Panoráma, 1976. Ol. 18.
- ⁸ *Talve I.* A finn népkultúra. Debrecen, 2000. Ol. 44.
- ⁹ http://www.hotdog.hu/magazin/magazin_article.hot?a_id=335504&h_id=943&m_id=654
- ¹⁰ *Talve I.* A finn népkultúra. Debrecen, 2000. Ol. 73.
- ¹¹ *Varga D.* Finn testvéreink. Budapest: Kozmosz Könyvek, 1982. Ol. 92.
- ¹² *Romsics I.* Suomi titkai // Rubicon. 2008. Vol. XIX. № 2–3. S. 87–88.
- ¹³ http://www.fiskars.com/content/garden_hu_hu/Garden/aboutFiskars/CorporateInformation
- ¹⁴ *Szj E.* Finnország. Budapest, 1979. Ol. 180; *Romsics I.* Suomi titkai // Rubicon. 2008. Vol. 19. № 2–3. S. 92.
- ¹⁵ *Romsics I.* Suomi titkai. S. 87.
- ¹⁶ *Csité A.* Búcsúpillantás // Replika. 1997. Vol. 26. Ol. 91.
- ¹⁷ *Szj E.* Finnország. Budapest: Panoráma, 1976. Ol. 46.
- ¹⁸ <http://www.lusto.fi/?locale=en>
- ¹⁹ *Csité A.* Búcsúpillantás. Ol. 91.
- ²⁰ *Abonyi-Karhunen A.* Finnország-sztereotípiák az útikönyvekben. Korunk, Január, 2006.
- ²¹ *Csité A.* Búcsúpillantás. Ol. 91.
- ²² *Szj E.* Finnország. Budapest, 1979. Ol. 184.
- ²³ *Varga J.* Finn mozaikok // Finnugor kalauz. Szerk. Csepregi Márta. Budapest: Panoráma, 1998. Ol. 162.
- ²⁴ *Kodolányi J.* Suomi. Budapest: Magvető Könyvkiadó, 1990. Ol. 81.
- ²⁵ *Koczogh Á. Otthon.* Finnországban. Budapest: Gondolat Kiadó, 1987. Ol. 83–84.
- ²⁶ Cm.: <http://www.termalfurdo.net>
- ²⁷ *Päräinen K.* The Summer Cottage: A dream in the Finnish forest // Multiple Dwelling and Tourism. Negotiating Place, Home and Identity / Ed. by Norman McIntyre, Daneil R. Williams, Kevin E. McHugh. Wallingford: CABI, 2006. P. 103–113.
- ²⁸ *Wahlström I.* Second Homes and Summer Cottages in Finland // Studia Fennica: Ethnologica. Vol. 11. Touching Things. Ethnological Aspects of Modern Material Culture / Ed. by Pirjo Korhikangas, Tiina-Riita Lappi, Heli Niskanen. Helsinki: Finnish Literature Society, 2008. P. 238.
- ²⁹ *Varga D.* Finn testvéreink. Budapest, 1982. Ol. 107–109.
- ³⁰ *Talve I.* A finn népkultúra. Debrecen, 2000. Ol. 62.
- ³¹ *Bán A.* Falvak, épületek és temetők Karjala végvidékein. Első közlemény // Néprajzi Értesítő. 1906. Vol. 7. № 1. Ol. 70.
- ³² *Kodolányi J.* Suomi. Budapest, 1990. Ol. 189.
- ³³ *Nagy E.* Mai finn építészet. Budapest: Műszaki könyvkiadó, 1976. Ol. 7–8
- ³⁴ *Udvary G., Vincze L.* Emberek a grániton. Budapest: Gondolat, 1981. Ol. 248–256.
- ³⁵ *Élő G., Pintér R.* Finnország. Út az információs társadalomba. Budapest: Kossuth Kiadó, 1999. Ol. 31
- ³⁶ *Nagy E.* Mai finn építészet. Budapest, 1976. Ol. 15–16.
- ³⁷ *Szj E.* Finnország. Budapest, 1979. Ol. 165–166.
- ³⁸ *Talve I.* A finn népkultúra. Debrecen, 2000. Ol. 30.
- ³⁹ *Koczogh Á. Otthon.* Finnországban. Budapest, 1987. Ol. 45.
- ⁴⁰ *Szj E.* Finnország. Budapest, 1976. Ol. 35.
- ⁴¹ *Koronghi Lippich E.* Finnek // Magyar Iparművészet, XI. 1908. Ol. 25.
- ⁴² *Gellér K., Keserű K.* A gödöllői művésztelep. Budapest: Cégér Könyvkiadó Kft, 1994. Ol. 20; *Kervonen-Kannas K.* Akseli Gallén-Kallela kapcsolata a magyar művészeti élettel // Finnmagyar. Az 1900-as párizsi világiállításról a Cranbrook Schoolig. Kiállítási katalógus. Összeállította: Keserű Katalin, Hudra Klára: Budapest: Ernst Múzeum, 2005. Ol. 100–111.

⁴³ *Amberg A.-L.* A finn pavilon az 1900-as párizsi világkiállításon // Finnmagyar. Az 1900-as párizsi világkiállítástól a Cranbrook Schoolig. Kiállítási katalógus. Összeállította: Keserű Katalin, Hudra Klára: Budapest: Ernst Múzeum, 2005. Ol. 71–72.

⁴⁴ *Gerle J., Jánosky-Michaelsen K.* Finn–magyar építészeti kapcsolatok // Finnmagyar. Az 1900-as párizsi világkiállítástól a Cranbrook Schoolig. Kiállítási katalógus. Összeállította: Keserű Katalin, Hudra Klára: Budapest: Ernst Múzeum, 2005. Ol. 84–99.

⁴⁵ *Koczogh Á. Otthon.* Finnországban. Budapest, 1987. Ol. 47.

⁴⁶ *Nagy E.* Mai finn építészet. Budapest, 1976. Ol. 42.

⁴⁷ http://www.nba.fi/en/seurasaari_openairmuseum

⁴⁸ *Szarvas Z.* A néprajzi tárggyűjtés «stratégiai Finnországban». MaDok-füzetek 1. 2003.

Поступила в редакцию 19.02.2010 г.

A. Kereszi

E. Soika

Finland on the Hungarian viewpoint

The article is devoted to some natural and cultural specialities of Finland, the development of their history. Many people in many ways have already written about it. In this article on the basis of writings of Hungarian travellers, writers, researchers we tried to collect those most characteristic features, which characterise the Finns – according to Hungarians. This article also highlights the real content of those stereotypes, what was and what is today behind certain economic, cultural phenomena, what those stereotypes based on. The authors approach those phenomena with ethnographic methods, i.e. they examine them in their historic process.

This presentation of Finland the authors do not consider as settled, because there are many fields of the Finnish culture not mentioned in this article. We Hungarians see the Finns like our Nordic relatives, whose life and culture exercises a special attraction on us. This relationship, the common origin of old and the far-off division are known for many Hungarians, but besides that our curiosity owing to different way of life, shaped by different circumstances of life also attracts us towards the Finns.

Кережи Агнеш,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Венгерский этнографический музей
E-mail: kereszi.agnes@gmail.com

Сойка Эмеше,

научный сотрудник
Венгерский этнографический музей
E-mail: sojkaemese@gmail.com

Е. В. Попова

**КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ В ЭТНИЧЕСКИ
СМЕШАННЫХ СЕЛЕНИЯХ:
ОПЫТ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО
И КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

В статье рассматривается межкультурное взаимодействие в сфере культовой практики, связанной с объектами ландшафта в татаро-бесермянских селениях. Памятники представляют сложный природно-культурный комплекс, сформировавшийся на протяжении длительного времени в зоне межэтнических и межконфессиональных контактов.

Ключевые слова: формирование культурного ландшафта, межкультурное взаимодействие, бесермяне, чепецкие татары, культовая практика.

Культовые объекты в татаро-бесермянских селениях бассейна Чепцы представляют сложный природный и культурный комплекс, сформировавшийся в зоне активных межэтнических и межконфессиональных контактов. Они отражают специфику освоения природно-географической среды, формирование культурного ландшафта в этнически смешанных селениях, и взаимодействие с иноэтничным окружением за пределами моноэтнических поселений.

Взаимодействие бесермян и татар в сфере культовой практики, связанной с объектами ландшафта, не было пока предметом специального изучения, но отдельные его аспекты затрагивались при разработке других научных проблем. В работах о бесермянской топонимике, куда вошли и материалы по ряду смешанных селений, опубликованы названия некоторых почитаемых объектов (рощи, места молений)¹. Факты совместной культовой практики рассматривались в рамках семейной, календарной обрядности бесермян² и чепецких татар³. Специальное исследование было посвящено известному среди мусульман Урало-Поволжья памятнику «святая могила» в бесермяно-татарской деревне Гордино Базезинского района Удмуртии⁴. Предметом изучения были объекты местности, имеющие отрицательную маркировку и почитаемые обоими народами⁵.

Бесермяно-татарские селения Удмуртии представляют поселенческую среду с длительной традицией совместного проживания. Ареал расселения бесермян и чепецких татар практически совпадает, встречаются и смешанные селения. Взаимодействие бесермян и татар отмечается уже в период заселения ими бассейна Чепцы, поэтому формирование почитаемых обоими народами культовых объектов, особенно в смешанных селениях, можно предположить, относится

уже ко времени освоения региона. На северо-западе Удмуртии письменные источники фиксируют бесермян в XVI – начале XVII в., где они проживали по соседству с удмуртами, татарами и русскими⁶. Исследователи предполагают, что бесермяне появляются на Вятке в конце XIV – начале XV столетий после распада Волжской Булгарии. Окончательное формирование этнической группы относят к периоду после переселения с территории Заказанья⁷. Основная научная полемика касается вопросов этногенеза и ранней этнической истории, выяснения тюркского (булгарского) и финно-угорского (пермского) компонентов⁸. Эта дискуссия актуальна и при изучении межэтнического взаимодействия, формирования культурного ландшафта в смешанных селениях. Чепецких татар, проживающих в низовьях (Слободской район Кировской области) и по среднему течению реки Чепцы (Удмуртия), исследователи выделяют в отдельную этнографическую группу казанских татар⁹. В конфессиональном отношении они являются мусульманами суннитского толка. Бесермяне – православные (массовая христианизация началась во второй половине XVIII в.), но сохраняют обширный пласт дохристианских представлений и верований.

Межэтническое взаимодействие, формирование совместной практики почитания культовых объектов проходило на протяжении длительного времени в разных исторических, социальных и политических условиях. Факты межконфессионального взаимодействия, в том числе, влияние ислама на культуру бесермян, исследователи отмечали еще в XIX в. Это обычай приглашать муллу или грамотного татарина перед выходом на посев и первый выгон скота, на частные и календарные поминки¹⁰. Такая традиция кое-где сохраняется и сейчас. В свою очередь, чепецкие татары в смешанных селениях почитают некоторые традиционные бесермянские культовые объекты.

Изучение процесса и результатов адаптации разных культурных и конфессиональных традиций, степени участия в обрядах соседей возможно на конкретных примерах: в каждом случае вырабатываются свои механизмы взаимодействия. Часть почитаемых объектов следует отнести к наиболее раннему типу памятников, которые появились в ходе заселения края и освоения окружающего ландшафта. Значимы места, связанные с почитанием предков и семейно-родовыми культами. Они не утратили своей актуальности и в настоящее время. Особая группа памятников возникла в рамках разных религиозных традиций – ислама и православия – и представляет опыт взаимодействия этих конфессий. Межэтнические бесермяно-татарские контакты, в том числе, в культовой сфере, начавшиеся еще в период освоения края, продолжают и сейчас.

1. Наиболее ранние объекты появились в ходе освоения природно-географической среды и связаны с традиционными мифологическими и космогоническими представлениями. В числе таких памятников – священные рощи – *шъд карон* ‘место, где готовят суп’, *шъд карон чашиша* ‘роща, где готовят суп’, *заз’эг сионн’и* ‘место, где едят гуся’, *кирэмэть* ‘кереметь’, *бабам къзйос* ‘елки стариков’. Они находятся и в этнически смешанных деревнях (Ворца, Тутаево, Гордино и др.). Сейчас эти рощи представляют собой группу или несколько одиночных деревьев вблизи селения. Это ельник или пихтовый лес с частичным вкраплением лиственных пород. Они считаются культовыми объектами бесермян. Религиозные и мифологические представления развиваются в рамках почи-

тания культа Хозяина леса *Чашишакуз'о*, восприятия Природы и неосвоенного пространства.

Ежегодное моление в роще «закрывало год» и проходило осенью до дней Кузьмы и Демьяна, но не позже Покрова. Жертвоприношения устраивали и в случае болезней, если причину объясняли нарушением пространственно-временных параметров в отношении почитаемого места или гневом Хозяина леса.

Рощи имели важный статус в иерархии объектов, формирующих сакральное пространство. Совместная культовая практика выражалась в общем деревенском молении и жертвоприношениях, посещениях в чрезвычайных ситуациях, соблюдении пространственно-временных запретов:

«Ванз'экон чашиша (букв.: роща, где закалывают – Е. П.) есть. Она (роща – Е. П.) там повыше. От болезней под определенным деревом закалывали гуся. Держали эти места. Варили там кашу. Остатки от блюд приносили домой. Туда много народа не ходило. Один или два человека. Женщины не шли. – Татары ходили туда? – Татары-мужчины ходили. Закалывать (жертвенное животное – Е. П.) в основном бесермяне шли. Знающий это татарин здесь был один, после его смерти всё забросили, перестали ходить»¹¹.

В таких случаях важные ритуальные функции – жертвоприношение, организацию моления, обычно проводили бесермяне. Рощи считались их святыней.

«Гуся в лесу закалывали. Называлось «место, куда выносят гуся». Прямо в поле варили мясо и суп. Ели там в поле. – Места эти еще есть? – Есть. Тут недалеко такое место. У каждого свое было. Там в логу проводили. Выше есть лог и там собирались. Где ель, под ней обычно устраивали. Я сам с дедом ходил один раз. Если кто-то заболел, после этого уже вылечивается. Все на том месте варят. А оставшееся (от жертвенных блюд – Е. П.) приносят сюда, семье. – Какой-то дед проводил? – Это был особый человек. Он этим занимался в деревне. Нет уже того человека. Он приходился мне дядей. Иван Данилыч. – Его просили и бесермяне и татары? – Да, да. Его приглашали. Обычно какой-нибудь один человек шел вместе с ним. Так в одно время, в определенный какой-то месяц ходили, не помню уже. Круглый год не едят (букв.: не совершают – Е. П.)»¹².

Осенние жертвоприношения и моления в одних селениях прекратились в 30-х гг. XX столетия, в других – проводились до середины века. Однако и сейчас рощи и сохранившиеся деревья почитаются жителями, остаются заметным объектом сельского ландшафта. Соблюдаются пространственно-временные запреты, информация передается и бытует на уровне норм обычного права, регламентирующих хозяйственную деятельность и антропогенное воздействие. Эти правила распространяются на всех жителей, независимо от их этнической принадлежности.

К объектам, связанным с традиционными представлениями и входившими в совместную культовую и знахарскую практику, относятся места, маркируемые жителями как «плохие» и «опасные». В большинстве случаев они ничем не выделяются. Их происхождение связано с образами традиционной мифологии – духами *кутис'* (букв.: тот, кто ловит) и объясняется чьей-либо трагической гибелью, погребением недоношенных младенцев или выкидышей. Такие объекты

хорошо известны жителям, здесь соблюдаются пространственно-временные запреты: нельзя осквернять место, находиться вблизи в сумерках и в переходное время (закат, полдень, полночь). В случае болезни устраивают жертвоприношения одним или несколькими антропоморфными предметами в виде женщины, мужчины или младенца. Фигурку делают из трех лоскутков, иногда их заменяют бумагой или газетой. Тряпичный валик размером «с палец», одетый в «рубашку» и «головной убор», перевязывают поясом / свивальником из белой льняной / хлопчатобумажной нитки или лоскута. Вместе с фигурками кладут железные предметы (гвоздь, монета) и продукты (соль, мука, крупа)¹³. Эта практика отмечена и среди татар-мусульман в смешанных селениях, которым, как известно, традиция запрещает изготовление животных и человека. Возможно, это связано с знахарской практикой, почитанием культовых объектов в зоне этнических контактов, совместном освоении ландшафта и его сакрализации. Нельзя исключать и общие мифологические представления бесермян и татар.

2. Наличие общих почитаемых объектов свидетельствует о сложных этнических процессах даже в рамках одного селения. Примером тому могут служить семейно-родовые святыни, исторические и генеалогические предания, воспоминания о предках и основателях селений. Сведения об общих генеалогических корнях отдельных семей приводились и в ходе изучения семейно-родовых наименований татарских и бесермянских фамилий¹⁴. Подтверждением могут служить и выявленные в ходе экспедиций общие культы.

В некоторых селениях объектами совместного почитания были культовые сооружения бесермян, связанные с семейно-родовыми святынями и поклонением предкам. Таких фактов немного, но они зафиксированы во время исследований. В числе важных и почитаемых бесермянами культовых построек – *вэй-кис'кан* 'место, куда льют масло', *вэй кис'кан кэнос* 'амбар для литья масла', *вэй кис'кан куа / куала* 'куала / куа для литья масла', *пичи кэнос* 'маленький амбар', *куала корка / куала кэнэс* 'дом в виде куала / амбар в виде куала'. Название *вэй-кис'кан* связано с обязательным предметом для жертвоприношений – маслом. Эти культовые объекты считались бесермянскими, но встречались и в татаро-бесермянских селениях (Ворца, Гордино). Они стояли на усадьбах (обычно огороде) лишь некоторых домохозяев. Материалы позволяют выдвинуть предположение, что их количество соответствовало семейно-родственным объединениям, которые называют *пиос* 'сыновья', *одйг коркас' потэм* 'вышедшие из одного дома / хозяйства'. В первой половине и середине XX столетия такие культовые сооружения, судя по воспоминаниям очевидцев и современному осмотру мест, встречались в виде 1) небольшого бревенчатого строения (1x1 м, 1,5x1,5 м, 2x2 м) обычно с одно- и реже двускатной крышей, с низкой дверью, без очага и окон; 2) сруба (не более 1,5x1,5 м) без кровли или с дощатым настилом; 3) задернованной площадки, прикрытой досками или огороженной низким срубом в несколько венцов; 4) углубления в земле или площадки с камнем; 5) небольшого участка с деревьями; 6) заросшей дерном площадки. Возможно, разнообразие выявленных типов сооружений и почитаемых объектов связано с разной степенью сохранности построек и некоторой их вариативностью.

Бесермяне посещали эту культовую постройку один раз в год – в период летнего солнцестояния, в последнюю пятницу перед Петровками (12 июля

по новому стилю). Сюда собиралось по одному представителю от каждой семьи – это пожилые женщины, принадлежащие к одной семейно-родственной группе. Приходили жители других деревень, ведущих происхождение «из этого дома». Обряд включал моление, жертвоприношение продуктами, совместную трапезу. Несмотря на антирелигиозные кампании 1930-х и 1960-х гг., эта традиция сохранялась до середины века, а в отдельных деревнях – до конца 1960-х гг. Позже моления прекратились, но соблюдались пространственно-временные запреты и частные жертвоприношения в случае болезней. Если причину недуга объясняли нарушением запретов, то устраивали жертвоприношение и моление с участием знахарки или женщины, живущей на усадьбе, где находилось культовое сооружение. По мере разрушения построек сакральные функции переносились на места их расположения или выросшие рядом деревья. Эти участки по-прежнему сохраняются, жители соблюдают запреты, которые обеспечивают чистоту и целостность сакрального места.

В некоторых деревнях на этот обряд для чтения молитвы приглашали женщину-татарку (но не мужчину). Традиция, по рассказам очевидцев, была заведена еще предками, поэтому следовали обычаю, даже если не понимали текста молитв.

Почитаемые бесермянами культовые постройки в смешанных селениях могли находиться и на татарской усадьбе. Имели место случаи, когда на бесермянской усадьбе или части улицы селились татары, а культовое сооружение не переносили. Татары принимали участников моления. Отказать в приеме и передать функции в другой дом нельзя. Подготовка моления, омовение женщин, трапеза в доме проходили в хозяйстве, где находилось почитаемое место.

«На вэйкисътон шли только женщины, обязательно – родственники. Они собирались в одном месте – в доме, где жили их предки, старики. Были в белой одежде (традиционная женская одежда из некрашеного холста – Е. П.). Несли с собой крупу, масло, шаньги с творогом или с крупой, но не с картошкой. <...> Собирались всегда в одном месте, в доме. Приходили только бесермяне, даже из других деревень, но они должны быть родственниками. В доме, где они собирались, сейчас живет татарка. Когда скот линяет, женщины бесермянки и сейчас собираются у нее. И эта татарка участвует. А молиться приглашают старую татарку, которая одна за всех молится, и за это ей дают садака – деньги, тряпню. Туда и сейчас приходят женщины-родственницы – бечеос, а родственники другой семьи собирались в другом доме»¹⁵.

Согласно генеалогическим преданиям, как уже отмечалось, некоторые бесермянские и татарские семьи вели происхождение от общих предков и «вышли из одного дома», поэтому иногда посещали общую культовую постройку. Например, в д. Гордино Базезинского района с бесермянами участвовали в молитве женщины – представительницы некоторых татарских семей, «вышедших из бесермян». Иногда моление имело особенности, продиктованные разными религиозными традициями. По мнению рассказчиков, существенное отличие, когда «татары читали молитвы на татарском и поглаживали лицо», а бесермяне совершали обряд «по-своему», сопровождали молитвы крестным знаменем.

«Были еще вэйкисъкан... Они стояли в десятке домов на огородах, но не большие. Немного их было...<...> Молитвы читали. – По-

татарски молитвы читали? – *Удмурты по-удмуртски* (удмуртами здесь иногда называют бесермян – Е. П.), *татары по-татарски читали. У каждого свои молитвы. Наша бабушка была бесермянка, к ней приходили лить масло. К татарам приходила, Надым апай ее называем. Она уже умерла. Она татарам читала молитвы. В одном месте почитает, идет на другое. Там почитает, к другим идет.* – Ее приглашали и ждали? – *Да, ее уже ждали. Готовились. Она почитает и уйдет. О чем там читали молитвы? Что в них просили? – Сами про себя читают, откуда узнаешь о чем. Это же не словами, не в полный голос. Откуда знать что. Татары лицо поглаживают, а бесермяне крестятся. Не знаешь, что он читает, но значит, есть о чем. Инмара человек о чем-то просит. И сейчас, если немного разбираемся, то просим у Инмара. Раньше разбирались. А сейчас церкви (какое-либо культовое сооружение как храм или мечеть – Е. П.) нет там ни у татар, ни у бесермян»¹⁶.*

Подобные факты свидетельствуют не только о сложных этнических процессах и сложившихся в ходе истории межкультурных контактах, но и межконфессиональном взаимодействии, адаптации разных религиозных практик в рамках обряда, связанного с традиционными представлениями.

3. Среди объектов совместного поклонения встречаются памятники, связанные с почитанием культа предков. Например, это расположенные в окрестностях некоторых бесермянских и татарских селений места, известные как *бигэршай* ‘татарское кладбище’. По преданиям бесермян, там похоронены татары. Бесермяне и татары также считают, что эти кладбища принадлежат их предкам – основателям селения и первопоселенцам края.

Памятники с названием *бигэршай* ‘татарское кладбище’ в бассейне Чепцы, куда входит и ареал расселения бесермян, археологи датируют IX–XIII вв. и XVI–XVII вв. Насколько позволяют судить исследования и материалы, объекты *бигэршай* ‘татарское кладбище’ именно в окрестностях бесермянских селений относятся к поздним памятникам. Сейчас они представляют склоны или задернованные площадки, иногда вспаханные или заросшие лесом. Некоторые могильники попадают в черту разросшихся современных селений (с. Ёжево Юкаменского, д. Юнда Бalezинского районов). Согласно преданиям, они оставлены с началом христианизации, то есть не ранее середины XVIII в.¹⁷, когда жители были вынуждены хоронить на погосте приходской церкви, часто удаленной от их родных мест.

Почитание этих памятников народами, населявших бассейн Чепцы, независимо от их конфессиональной и этнической принадлежности, имело распространенную практику. Что касается бесермян, они посещали их до начала сева во время обряда *акашка / акаяшка*, куда приглашали муллу или грамотного татарина. При болезнях или чрезвычайных ситуациях (засуха, пожары), если причину объясняли гневом «похороненных там татар» и «стариков», то устраивали на этом месте моление с участием муллы. Например, в конце 1950-х гг. бесермяне д. Турчино Юкаменского района после летнего пожара, возникшего от удара молнии, по решению деревенского схода проводили на «татарском кладбище» общее моление и привозили муллу из соседней деревни¹⁸.

Известно, что чепецкие татары посещали «татарские кладбища» в бесермянских деревнях. По некоторым преданиям это были деревни, откуда пришли их предки, а «могилы стариков остались». Обычно такой визит проходил после завершения поста, накануне посевных работ и сабантуя. Например, старики-татары д. Иманай (Малый Жувам) Юкаменского района в сопровождении муллы приходили на «татарское кладбище» в соседней бесермянской д. Жувам (расположена в трех километрах). Обычай соблюдался еще в конце 1990-х гг. Согласно преданию, татарскую деревню Иманай основал выходец из Жувама, бежавший от крещения на новое место. «Татарское кладбище» в д. Жувам – это сейчас заросший хвойным лесом юго-восточный склон вблизи современного православного кладбища, открытого в середине XX в. после закрытия приходского храма в с. Юкаменское и погоста при нем. Мужчины бесермяне приходили сюда помянуть предков и «похороненных здесь татар» перед посевными работами во время обряда *акашка*. Татары свои визиты объясняли необходимостью посещать могилы стариков, чтобы те не сердились и были благосклонны к ним. Такие визиты они рассматривали как важное религиозное событие.

«Один раз в год хожу читать молитву на бигершай в Жувам. Там много наших стариков похоронено. У нас раньше другой мулла был, он туда ходил еще на акашку, читать молитвы к бесермянам. После татарского поста нас отсюда с несколькими женщинами возили специально на лошадях читать молитву на тех могилах. Мы из Жувама пришли в эту деревню, а старики наши там остались. Они могут присниться, если там (на кладбище – Е. П.) не прочитав молитву»¹⁹.

Подобные факты не единичны. Например, еще в середине 1960-х гг. весной на «татарское кладбище» в центре д. Юнда Балезинского района приходили татары соседней д. Падера. Это место хорошо известно жителям и по-прежнему имеет большое значение в топографии сакральных объектов селения. В непосредственной близости от «татарского кладбища» позже была построена Богоявленская церковь (1867–1937 гг.). Такое сосредоточение разных культовых объектов встречается часто. Подобная ситуация и в с. Ёжево Юкаменского района. Здесь в центре села находятся почитаемое бесермянами «татарское кладбище» и православный храм. Сейчас это частично застроенная площадка (магазин, административное здание, дорога) с одиночными деревьями.

Почитание предков, соблюдение частных и календарных поминок занимает важное место в современной религиозной жизни деревенского сообщества. В полиэтничных и поликонфессиональных селениях, где сложились давние традиции взаимодействия в рамках календарных и семейных обрядов, отмечается хорошее знание обычаев соседей, совместное участие в обрядах, независимо от их конфессионального происхождения. Например, татары хорошо знают праздники и поминки православного календаря, соблюдают связанные с ними нормы этикета, совершают гостевые визиты к бесермянам, принимают от них *садака*. Бесермяне в смешанных селениях придерживаются запретов на «грязные» работы в праздники и почитаемые татарами дни недели. Они осведомлены о времени намаза и постах, участвуют в гостевых визитах на мусульманские праздники.

«Если у татар поминки, и мы баню топим, хлеб печем. Соблюдаем и татарские поминки, праздники. Они наши соблюдают, а мы их. Много лет живем рядом. Иногда и не поймешь, которые бесермяне, а которые татары»²⁰.

«Ильин день первого августа бывает. Праздник устраивали. Бесермяне ходили на кладбище в Узяла (приходское село Балезино – Е. П.). Сейчас туда ходят на поминки, не забросили. Татары нашей деревни тоже держат этот праздник, но они не ходят на кладбище»²¹.

«А у нас в деревне к абыстай ходили. У нас татары и бесермяне, все к абыстай садака относили. Я же говорю, мы не разбирались бесермяне или татары. И прежде так было и сейчас. Если кто-то умер, то к татарину и бесермянин придет, а к бесермянину татарин сидеть приходит. – Чужих пускают на похороны? – Здесь такого нет. У нас смешанно жили, поэтому идут друг к другу. Если умер бесермянин, то татары сидеть идут и провожать приходят. Только (бесермяне – Е. П.) к татарам на кладбище не пойдут»²².

В последние годы обычай бесермян относить садака, приглашать грамотного татарина или муллу сохранился в похоронно-поминальной обрядности и первом выгоне скота в поле. В одних деревнях его соблюдают уже немногие семьями, в других он представляет обязательную практику:

«Садака вы к кому несете? – Татарам. Кто кому желает нести, тому и несет. Если сам не несет, то с кем-то отправляет. – По каким случаям давали? – Поминки. Перед поминками, перед Пасхой. Перед такими большими праздниками. – Поминок много в году. Каждый раз относите? – Несколько раз даем. Если есть умерший и делаешь по нему шьд (суп), тогда несем накануне. Утром хлеб печем. Потом относим садака, затем на поминки идем»²³.

«Бесермяне или татары друг от друга не отделялись, не разбирались здесь. У нас вообще так... Если поминки, и бесермяне и татары одинаково несут садака старикам.

«Ты такой, а ты такой», у нас не разбираются. Бесермяне приносят даже чаще, если у татар поминки»²⁴.

Бесермяне и татары эти традиции считают важными для обоих народов и существующими с давних времен. Здесь сложились сферы взаимодействия, определились границы межэтнических и главное – межконфессиональных контактов. Выделяются общие культовые памятники, и четко дифференцируются «бесермянские» и «татарские», где разделение скорее носит конфессиональный, а не этнический характер. В таких случаях посещение культового объекта и участие для представителя другой религии ограничивается или запрещается.

4. В зоне межэтнических контактов и в смешанном селении встречается и практика совместного почитания известных мусульманских и православных святынь. Например, это традиция, сложившаяся в татаро-бесермянской д. Гор-

дино (*Гурьякар, Гурья-Кала*) Базезинского района, где находился известный среди мусульман Урало-Поволжья надмогильный камень²⁵. Памятник датируется 1323 г. и считается самым северным пунктом известных на сегодняшний день болгарских эпитафий²⁶. Практика паломничества сюда имеет давнюю традицию даже, несмотря на тот факт, что плита с эпитафиями давно снята. Так, в 1930 г. отдельные части надмогильной плиты были перевезены в Глазовский районный музей, а в марте 1954 г. переданы в Удмуртский республиканский краеведческий²⁷. Несмотря на это, место оставалось объектом активной культовой практики. Почитание «святой могилы» выражались в паломничестве татар-мусульман, соблюдении этикетных норм и запретов, в пятничных посещениях, частных молениях и жертвоприношениях.

Среди местных жителей эта святыня известна как *аулия кэбер* ‘святая могила’, *аулия* ‘святой’, *аулия Дамрихан* ‘святой Дамрихан’. Жители деревни считают, что могила принадлежит первому поселенцу, «святому» и «уважаемому человеку». В настоящее время она огорожена железной решеткой, а вся площадка окружена деревянной изгородью. Находясь вблизи, запрещено совершать «грязные» и непочтительные по отношению к святыне действия. Например, сквернословить, громко разговаривать, курить, плевать. Проходящие мимо праздничные процессии здесь прерывают пение, громкие разговоры, игру на гармошке. Эти правила распространяются на всех жителей, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности. Место является мусульманской святыней, поэтому жертвоприношения и моления совершают только татары-мусульмане и татары – представители смешанных семей.

Внизу холма, поблизости от «святой могилы» находятся и другие почитаемые объекты – это родник, вода которого считается целебной, и площадка для летнего моления и жертвоприношения *кърбан*. В одну из пятниц, в период летнего солнцестояния, но до начала сенокоса, здесь проходил обряд с участием бесермян и татар. На моление шли только мужчины, пожилые женщины и дети. Обряд считали «татарским», и он проходил в рамках мусульманской традиции, с участием муллы. Одновременно это было деревенское событие, так как просьбы к богам и предкам о хорошей погоде на лето, своевременных дождях и счастье произносились от имени всех жителей.

Жертвенного бычка (иногда барана) покупали на деньги, собранные с каждого хозяйства, независимо от вероисповедания и этнической принадлежности. В последние годы крупу для каши мололи из зерна, выделенного правлением колхоза, а выпечку все приносили к трапезе. С утра пожилые мужчины-татары вместе с муллой закалывали животное и готовили кашу, а бесермяне с остальными жителями деревни приходили только к молению. Совместное проведение обряда объясняли традицией, единством деревенского социума и «общей погодой для всех»:

«Бычка едим за деревней. Это с давних времен принято. Едят, чтобы погода была хорошей. Это как праздник. Молитвы читают. Вместе бесермяне и татары проводят»²⁸.

«Да, вместе идут. Это кърбан. В одной деревне все живут»²⁹.

Бесермяне, как и татары, приносили мулле *садака* и просили прочесть молитвы, обращенные к предкам, которые «весь год ждут этого праздника». Обычай считали еще одной гарантией получения предками предназначенных жертвоприношений. Совместное проведение обряда на территории почитаемых объектов было давней традицией, где выработались допустимые обеими сторонами формы взаимодействия.

Опыт совместного проведения обрядов и наблюдение за культовой практикой соседей свидетельствуют о хорошем знании представителями смешанных селений традиций другого народа. Это выражается в совместном почитании некоторых культовых объектов, соблюдении правил и предписаний по отношению к ним (нормы этикета, религиозно-нравственные постулаты). Эти знания передаются из поколения в поколение, осваиваются каждым членом сообщества в рамках конкретных обрядов. Они имеют и практическое значение, определяют модели поведения, характер межэтнического взаимодействия в рамках почитания культа, степень участия. Существует и четкая дифференциация культовых объектов и выделение «татарских» и «бесермянских», в том числе, запрет на их посещение представителями другого народа или конфессии. Тесное межкультурное взаимодействие происходит в смешанных семьях, где знание разных этнических и религиозных традиций связано с повседневной практикой и необходимостью соблюдения всех обрядов.

Исследования межэтнического и конфессионального взаимодействия позволяют проследить механизмы и результаты межкультурной адаптации, модели поведения контактирующих групп в ходе совместной культовой практики, место и роль таких почитаемых объектов в жизни деревенского социума.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Тепляшина Т. И.* Материалы по бесермянской топонимике // Топонимика Востока. Новые исследования. – М., 1964. С.133–144; *Ее же.* Топонимия, распространенная в районе расселения бесермян // Вопросы удмуртского языкознания. – Ижевск, 1975. Вып.3. С. 203–227.

² *Попова Е. В.* Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX – 90-е годы XX вв.). – Ижевск, 1998; *Ее же.* Календарные обряды бесермян. – Ижевск, 2004.

³ *Уразманова Р. К.* Календарный цикл обрядов чепецких татар // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. – Казань, 1978. С. 86–94.

⁴ *Попова Е. В.* Гординский надгробный камень «святая могила» – памятник чепецких татар и бесермян // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. – Ижевск, 2004. С. 167–177.

⁵ *Попова Е. В.* Антропоморфные фигуры в культовой практике бесермян и чепецких татар: к фиксации материала // Межрегиональная научная конференция «Русский Север и восточные финно-угры: Проблемы пространственно-временного фольклорного диалога». Ижевск, 2005. С.136–148; *Ее же.* Антропоморфные фигуры в современной знахарской практике бесермян // Традиционная культура. 2009. № 1. С.11–18.

⁶ *Луппов П. Н.* Северные удмурты в XVI–XVII вв. // На удмуртские темы. Ученые записки НИИ народов Советского Востока. – М., 1931. Вып. 2. С. 118–119.

⁷ *Гришкина М. В., Владыкин В. Е.* Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. – Ижевск, 1982. С. 25–27.

⁸ См. подр.: *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. – М., 1970. С. 5–22; *Попова Е. В.* Бесермяне (краткий историографический обзор) // О бесермянах. – Ижевск, 1997. С. 3–18.

⁹ См. напр.: Мухамедова Р. Г. Чепецкие татары (Краткий исторический очерк) // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. – Казань, 1978. С. 5–17; *Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования*. Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань, 2002. С. 77–78.

¹⁰ Штейнфельд Н. П. Бесермяне. Опыт этнографического исследования // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895. – Вятка, 1894. С. 237–238.

¹¹ Полевые материалы автора (далее ПМА), 2004. Тютин Накия Асмадияровна, 1931 г.р., д. Гордино Базезинского района, татарка; Тютин Зяварбика Асмадияровна, 1925 г.р., д. Гордино, татарка.

¹² ПМА, 2004. Журавлев Валериан Алексеевич, 1932 г.р., д. Гордино Базезинского района, бесермянин.

¹³ См. подр.: Попова Е. В. Антропоморфные фигуры в современной знахарской практике бесермян // Традиционная культура. № 1. 2009. С. 11–18.

¹⁴ См. напр.: Сорокин П. М. Арские князья в Карине // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 г. Вятка, 1894; *Его же*. Татары Глазовского уезда // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 г. Вятка, 1896; Тепляшина Т. И. Наследственные наименования причепецких татар // Советская тюркология. 1974. № 4. С. 71–79.

¹⁵ Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН, 1970. Оп. 2Н. Д. 432. Л. 82.

¹⁶ ПМА, 2004. Чибышева Минзифа Сафиевна, 1932 г.р., бесермянка, родилась в д. Гордино, с 1980-х гг. прож. в д. Кестым Базезинского района.

¹⁷ В первой половине XX в. на отдельных участках еще были видны могильные впадины. На некоторых памятниках позже проводились археологические исследования. О почитании таких могильников бесермянами и татарами. См. подр.: Останина Т. И. Турчинский могильник – ранний бесермянский некрополь на севере Удмуртии // Славянский и финно-угорский мир вчера, сегодня. – Ижевск, 1996. С. 25–49; Попова Е. В. Погребальные памятники *бигершай* в бассейне Чепцы и обрядовая практика бесермян // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы международного полевого симпозиума. – Ижевск, 1999. С. 194–199.

¹⁸ ПМА, 1993. д. Турчино, Юкаменский район, Удмуртия.

¹⁹ ПМА, 1993. Записано от Сайфутдина Галифовича, 1910 г.р., д. Иманай Юкаменского района Удмуртии, татарина.

²⁰ ПМА, 2004. Тютин Зинаида Степановна, 1936 г.р., д. Гордино, Базезинского района, бесермянка.

²¹ ПМА, 2004. Тютин Накия Асмадияровна, 1931 г.р., д. Гордино, Базезинский район, татарка; Тютин Зяварбика Асмадияровна, 1925 г.р., д. Гордино, татарка.

²² ПМА, 2004. Чибышева Минзифа Сафиевна, 1932 г.р., родилась в д. Гордино, прож. в д. Кестым примерно с 1980 г., бесермянка.

²³ ПМА, 2004. Тютин Зинаида Степановна, 1936 г.р., д. Гордино, Базезинского района, бесермянка.

²⁴ ПМА, 2004. Чибышева Минзифа Сафиевна, 1932 г.р., родилась в д. Гордино, с 1980 г. прож. в д. Кестым, бесермянка.

²⁵ Попова Е. В. Гординский надгробный камень «святая могила» – памятник чепецких татар и бесермян // Культурные памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск, 2004. С. 167–177.

²⁶ Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.: Л., 1960. С. 20.

²⁷ Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., Шутова Н. И. Археологическая карта северных районов Удмуртии. – Ижевск, 2004. С. 131.

²⁸ ПМА, 1999. Тютин Накия Лутфулловна, 1943 г.р., д. Гордино, татарка.

²⁹ ПМА, 2004. Тютин Ракия Гайфулловна, 1928 г.р., д. Гордино Базезинский район, татарка.

Поступила в редакцию 23.03.2010г.

E. V. Popova

Cult objects in Ethnically Mixed Settlements: Experience of Interethnic and Confessional Interaction.

The article deals with intercultural interaction in the sphere of cult practice, connected with the landscape in Tatar – Besermyan settlements. The cultural objects are a complicated unity of nature and culture formed in the course of long interethnic and interconfessional contacts.

Key words: forming cultural landscape, intercultural interaction, the Besermyans, the Cheptsatatars, cult practice.

Попова Елена Васильевна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Учреждение Российской академии наук Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск,
ул. Ломоносова, 4
E-mail: popova@ni.udm.ru

Е. М. Берестова

**ФОНДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА УР
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА
ХРИСТИАНИЗАЦИИ НАРОДОВ
ВЯТСКО-КАМСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ**

В статье анализируется корпус документов, хранящихся в фондах Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР), отражающих деятельность Русской православной церкви на территории современной Удмуртии в течение XVIII – нач. XX вв. Приводятся примеры восприятия христианства удмуртами и марийцами – народами, среди которых активно велась миссионерская деятельность.

Ключевые слова: христианизация, православие, язычество, архивные документы.

Христианизация народов Вятско-Камского междуречья была важным средством этноконфессиональной и этносоциальной интеграции в российское общество, адаптации в структуре государства. В Центральном Государственном архиве Удмуртской Республики отложилось значительное количество документов, освещающих различные аспекты процесса христианизации народов, проживавших на территории Вятской епархии. Формирование фондов происходило на протяжении длительного времени и было тесно связано с изменениями в собственно административном и церковно-административном устройстве Российской империи.

Удмуртские уезды (Глазовский, Сарапульский, Елабужский и Малмыжский) были переданы из Казанской епархии в Вятскую и Великопермскую в 1791 г. К 1857 г. четыре удмуртских уезда входили в состав трех духовных округов: Сарапульского (Сарапульский уезд), Елабужского (Елабужский и Малмыжский уезд) и Глазовского (Глазовский уезд). В каждом из духовных округов имелось духовное правление, располагавшееся в уездном городе (Елабуге, Сарапуле и Глазове). Наиболее ранние документы по церковной истории сохранились в фондах Сарапульского духовного правления (Ф. 245, начиная с 1718 г.) и Глазовского духовного правления (Ф. 134, начиная с 1740 г.). В 1867 г., в связи с проводимой церковной реформой, духовные правления в Сарапуле и Глазове были упразднены, и восстановлены спустя некоторое время, в 1889 г. В Сарапуле была перенесена кафедра викарного архиерея и введена должность второго викария Вятской епархии – епископа Глазовского.

В фондах духовных правлений сосредоточен огромный массив документов разного характера. Здесь можно найти указы императора и Св. Синода, выпущенные на их основании распоряжения епархиального начальства и викарных архиереев, ответные отчеты благочинных и приходских священников, переписку между правлениями и духовенством епархии, рапорты благочинных священников, отчеты миссионеров, дела о расторжении браков, о наложении церковных наказаний, о самоубийствах, прошения о назначении пособий, о вступлении в брак, о разводе и т. д.

Содержащиеся в фондах ЦГА материалы красноречиво свидетельствуют о сложном, неоднозначном процессе христианизации. В настоящей статье приводятся выдержки из архивных документов, отражающие отношение православного духовенства к своей пастве и ответную реакцию населения на отдельные меры, проводимые церковным руководством.

Особенно интересны рапорты приходских и благочинных священников о состоянии церкви, духовенства и паствы, которые представлялись два раза в год. Эти документы соответствовали определенным унифицированным образцам, что имеет свои плюсы и минусы. К достоинствам можно отнести систематизацию сведений, возможность сравнения данных за несколько лет и на разных территориях. Недостатком является формальное отношение к подготовке документов, шаблонность и поверхностность изложения, неточность представляемых сведений. В подавляющем большинстве рапортов сведения о церкви (количество и состояние, количество богаделен и больниц при церквях, состояние церковного строительства, благотворительности и письмоводства) и духовенстве (количество, образование, нравственное состояние и материальное обеспечение) повторялись из года в год без каких-либо существенных изменений. Только в случае назначения нового священника в рапорте могла появиться другая информация. Более разнообразные сведения содержались в пунктах, посвященных пастве и образованию. В рапортах записывались сведения о количестве прихожан и их этнической принадлежности, обязательно указывалось, сколько на территории прихода проживает неправославного населения (раскольников, сектантов, мусульман и язычествующих). Самая интересная информация касалась религиозно-нравственного состояния прихожан, на которой можно узнать о пережитках язычества, сохранившихся у крещеных марийцев и удмуртов; о различных суевериях русского населения; о распространении среди прихожан отдельных приходов пьянства или азартных игр.

В фондах Сарапульского духовного правления сохранились весьма разнообразные отзывы приходских священников о духовно-нравственном состоянии крещенных удмуртов, марийцев и татар. Так, священник с. Кырынды Елабужского уезда пишет в своем рапорте о том, что крещеные удмурты плохо соблюдают посты, редко посещают церковь, не прекращают исполнение языческих обрядов, многие пары живут невенчанными. Но священник надеется на улучшение религиозно-нравственного состояния удмуртов с появлением школ в удмуртских селениях. Особую тревогу у него вызывают религиозные воззрения крещеных татар: «После уклонения более 200 человек от православия в 1871 г. по 1901 г. новых уклонений не было. Но под влиянием муллы, отпавшие татары в православие не возвращаются, отказываются отдавать своих детей в миссионерскую школу и уклоняются от бесед со священником»¹. Священник Николай

Свечников в 1908 г. писал о прихожанах села Козмодамиановского следующее: «Из вотяков же точно и неуклонно соблюдают посты только некоторые пожилые люди и старики. Из молодых вотяков соблюдают посты не многие. Таинство Брака принимают все вступающие в брачное сожитие прихожане. В вотяках случается, что жених и невеста проживают некоторое время вместе в доме отца жениха ране церковного венчания, как скоро отец жениха найдет средства уплатить отцу невесты калым (выкуп – иногда в 40-50 руб.). Вотяки выполняют доселе некоторые языческие обряды. Как, например, «моленье» поминки по родным, но не столько по убеждению в необходимости этих обрядов, сколько по привычке к ним и любви к бражничеству и угощению, которыми сопровождается исполнение оных обрядов. Духовенство прихожане уважают и относятся к нему почтительно. К грамотности, как русские, так и вотяки расположены и охотно отдают детей своих в школу. К винопитию и бражничеству прихожане очень склоны и в приходе очень мало таких лиц, которые не употребляют вина. Празднование праздника всегда сопровождается винопитием»².

По сообщению благочинного 1 округа Елабужского уезда за 1909 г. прихожане удмурты и, особенно, марийцы нерадиво относятся к исполнению христианского долга, часто ограничиваясь одной исповедью, не приходя к Св. Причастию. В основном этим отличались жители Кураковского прихода³. Похожие высказывания можно встретить и в рапорте благочинного 2 округа Елабужского уезда, который сообщает в 1913 г., что крещеные удмурты и марийцы в случаях стихийных бедствий совершают полуязыческие моления. На крещеных татар большое влияние оказывают татары-мусульмане, имеющие на территории округа около 10 мечетей. «Язычников-черемис в округе 17 м. и 15 ж., живут они в приходе села Крымская Слудка, имеющий многочисленный приход, почему-то не способный оказать на эту ничтожную горсть заблудших никого влияния в смысле перехода их в христианство»⁴.

Некоторые приходские и благочинные священники в своих рапортах не ограничивались простым описанием ситуации, а пытались выявить причины сохранения языческих обрядов. По мнению благочинного 6 округа Сарапульского уезда «моления вотяков вызываются не столько желанием удовлетворить присущую человеку потребность молитвы, и не по внутреннему убеждению, а простой привычкой не забывать, поддерживать все старое, заповеданное старинной»⁵.

Достаточно часто в рапортах священнослужителей можно встретить и информации об успехах христианизации, которые, в частности, связываются с реализацией программы Н. И. Ильминского. Так благочинный священник 4 округа Малмыжского уезда в 1909 г. пишет следующее: «В приходе с. Дерюшево священник Дмитрий Ковалев, урожденный из татар, получивший образование в Казанской центральной крещено-татарской школе, вел среди крещеных татар и вотяков беседы религиозно-нравственного характера с целью разъяснить сущность христианского учения и удержать инородцев в лоне православной церкви. Эти беседы всегда сопровождалась слушанием по праздничным и воскресным дням всенощного бдения. Как служения, так и самые беседы совершаются на понятном народу инородческом наречии. Всех нарочитых бесед за отчетное время устроено 20. Священник с. Черемиский Малмыж Михаил Шабалин беседовал с черемисами о необходимости оставить приверженность к старым языче-

ским кровавым обрядам и особенно энергично боролся и борется с укоренившимся по традиции злом – внебрачными сожителствами среди крещеных черемис; путем увещаний удалось ему убедить несколько таких пар повенчаться»⁶. В раппорте благочинного 3 округа Елабужского уезда за тот же год пишется об успешном противодействии пропаганде ислама благодаря тому, что священник села Кырынды Лукин знает не только татарский язык, но и Коран и часто проводит беседы с проживающими там мусульманами (татар 200 дворов, русских 80 дворов, имеются 2 мечети и 3 муллы)⁷.

Однако осуществления отдельных пунктов программы Н. И. Ильминского, таких как проведение богослужений на родном языке, подготовка священников из числа коренного населения, по мнению части духовенства, приносило больше вреда, чем пользы. Так, благочинный 1 округа Елабужского уезда в 1910 г. отмечает: «Иностранческие священники не пользуются авторитетом у своих одноплеменников и многие иностранцы недовольны бывают, когда с ними проводят беседы и или богослужение на родном языке». Благочинный объясняет это «малым умственным развитием священников-иностранцев по сравнению с русскими священниками и стремлением иностранцев к обрусению». Его точку зрения поддерживает благочинный 4 округа Сарапульского уезда: «Последние распоряжения епархиального начальства – совершать для них богослужения на вотском языке, раздавать им на этом наречии брошюры, вотяки поняли в совершенно обратном смысле. Они увидели в этом признание правоты их языческих молений и усердно стали совершать свои моления с совершением жертв. Моления эти стали совершаться даже в тех селениях, где они были почти совсем оставлены и лишь одни старики держались предания старины»⁸.

Другим важным источником информации о религиозно-нравственном состоянии прихожан и о деятельности духовенства по просвещению населения служили ежегодные отчеты иностранных миссионеров. В них содержался развернутый анализ религиозно-нравственного состояния православных удмуртов, марийцев и татар, высказывались предположения о причинах длительного сохранения языческих пережитков, а также предлагались конкретные меры для устранения выявленных недостатков. Так, в отчете иностранческого миссионера по Сарапульскому уезду Иоанна Анисимова за 1901 г. сообщается, что население северной части Сарапульского уезда является более просвещенным, чем население южной части. Наиболее утвердившимися в христианстве, по мнению миссионера, являются жители приходов: Дебесского, Зюзино-Христорождественского, Шарканского, Больше-Пургинского, Тыловайского, Сосновского, Светлянского, Воткинского, Ижевского, Завьяловского, Кельчинского, Нижнелыпского. Прихожане этих сел регулярно посещают церковь, уплачивают пожертвования, исполняют долг исповеди и Св. Причастия, соблюдают посты. Язычества больше придерживаются жители приходов: Ильдибаевского, Бурановского, Большенорьянского, Нылгижикьянского, Малопургинского, Даниловского. Но большинство населения, как сообщает миссионер, соблюдают не все посты, а только Великий, а иногда только первую, третью и седьмую недели Великого поста. Как положительный факт Анисимов отмечает желание женщин-удмурток приносить своих детей в церковь и проведение на 40-й день после рождения ребенка очистительной молитвы. Далее миссионер пишет, что удмурты «умерших своих поминают в церкви в панихидах и сорокоустах. Утром и вече-

ром, садясь за стол и выходя из-за стола, произносят молитвы». Но, по мнению Анисимова, большинство крещеных удмуртов и марийцев исповедует дуализм, так как вместе с истинным Богом они почитают еще и свои языческие божества и разных духов. Как сообщает миссионер, особенным почетом у них пользуется Кереметь, перед которым они испытывают сильный страх. Этим страхом Анисимов отчасти объясняет нежелание оставить кровавые жертвоприношения. По его мнению, приверженность к язычеству ослабевает, а среди главных причин, мешающих торжеству христианства, он называет темноту, фанатизм и отсутствие образования⁹. А один из инородческих миссионеров Глазовского уезда Павел Мышкин в одном из своих рапортов составил развернутую программу по искоренению язычества и просвещению населения. В частности, он предлагал следующее: «1) Всему духовенству инородческих приходов, не исключая и низший причт – дьяконов и псаломщиков, в обязательном порядке изучить язык своих прихожан. Желательно, что бы языки знали и члены семей духовенства. При этом надо стараться вести беседы не только на религиозно-нравственные, но и на бытовые темы. 2) Просветительская работа должна вестись совместно с причтами соседних приходов. 3) Духовенству необходимо сблизиться с наиболее развитыми в религиозном отношении прихожанами, чтобы через них влиять на других. 4) Внимательно следить, чтобы на территории прихода не появлялись лица, занимающиеся агитацией в пользу ислама, раскола или же другой веры, помимо православия. При обнаружении таких лиц с ними необходимо поступать по закону. 5) В беседах с прихожанами чаще использовать примеры из Св. Писания, рассказывать о чудесах христианской жизни, используя примеры из православных книг и журналов. 6) Особенно внимательно и ласково относиться к детям и стараться не показывать пренебрежения или насмешки над взрослыми»¹⁰.

Миссионерские отчеты, которые служили важнейшим источником информации, были отнюдь не свободны от недостатков. Форма отчетности, призванная упорядочить и систематизировать поступающие сведения, придавала рапортам бюрократический характер. Многие миссионеры, не особенно задумываясь, переписывали из года в год одно и то же. Такое формальное отношение к отчетам часто вызывало раздражение епархиального начальства. При этом нарекание вызывали не только казенные слова, но и само отношение духовенства к христианскому просвещению новокрещеных. В указе Вятской духовной консистории № 2823 от 28 февраля 1892 г. приводится резолюция епископа Вятского Сергия по поводу отчетов миссионеров. «Миссионеры говорят все больше о том, что известно уже Епархиальному начальству или совсем не относится к их деятельности, чем о том о чем следовало бы сказать, т.е. о их личной деятельности и о деятельности священников инородческих приходов. Всем миссионерам надо поставить в обязанность чаще посещать инородческие приходы и иноверцев, вести беседы там с целью вразумления и просвещения неверующих светом учения Христова, вести записи о каждом посещении и о каждой беседе подробные, в отчете о своей деятельности говорить и о деятельности приходских священников – только о той, которая направлена была к обращению неверующих в христианство, или к утверждению нетвердых в вере и христианской жизни, а не переписывать формулярные списки священников»¹¹. В 1894 г. Сарапульский епископ Алексей совершил поездку по территории викариатства и остался

недоволен положением дел в инородческих приходах. Вот, что он пишет в отчете:

«С 1879 г. по настоящее время число обратившихся из язычества к православию, как значится по метрикам Новопоселенной церкви – 89 душ м. п. и 77 душ ж. п. число обратившихся в православие язычников-черемис в 1888–1889 гг. восходит более 50, тогда как в другие годы оно колеблется между 1 и 10. Это объясняется тем, что в 1888–1889 г. деятельно принялся за обращение язычников Елабужский купец Петр Капитонович Ушков, который привлекал черемис к крещению подарками. При таком обращении конечно не может быть и речи об убеждении новокрещеных в истинности и спасительности православной веры. То же самое можно сказать и о других черемисах, которые крещены с 1879 по 1894 гг. В большинстве случаев, как значится в метрических книгах церкви с. Новопоселенного за означенный период, новопросвещенный или новопросвещенная в день же крещения вступали в брак. Из этого видно, что дело обращения язычников происходило так: христианин-черемисин сосватал себе невесту-язычницу и, чтобы повенчаться, невеста принимает православие. Поэтому можно заключить, что большинство черемис, именуемых христианами, остаются теми же язычниками. Костенению в невежестве язычества много содействует отсутствие пастырского влияния со стороны местного священника Иоанна Утробина. Дело в том, что большинство черемис, особенно женского пола не знает русского языка, а священник Утробин не знает черемиского, не смотря на то, что служит в этом приходе 30 лет. Это незнание языка своих прихожан пастырем, прожившим с ними 30 лет, прямо свидетельствует о его беспечности и нерадении о вверенной ему пастве»¹².

На основании отчетов и рапортов миссионеров и приходских священников епархиальное начальство делало выводы о религиозно-нравственном состоянии населения и о мерах, необходимых для более успешной христианизации. Очень часто вопросы, поднимавшиеся в отчетах, служили отправной точкой для распоряжений и постановлений Вятской Духовной консистории, а иногда и Св. Синода. Так очередной рапорт Глазовского миссионера Иосифа Стефанова стал поводом для указа Вятской духовной консистории № 7210 от 31 августа 1854 г. «подтвердить духовенству Глазовского уезда, что бы оно всемерно старалось об истреблении в своих прихожанах из вотяков плотоугодия и пьянства, невоздержания в пище в дни постные, суеверий и посиделок, воршудов и мольбищ, где они еще есть и вообще языческих заблуждений, по которым иногда обращаются к воршудам и кереметю»¹³. Спустя несколько десятилетий на основании рапорта инородческого миссионера по Сарапульскому уезду за 1896 г., епископ Сарапульский Никодим выпустил следующее распоряжение: «В случаях бедствий и неурожаев духовенство должно всегда предупреждать языческие моления своею молитвой, являясь для того в деревни и усердно внушая необходимость молитвы истинному Богу. Рекомендовать духовенству объезжать деревни и служить панихиды хотя бы даже на улицах, если нет подходящих зданий и заботиться о распространении среди вотяков и других инородцев помянников для подачи их на панихиды»¹⁴.

Рапорты духовенства, указы и переписка епархиального начальства свидетельствует о том, что распространение христианства не всегда проходило гладко, иногда священникам приходилось сталкиваться с открытым сопротивлением

населения. Вот как описывает события, происшедшие в деревне Ильнет в 1901 г., инородческий миссионер Василий Домрачев: «Утром 31 августа, взяв с собою ковчег со Св. Евангелием и крестом, три небольших по размеру из церкви иконы, для священнических облачения и все необходимое для совершения молебна, я с псаломщиком Мышкиным приехал в Ильнет часов около 8 и остановился в доме крестьянина Ивана Овечкина, ожидая приезда священника о. Ергина. В это время подошла ко двору Овечкина толпа понятых черемис из деревни Варалей, около 30 человек, с топорами и вошла во двор Овечкина. Узнав о моем приезде, и увидев толпу понятых черемис варалинских с топорами, ильнетские черемисы послали ко мне сотского Сапарова, чтобы я ответил ему – «зачем приехал и что буду делать». Я ответил, что буду служить на площади молебен и затем поговорю о том, не пожелают ли черемисы ильнетские по примеру ерыксинских, оставить свои мольбища по согласию их, и что нами с нашей стороны на согласие их или не согласие на это решительно никакого не будет. После этого явились понятые из деревни Куяновой (русские) и понятые из деревни Гондыревой (черемисы) и о. Ергин. Между тем толпа черемис оказавшаяся даже из разных селений быстро начала подступать к дому Овечкина. О. Ергин подъехал к дому Овечкина же, ворота коего были заперты. Ворота кто-то открыл, и они вбежали в ограду. На улице началось избиение понятых. Некоторые из черемис с палками в руках жестоко били всех, кто только попадался им под руки и избили более 20 человек. При этом более всего пострадал Кузьма Васильев Сидоров и русский крестьянин деревни Куяновой Михаил Игнатьев, у которого были переломаны 4 ребра. Толпа бушевала до тех пор, пока остальные понятые не распрятались кто куда могли, кто на сеновале, кто в погребке или в другом месте. Бежать из деревни никакой возможности не было, так как черемисы оцепили все деревню кругом, стояли на дорогах, в переулках и на огородах. В сильном страхе находились мы в доме Овечкина, запершись и не найдя ни какого способа выхода из него (здесь нас было 15 человек). Хотя находившиеся с нами люди в доме Овечкина некоторые и говорили, что хотят убить и «попов», т.е. нас, однако толпа разъярившихся черемис в ворота Овечкина попасть не пыталась, не отбивала их, и никаких нам угроз с улицы не доносилось. Проходил по улицы некто Николай Крюков, служащий у Ушкова, мы позвали его и попросили как можно скорее передать о случившемся и наших обстоятельствах в Кокшанский завод уряднику и позвать оттуда людей для оказания нам помощи. Часа через два приехал урядник с людьми, явились и разбежавшиеся понятые наши»¹⁵. Состоявшаяся за несколько дней до этого вырубка священной рощи марийцев в присутствии Сарапульского епископа Владимира стала причиной подачи жалобы на имя Обер-прокурора Синода. В ней крестьяне-язычники писали: «В виду того, что действия Преосвященного епископа Сарапульского не только не гармонируют, а даже явно противоречат указаниям закона (65,67 и 70 ст. т. XIV Уст. о пред. и пресеч. прест.), трактующего о том, что и язычники повсеместно пользуются свободным отправлением их веры и богослужениям по обрядам оной, что все и каждому запрещено ради различия веры, заводить споры, распри или чинить поношения, и что господствующая в пределах Российской империи Православная католическая вера и церковь не позволяют себе принудительных средств при обращении иноверцев к Православию, мы сами лично и по просьбе своих единоверцев, законные права которых поправы неза-

конными действиями Преосвященного епископа Сарапульского, о вышеизложенном имеем честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства в тех видах, чтобы Святейший Правительствующий Синод поставил епископу Сарапульскому на вид не тактичность его действий, а нам язычникам, в силу прямого закона, было дозволено и впредь свободно совершать обряды и моления по вере наших предков. О последующих по сему прошениях распоряжениях просим нас объявить»¹⁶. На основании данной жалобы Св. Синодом было проведено расследование этого случая, а также волнений 31 августа в деревне Ильнет, результатом стало издание указа от 31 мая 1902 года № 4158. Епископ Владимир был перемещен в Рязанскую епархию, священник Ергин переведен в русский приход, всем инородческим миссионерам и священника служащим в приходах со смешанным населением были сделаны «внушения».

Непродуманные и поспешные действия духовенства в деревне Ильнет вызвали широкий резонанс в губернии и были негативно восприняты многими образованными людьми. Так, И. В. Дьяконов управляющий химическим заводом в Елабужском уезде в письме к Сарапульскому епископу писал об этом случае следующее: «Я хорошо знаю, что с ними (язычниками – авт.) насилем ничего сделать нельзя, нельзя к ним без риска являться с крестом в руке и с толпой понятых вооруженных топорами, как это сделали Кураковские священники. И что же получилось в результате? Безобразная драка и ломание ребер! Хорошо еще вовремя успели прискакать в деревню мои сослуживцы и выручить из запетой избы о. Василия и о. Константина. ... В заключении повторяю – не насилие может распространить христианство, а церковная школа и христианское воспитание в духи любви и все прощения к немощам заблуждающегося и невежественного ума. Так я говорил на миссионерском съезде, так скажу и теперь и не думаю, что я хоть на капельку изменил правоте моих искренних православных взглядов»¹⁷.

Помимо фондов Сарапульского и Глазовского духовных правлений в ЦГА можно найти фонды отдельных благочинных округов и приходов. Это фонды благочиннических округов Глазовского городского (Ф. 189) и Сарапульского городского (Ф. 264) благочиний, а также приходских церквей таких, как Александро-Невский Собор Ижевского завода (Ф. 6), Богородицкая церковь села Люк Глазовского уезда (Ф. 29), Михайло-Архангельская церковь села Сосновки Сарапульского уезда (Ф. 48), Троицкая церковь села Полом Глазовского уезда (Ф. 71) и многие другие. Эти фонды сохранились хуже и имеющиеся в них материалы менее информативны. Чаще всего в фондах отдельных церквей можно встретить копии указов и распоряжений Синода и епархиального начальства. Однако в материалах этих фондов можно найти информацию, имеющую важное значение для анализа отдельных аспектов христианизации. Так документы об открытии приходов, строительстве новых церквей позволяют судить об изменении количественных показателей православного населения. В метрических книгах и брачных обысках содержится информация о влиянии конфессионального фактора на семейно-брачные отношения.

Этот, далеко не полный, перечень документов Центрального Государственного архива Удмуртской Республики, дает лишь некоторое представление о разнообразии содержащейся в них информации. Комплексный анализ всех этих ис-

точников позволяет разносторонне и объективно осветить основные аспекты процесса христианизации в Вятско-Камском междуречьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 7651. Л. 2 об.
- ² ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 386. Л. 10–11 об.
- ³ ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 7217. Л. 64 об.
- ⁴ ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 6323. Л. 10.
- ⁵ ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5293. Л. 1 об.
- ⁶ ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5148. Л. 19–19 об.
- ⁷ ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5148. Л. 25.
- ⁸ ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5301. Л. 54 об.
- ⁹ ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 7651. Л. 12.
- ¹⁰ ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 7651. Л. 43–44 об.
- ¹¹ ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 225. Л. 32–32 об.
- ¹² ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 777. Л. 291–295.
- ¹³ ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 273. Л. 256–256 об.
- ¹⁴ ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1113. Л. 160.
- ¹⁵ ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 2236. Л. 4–5 об.
- ¹⁶ ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 2236. Л. 24–25 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 49–54

Поступила в редакцию 24.02.2010 г.

Е. М. Berestova

Analysis of the document corps kept in funds of the Central state archive of Udmurt Republic is given in the article. In these documents activity of Russian Orthodox church on the territory of modern Udmurtia during XVIII – beginning of XX centuries is described. The author gives examples of Christianity perception by the Udmurts and Mari, among whom there was an active missionary activity.

Key words: Christianization, Orthodoxy, paganism, archive documents.

Берестова Екатерина Михайловна,

кандидат исторических наук, доцент

ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск

ул. Университетская, 1

E-mail: kabereestova@mail.ru

И. В. Пчеловодова

**АЭРОФОНЫ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОЙ
ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
УДМУРТОВ**

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 08-04-80409 а/у

Духовые музыкальные инструменты финно-угорских народов обнаружены в археологических памятниках, датируемых I тысячелетием до н.э. Наиболее ранние сведения в письменных источниках о флейтовых инструментах удмуртов относятся к к. XIX в. Современные полевые этнографические материалы расширяют наши представления об удмуртских аэрофонах и позволяют уточнить ареал распространения некоторых из них. Терминологическому аспекту изучения традиционных музыкальных инструментов и их генезиса, проблемам коллекционирования удмуртских аэрофонов, описания и изучения состава коллекций посвящена данная статья.

Ключевые слова: инструментальная культура, аэрофоны, музыканты-изготовители, терминология, коллекционирование.

В удмуртской этномузыковедческой литературе очень мало сведений об аэрофонах – духовых музыкальных инструментах. Я связываю это, с одной стороны, незаинтересованностью ученых, так как первыми исследователями традиционной культуры удмуртов были зарубежные ученые-лингвисты (Ю. Вихманн, Б. Мункачи, Р. Лах). С другой стороны, фиксация сведений о музыкальных инструментах могла затрудняться их использованием в обрядовых действиях. Занявшись этим вопросом, я учла сведения письменных источников конца XIX – начала XXI вв., в том числе по археологическим находкам, сведения архивных материалов Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (далее – УИИЯЛ УрО РАН), фонда ГТРК «Удмуртия», а также экспедиционные материалы, в том числе собранные автором статьи.

Наиболее древний и архаический пласт традиционных удмуртских инструментов составляют аэрофоны, связанные с отдельными видами хозяйственной деятельности. О наличии духовых музыкальных инструментов в древности в культуре финно-угорских народов Волго-Уралья подтверждают звуковые орудия, найденные в археологических памятниках [3]. В частности, на территории Удмуртской Республики на раскопках городища Чеганда I (Каракулинский рай-

он УР) был найден свисток из медвежьего зуба начала I тысячелетия до н.э.¹ К. И. Корепанов отмечает, что его ствол имеет два канала и боковое отверстие, что, вероятно, позволяло извлекать звуки разной высоты [14, с. 10]. На городище Иднакар (Глазовский район УР) найдены рябчиковые манки (94 шт.) – *сяла чипсон*, датируемые X–XIII вв. По определению сотрудника Института экологии УрО РАН П. А. Косинцева, все найденные манки сделаны из бедренных костей соболя или куницы [25]. Исследователь В. В. Радя предполагает, что выбор кости именно этого млекопитающего объясняется тем, «что куница входит в число самых опасных врагов рябчика» [25, с. 75]. Кроме того, кость, как отмечает исследователь, придает свистку тихий, нежный тон. Некоторые сигналы-манки обнаружены также на местах поселения пермских народов – это Гремячанское поселение-святилище и Буйское городище эпохи железа [14].

Духовые музыкальные инструменты были обнаружены на территории Нижнего Прикамья при раскопках Луговского могильника конца VIII–VI вв. до н.э. [14, С. 7]. Это костяные флейты (19 трубок), связанные между собой ремешком, что, по мнению К. И. Корепанова, позволяло приспособить флейту для исполнения различной музыки, в том числе и культовой. Более того, судя по наличию сопровождающих предметов в могильнике, исследователь предполагает, что погребенный был не просто музыкантом, «но и выполнял при жизни какие-то культовые действия» [14, с. 9].

Практически все найденные духовые музыкальные инструменты, как на поселениях, так и в могильниках, изготовлены из кости. Отсутствие подобных инструментов из дерева и растений можно объяснить недолговечностью материала. Современные экспедиционные материалы подтверждают сезонный характер таких инструментов.

Наиболее ранние сведения о флейтовых инструментах относятся к концу XIX в. Так, В. Кошурников, описывая быт удмуртов Сарапульского уезда (совр. Сарапульский район УР), упоминает о «дудках и свистушках», применяемых для охоты на рябчиков, тетерев и уток [15, с. 13]. Об использовании в детской игровой культуре удмуртов Сосновского края (совр. Шарканский район УР) «свистулек из гусиных перьев, травных дудок и корок, снятых с виц ивы, черемухи и липы», пишет и Г. Е. Верещагин [4, с. 187]. Здесь же автор приводит информацию о кукле-свистульке – глиняной свистульке в виде утки, имеющей боковые отверстия [4, с. 189–190].

Первые упоминания об удмуртской волынке мы встречаем в этнографических материалах XVIII–XIX вв. Об использовании волынки в ансамбле с другими инструментами на свадебном пире отмечают Н. П. Рычков, И. Г. Георги, А. Ф. Риттих [7, 26, 27]. Однако эти сведения весьма скудные и не содержат описания самого инструмента. Все авторы отмечают, что на волынке исполняли плясовые напевы и песни. Относительно территории распространения Н. П. Рычков пишет, что волынка используется удмуртами, проживающими в Уфимской провинции. А. Ф. Риттих в своих материалах описывает быт удмуртов Казанского и Мамадышского уездов (совр. Балтасинский и Кукморский районы Республики Татарстан). Ценные сведения о функционировании волынки

¹ Инструмент хранится в Национальном музее УР им. Кузубая Герда под №№ 116, 42

дает Н. П. Штейнфельд [34]. Как отмечает автор, музыкант с волынкой являлся обязательным участником свадебного обряда бесермян. Интересно замечание исследователя о том, что “волынщик не аккомпанирует певцам, а играет самостоятельно в промежутке между пением, так что музыка длится непрерывно” [34, с. 243]. Священник К. Сатрапинский прихода Укан Вятской губернии Глазовского уезда (совр. Ярский район УР) приводит следующее описание волынки: инструмент представляет собой “подобие бычачьего пузыря, сшитая из выделанной кожи с двумя небольшими рукавами и со вложенными в них деревянными трубочками, наподобие цевки, из коих одна служит для наполнения пузыря воздухом, что приводится вдыханием, другая для выпуска этого воздуха, что производится давлением, с языком, как у кларнета, и нарезками для пальцев для произведения разнообразия звуков, утвержденная одним концом в рог какого-либо животного, преимущественно большой козий с тою же целью” [17, с. 272]. Автор указывает, что этот инструмент встречается лишь у бесермян данного прихода.

В 70-е–90-е гг. XX столетия количество описываемых аэрофонов увеличивается, в литературе упоминаются такие удмуртские инструменты как *узьыгумы* – продольная обертоновая флейта, *пеллян гумы* – дудка с продольной прорезью-щелью, *чипсон* – свистулька из липы/ивы, *быз* – волынка, *куро чипсон* – свистулька из соломы, *чипчирган* – натуральная продольная труба, *тутэктон* – пастушеский рожок, *скал сюр* – труба из коровьего рога. Дается характеристика конструктивных особенностей, приемов игры и технических возможностей инструментов [5, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 35].

Издание нотных сборников инструментальных наигрышей немногочисленно. Первые образцы музыкальных примеров встречаются в нотном приложении к работе финского ученого Ю. Вихманна [36]. В 1927 г. удмуртский исследователь Кузубай Герд выпустил песенный сборник с нотным материалом [8]. Сборник состоит из восьми разделов, каждый из которых посвящен отдельной локальной традиции. Инструментальные наигрыши на *крезе* – гусях, *кубызе* – скрипке и гармонии имеются лишь в трех из них: в первом представлена музыкально-песенная традиция удмуртов, проживающих вдоль р. Валы (совр. Вавожский, Увинский и Можгинский районы УР), четвертый посвящен можгинским удмуртам (совр. Можгинский, Алнашский районы УР) и шестой строится на музыкальном материале карлыганских удмуртов (совр. Кукморский и Балтасинский районы Республики Татарстан, Мари-Турекский район Республики Марий Эл). Несколько плясовых мелодий представлены в сборнике 1937 г., авторами которого являются М. Петров и А. Каторгин. Однако остается неизвестным, на каких музыкальных инструментах исполнялись опубликованные напевы [23].

Издание следующего нотного сборника песен, записанных по просьбе Е. В. Гиппиуса в 1936 г., осуществилось лишь в 1989 г. [9]. Здесь представлены два песенных наигрыша на *узьыгумы* – свадебный и рекрутский, и на *чипчиргане* – рекрутский. О виртуозности игры удмуртов на *чипчиргане* Е. В. Гиппиус писал: «Наигрыши на *чипчиргане* записаны от исполнителя, мастерски владеющего своеобразной техникой игры на этом инструменте. <...> Записи эти показывают, что у удмуртов сохранилось огромное мастерство виртуозного использования верхнего обертонового ряда *чипчиргана* при аранжировке на нем песенных напевов» [9, с. 28–29]. Еще несколько наигрышей на этих же инструментах опубликованы в сборнике И. К. Травиной «Удмуртские народные песни» [30].

Благодаря современным сборникам из серии «Удмуртский фольклор», количество опубликованных инструментальных наигрышей значительно пополнилось. Так, в первом выпуске, посвященном музыкально-песенной традиции удмуртов Алнашского района, представлен наигрыш на скал сюре [2]. И. М. Нуриева, описывая музыкальную традицию завятских удмуртов, охватила инструментальную культуру данного региона (Кукморский, Балтасинский районы Республики Татарстан, Мари-Турекский район Республики Мари Эл) [21].

Предварительный анализ архивного материала УИИЯЛ УрО РАН позволил выявить несколько нотных образцов, исполненных на удмуртских музыкальных инструментах (*крезь*, *кубыз*, гармонь), ранее нигде не опубликованных. Однако многие из них не имеют полной паспортизации или таковая вообще отсутствует. Как правило, это небольшие по объему нотные фрагменты, которые не дают полного представления о наигрыше. Все они были записаны на территории южных районов Удмуртской Республики: Якшур-Бодьинский район – плясовые наигрыши на скрипке², Алнашский район – наигрыши на гусях³, Малопургинский район – плясовые наигрыши на гармонии⁴.

Таким образом, наиболее полно представлена инструментальная традиция южных, периферийно-южных и отчасти центральных удмуртов. Однако эта информация далеко не исчерпывающая и носит описательный характер. Некоторые сведения об использовании сигналов-манков в традиции северных удмуртов дают лишь археологические материалы. В этом ряду выделяются материалы по бесермянской волынке.

Современные полевые этнографические материалы расширили наши представления об удмуртских аэрофонах. Эти данные позволили уточнить ареал распространения некоторых из них, а также выявить несколько разновидностей музыкальных инструментов.

Впервые в 2004 г. во время фольклорно-этнографической экспедиции в Кезском районе УР нам удалось зафиксировать узыгумы – продольную обертоновую флейту⁵. Для нас это стало уникальной находкой, так как во всех опубликованных материалах сообщалось об исчезновении игры на данном инструменте. Сам исполнитель Евгений Андреевич Худяков (1937 г.р.) называет инструмент *зумы* – дудка. Инструмент имел длину 49 см, со свистковым окошком и без игровых отверстий. Примечательным фактом явилось то, что материалом для инструмента послужил резиновый шланг. По словам исполнителя, традиционный

² Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН, оп. 2-Н № 202, л. 212 – два скрипичных наигрыша. Один из них опубликован в книге: Удмуртская народная песня в творчестве Д. С. Васильева-Буглая: Сборник материалов / ред. Т. Г. Владыкина, М. Г. Ходырева. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. – С. 92 (Памятники культуры. Фольклорное наследие).

³ Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН, оп. 2-Н № 200, л. 40, 40а – два наигрыша, исполненных на гусях. Первый из них опубликован в книге: Удмуртская народная песня в творчестве Д. С. Васильева-Буглая: Сборник материалов / ред. Т. Г. Владыкина, М. Г. Ходырева. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. – С. 27 (Памятники культуры. Фольклорное наследие).

⁴ Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН, оп. 2-Н № 202, л. 237 – плясовой наигрыш на гармонии.

⁵ Фольклорно-этнографическая экспедиция УИИЯЛ УрО РАН в Кезский район УР, 2004 г., руководитель – Т. Г. Владыкина, состав участников: А. С. Мутина, А. В. Никулин, И. В. Пчеловодова, Е. В. Ложкина, Т. И. Владыкина.

материал (стебель зонтичных растений дягиля/дудника, тростника, пикана, борщевика) недолговечен, а потому он стал использовать современные материалы: резиновый шланг, пластмассовые и алюминиевые трубки. При этом музыкант сохраняет прежнюю традиционную форму инструмента, для чего верхнюю часть инструмента делает из широкой трубки, либо для нижнего выходного отверстия используется узкая трубка.

Изготавливая узыгумы из стебля растений, Евгений Андреевич опирался, прежде всего, на размеры частей человеческого тела. Так, длина инструмента выбиралась в зависимости от длины руки, что составляло 78–82 см, а ширина инструмента соответствовала ширине большого пальца руки.

Процесс изготовления удмуртской флейты не представляет большой сложности, поэтому самое главное, по мнению Е. А. Худякова, заключается в умении извлекать звук (*«Если нет привычки, то он [инструмент] свистеть не будет, даже если хорошо сделан»*). Сначала пробуют получить чистый звук с открытым нижним отверстием, а затем и при закрытом отверстии (*«...инструмент должен звучать и при открытом и при закрытом отверстии. А если он у тебя не свистит, когда закрываешь, тогда инструмент не получается... Делаешь еще раз, другой — и приравливаешься»*). Сам исполнитель отмечает, что у каждого изготовленного им инструмента складывается свой звукоряд.

Простота в изготовлении данного инструмента способствовала его широкому распространению. По словам музыканта, играли всей деревней, кто лучше, кто хуже. Играли на досуге, узыгумы являлся своего рода собеседником. Применялся инструмент, как правило, в пастушеской среде. Помимо этого под звуки флейты молодежь плясала во время гуляний. В период войны узыгумы был единственным музыкальным инструментом в деревне.

Традиции игры на узыгумы хорошо прослеживаются и в Глазовском районе УР. Здесь нам игру на инструменте и процесс изготовления показали Алексей Федотович Семенов (1938 г.р.) и Николай Иванович Чупин (1925 г.р.)⁶. Употребляется несколько названий: *узыгумы*, *гумы* (дудка) и *шулан гумы* (свирель/дудка). Отличие этих инструментов от предыдущего состоит в длине: они короче (40–60 см), в редких случаях могли иметь игровые отверстия (не более двух), которые вырезались «на глаз».

Впервые зафиксированы сведения об узыгумы на юге Удмуртии: в Малопургинском районе от Анатолия Дмитриевича Быкова (1938 г.р.)⁷, в Киясовском районе от Антонида Федоровны Ермаковой (1935 г.р.) и Зинаиды Николаевны Вахитовой (1933 г.р.). По словам А. Д. Быкова, длина вырезалась между перемычками растения и составляла 40–42 см, в Киясовском районе длина инструмента достигала 60–80 см, без грифных отверстий. Анатолий Дмитриевич отдает предпочтение инструментам, сделанным из свежего растения (период сенокоса), чем из сухого (конец августа – начало сентября), отмечая, что в первом случае звук получается более звонким (*«...такого звука как летом не получается ... Осенью [растение] засыхает и уже нет звонкости звука»*). Играли на инструменте по возвращении домой после сенокоса, на пасеке, во время пастушества.

⁶ Фольклорно-этнографическая экспедиция УИИЯЛ УрО РАН в Глазовский район УР, 2007 г., состав: И. В. Пчеловодова.

⁷ Фольклорно-этнографическая экспедиция УИИЯЛ УрО РАН в Малопургинский район УР, 2008 г., состав: И. В. Пчеловодова.

У сибирских удмуртов, проживающих в Томской области, также некогда бытовал подобный инструмент под названием узыгумы⁸. Жители переселились туда во времена столыпинских реформ (начало XX в.) из Шарканского района (юго-восточная часть Удмуртии). По словам Василисы Петровны Перевозчиковой (1929 г.р.), инструмент изготавливался из растения *чушни* – купырь/бутень клубненосный. Нижний конец трубки был закрыт естественной перегородкой, а в верхнюю часть вставлялась свистковая пробка, возможно, были и грифные отверстия.

У каждого исполнителя отличаются и способы звукоизвлечения на узыгумы. Высота звука зависит от силы вдувания воздуха, от напряжения губного аппарата, открывания и закрывания нижнего отверстия инструмента указательным пальцем правой руки. Роль вставной пробки выполняет губа исполнителя. Во время игры узыгумы прикладывают ко рту таким образом, что свистковое отверстие находится, в нижней части трубки, реже – в верхней. Такой способ игры нам продемонстрировал Е. А. Худяков. Мы можем предположить, что игра Ивана Афанасьевича Шабалина (1901 г.р.), аудиозапись которого была сделана в 1965 г. режиссером удмуртского радио Е. Б. Саушкиным, аналогичная. В Глазовском и Малопургинском районах исполнители извлекали звук только за счет вдувания воздуха в верхний конец инструмента, струя воздуха, рассекаясь об острый конец, вдувается в полый ствол инструмента, нижний конец не закрывается. При этом А.Д. Быков продемонстрировал, как за счет подвижности губного аппарата, слегка изменяя положение инструмента, можно создавать мелодии.

Играли на узыгумы и сольно, и вдвоем, в основном – частушечные наигрыши, которые сопровождалось пением. В том числе и в ансамбле с другими инструментами, например, с гармошкой, если совпадал звукоряд инструментов. Исполнители проводили соревнования между собой, лучшие оценивались по мастерству игры (Е. А. Худяков: «*На гулянье идешь [играешь], на сенокос идешь — узыгумы делаешь, во время отдыха играешь: кто кого переиграет, кто победит*»). Играли на инструменте, как правило, мужчины и молодые парни, сведений о женщинах-исполнителях мной не зафиксировано. Возможно, это связано со спецификой работы. Все информанты сообщали, что играли на инструменте во время пастьбы, а пастушество в традиционной культуре относится к мужскому виду работ. Девочки и молодые девушки могли играть на *узыгумы шулан'е* – свистульке из дудника/дягиля.

Репертуар исполняемых наигрышей у каждого исполнителя несколько отличается. Е. А. Худяков исполняет лишь плясовые и частушечные наигрыши. Виртуозный узыгумычи Иван Афанасьевич Шабалин, житель Селтинского района УР, сыграл несколько плясовых наигрышей (*эктон гурьёс*), трудовых (*пур келян гурьёс* – наигрышей, исполняемых во время лесосплава плотами), обрядовых (*куно гур* – гостевой напев), заимствованных (*зуч гур* – русский напев), а также наигрышей собственного сочинения. На инструменте исполняются и песенные напевы, о чем свидетельствуют немногочисленные публикации. Очень хорошо звучат различные импровизации.

⁸ Фольклорно-этнографическая экспедиция УИИЯЛ УрО РАН в Чаинский район Томской области, 2006 г. в составе делегации из Удмуртии. Запись И. В. Пчеловодовой.

На предварительном этапе можно сказать, что продольные флейты удмуртов представляют собой явление, характерное практически для всех групп удмуртов. По способу звукоизвлечения узыгумы сводится к двум типам. Первый из них представляет открытую продольную флейту со свистковым вырезом чаще без игровых отверстий (если таковые вырезались, то их количество не превышало двух). Длина инструмента зависит от длины руки играющего, однако она могла быть и короче, что связывалось с желанием исполнителя настроить определенный диапазон звучания инструмента. Второй тип представляет собой закрытую продольную флейту со свистковой пробкой и, возможно, с игровыми отверстиями.

Аналогичные инструменты встречаются в инструментальной традиции финно-угорских народов (коми – *отика полян*, мари, мордвы, венгров и т. д.), в музыкальной культуре татар и башкир Волго-Камья (*курай*). Типологически сходные инструменты имеются в русской культуре (*травяная дудка/калюка*), а также в традиционной музыкальной культуре народов Сибири, в частности, у тувинцев (*мургу*), алтайцев (*шоор*), где для изготовления также используются стебли зонтичных растений (тростник, дягиль, ревен, пикан, борщевик и др.).

К особому виду охотничьих сигнальных инструментов относится *чипчирган* – натуральная продольная труба без игровых отверстий и без мундштука длиной 100–150 см. Евгений Андреевич Худяков перестал играть на чипчиргане уже давно. Причиной этого оказалась сложность игры на инструменте. Несмотря на длительное отсутствие практики игры, он показал нам своеобразный способ звукоизвлечения на этом инструменте (звук извлекается не вдуванием, а втягиванием воздуха исполнителем)⁹. Технология изготовления не представляет большой сложности. Традиционным материалом является полый стебель недоспелки копьевидной. Срезается стебель необходимой длины, после чего инструмент проверяют на звук.

Об изготовлении пастушьего рожка – *тутэктона* – нам рассказал Николай Андреевич Пронин (1940 г.р.), житель Малопургинского района. Весьма интересно его замечание о том, что трубку делал только кузнец: под воздействием огня медь или железо свертывали в трубку конусообразной формы. Мундштук делается из деревянной катушки для ниток: одна половина катушки срезается, на другую натягивается резинка, которая закрепляется нитками. Между катушкой и резинкой вставляют ржаную солому или спички, соответствующие ширине резинки. Звук инструмента, громкий и резкий, зависит от силы натягивания резинки, от ее ширины и толщины: чем она тоньше и уже, тем звук инструмента более яркий и звонкий, – а также от силы вдувания. Поздние варианты рожка делали из стеклянных бутылок. Для этого дно бутылки обматывают ниткой и нагревают зажженной спичкой, спустя несколько минут опускают в холодную воду, после чего дно отпадает по линии натянутой нити и получается своеобразная трубка.

Тутэктон выполнял в основном коммуникативную функцию: с его помощью подавали сигналы о времени выгона и возвращении скота, использовали для управления им в поле. Как говорит Н. А. Пронин, если пастух не подавал сигнала к сбору скота, то по возвращении в деревню люди высмеивали и даже

⁹ Фонограммархив УИИЯЛ УрО РАН, ВК 182.

ругали его за это («Ой, без рожка ушли пастухи», ругались люди. Иногда ведь и не почувствуешь [когда корову выводить надо], поэтому в деревне [он] главный был»). Не исключено, что пастухи подобным образом передавали друг другу и определенную информацию. Среди пастухов выделялись искусные виртуозы, исполняющие на пастушьем рожке довольно сложные мелодии.

До сих пор среди охотников большой популярностью пользуются рябчиковые манки – *сяла чипсон/пеллян*. Манки из липы делают в апреле–мае. Срезается несколько веточек. На верхнем конце ветки делается косой срез, на нижнем конце – круговой надрез коры, которая удаляется. Легким постукиванием рукояткой ножа ствол освобождают от коры. На расстоянии примерно 2 см от косого среза на коре вырезается свистковое отверстие. Освобожденный от коры ствол разделяют на две части. Одна из них, длиной 1,5–2 см, служит вставной пробкой для верхней части. В ней подрезают место для щели, после чего инструмент проверяют на свист. Если он не звучит, то срез делается чуть глубже. Оставшаяся часть ствола вставляется в нижнее отверстие. С ее помощью регулируют высоту звука, добываясь наиболее приближенного звучания к свисту рябчика. Охотники, в зависимости от высоты звука, выделяют голос самца или самки рябчика.

Техника изготовления манки из гусяного пера не отличается. Детали, вставляемые внутрь полого пера, изготавливаются из веток ели, липы, ивы.

Волго-Камье с древнейших времен является зоной активного контактирования различных племен: финно-угорских, тюркских, индоевропейских. Интересную информацию о генезисе и использовании аэрофонов в традиционной практике может дать терминология музыкальных инструментов. Некоторые вопросы, касающиеся этимологии названий некоторых инструментов, рассмотрены в работах А. Н. Голубковой [11, 12], Т. Г. Владыкиной [6], И. М. Нуриевой. [20].

Для обозначения удмуртских аэрофонов употребляется несколько терминов: *шулан*, *чипсон*, *пеллян*, *гумы*, *сюр*, *быз*. Рассмотрим каждое из этих определений последовательно.

Шулан – наиболее распространенный термин, означающий ‘дудка, свисток, свистушка, флейта’ [1, с. 350], ‘свистулька’ [32, с. 508]. Название происходит от звукоподражательного глагола *шуланы* ‘свистеть, свистнуть’. Видимо, «свистковый» тембр становится одной из главных причин для определения данным термином разных по конструктивным особенностям инструментов. Прежде всего, определением *шулан* обозначаются свободные аэрофоны, где извлечение звука происходит с помощью свиста: *турын шулан* ‘свистулька из травы’, *туй шулан* ‘свистулька из тонкой бересты’, *пулэсь шулан* ‘свистулька из дерева’ – инструмент представляет собой туго натянутую берестяную ленточку, обрамленную деревянными брусками.

Этим же термином исполнители обозначают закрытые продольные флейты: дудка из дудника/дягиля, представляющая собой одиночную продольную флейту без игровых отверстий, и дудка из дудника/дягиля с продольной прорезью-щелью (расщепленным стеблем) – *шулан гумы*. Звукообразование здесь производится вдуванием воздуха в полость трубки.

Кроме того, в определении *шулан* отражается характерная для семейства флейтовых конструктивная особенность – наличие свисткового устройства, чего нет в вышеуказанных инструментах: *чирс гумылэсь шулан* ‘свисток из дудника’ – открытая продольная губно-щелевая флейта со свистковым вырезом, с игровы-

ми (не более двух) или без игровых отверстий; *беризь/бадьпу/палэзпу шулан* ‘липовый/ивовый/рябиновый свисток’ – закрытая продольная флейта со свистковым вырезом, вставной деревянной пробкой со щелью, без грифных отверстий; *сюй шулан* ‘глиняная свистулька’ – окарина в форме рыбы или птицы.

Наряду с определением *шулан* для обозначения инструментов могут употребляться и другие термины: *чипсон* ‘свистулька, свирель’ [1, с. 321], ‘свисток, свистулька, свирель, манок, дудочка, пищик’ [32, с. 475], и *пеллян* ‘раздувать, нашептывать с целью излечения’ [1, с. 217], ‘дуновение, дутье, раздувание, дудка’ [32, с. 337].

Возможно, в традиционном сознании *шулан* и *чипсон* воспринимаются как тождественные друг другу инструменты, так как звук имеет «свистковый» тембр. Отсюда несколько названий одного и того же инструмента. Например, свисток из дудника (*чирс гумылэсь шулан*) имеет второе название – *чипсон гумы*, липовый/ивовый/рябиновый свисток – *беризь/бадьпу/палэзпу чипсон*. Манок на рябчика, аналогичный по своей конструкции липовому свистку, зафиксирован под названием *сяла чипсон*.

Этим же термином обозначаются инструменты, в конструкции которых имеется язычок (аэрофоны кларнетного типа). К таким инструментам относится *куро чипсон* ‘свистулька из ржаной соломы’. *Куро чипсон* использовался также в качестве пищика для волынки. У бесермян такой инструмент называется *куро быз* ‘соломенная волынка’, так как по своему звучанию напоминает традиционный инструмент бесермян *быз* (волынку) [24, с. 86].

Термин *пеллян* встречается в основном в центральных и в некоторых южных районах Удмуртии. Так, в Кизнерском районе УР *пеллян* употребляется для обозначения рябчикового манка – *сяла пеллян*, а в Увинском и Вавожском районах этим термином обозначаются практически все аэрофоны. Дудка из дудника с расщепленным стеблем имеет второе название – *пеллян гумы*, что напрямую связано со способом звукоизвлечения: *пелляны* ‘дуть’. Анализируя этимологию слова *пеллян*, А. Н. Голубкова отмечает, что двойное значение слова – ‘дуновение, дутье, раздувание’ и ‘лечение нашептыванием, наговором’ (*пелляськон кыл* ‘лечебный заговор’), – дает возможность предположить использование *пеллян гумы* в качестве обрядового инструмента в знахарской практике [12, с. 66]. Интересная информация зафиксирована мной в одной из экспедиций в 2005 г. – во время проведения календарного праздника *гырон быдтон* у южных удмуртов, посвященного окончанию пахоты. Играли на глиняной свистулке – *сюй шулан*. Использование этого инструмента в другое время запрещалось во избежание нанесения вреда будущему урожаю¹⁰.

Следующее определение связано с материалом изготовления духовых инструментов: *гумы* ‘трубка, полый стебель растения, полый предмет’ [32, с. 115]. Слово «гумы» было распространено в общепермский период и относится к древним, индоиранским заимствованиям. Встречается несколько названий инструментов, фиксирующих растение, из которого они сделаны: *чирс гумы*, *колыс гумы* ‘борщевик сибирский’ [29, с. 23], *узъыгумы* ‘дягиль лесной, дудник’ [29, с. 47], *гоно гумы/гоно колыс* ‘борщевик мохнатый’ [29, с. 15]. К этому же ряду примыкает *чипчирган* – натуральная продольная труба без игровых отверстий и

¹⁰ Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН, дело № 2Н-1383 «б». С. 6.

мундштука. Название инструмента связано с растением, из которого оно изготавливается: *чипчирган* ‘какалия/незрелая копьевидная’ [29, с. 49].

Теперь обратимся к другому инструменту – *быз* ‘бесермянская волынка’. Этимологически термин *быз* наиболее близок тюркскому *buza*, что означает ‘теленок’, а также подражательному глаголу *buzla-*, *bozla-* ‘реветь, кричать’ (о животных) с именной основой *buz* [28, с. 239–241], отсюда же удмуртское *бозгетыны* ‘жужжать, гудеть’. Очевидно, что этот термин был заимствован от соседних тюркских народов (татар). Как отмечает Г. М. Макаров, «это название перешло к удмуртам от татар...» и является укороченной формой слова *кубыз* [19, с. 83]. Термин *быз* и обозначаемый им инструмент был известен лишь в традиционной культуре бесермян. В современной культуре бесермян этим же термином называется свистулька из ржаной соломы за счет гудящего звука. Название *кубыз* встречается в инструментальной традиции южных и завятских удмуртов, обозначающий струнный инструмент. В одном случае это музыкальный лук, который прикладывается ко рту (типа варгана), в другом – это скрипка. У татар-кряшен этим термином обозначается еще и гармоника в связи со схожестью в протяжном звучании, как у волынки или скрипки. Почему же инструмент типа волынки не известен южным и периферийно-южным удмуртам, имеющим тесные этнокультурные и территориальные связи с татарами? Возможно, бесермяне сохранили это название, оказавшись в другом для них окружении – среди северных удмуртов, в то время как завятские удмурты перенесли его на другой инструмент – струнный, который мог заменить собой волынку. В этой связи интересное явление было зафиксировано И. М. Нуриевой – в тембровом исполнении обрядовых напевов в кукморской песенной традиции исследователь выявила близость к волюночным наигрышам [22, с. 202–203].

Таким образом, в названии инструмента могли отразиться материал, из которого изготавливался воздушный резервуар (шкура, кожа животного), и тембр звучания (резкий, сильный).

В удмуртском языке сохранилось понятие *бургетыны* ‘трубить’. В качестве существительного – *бургы* – этот термин употребляется лишь в значении ‘медная трубка (в самогонном аппарате)’. Однако в кукморском и бавлинском диалектах *бургы* (*бергъ*) употребляется в значении ‘дудка, сделанная из дудника’. По своей этимологии слово *бургы* тяготеет к тюркскому *быргы* ‘горн, рожок, труба, дудка’ (музыкальный инструмент) [30, с. 56]. В древности он обозначал род натуральной трубы, который изготавливался из рога крупных животных, вытачивался из дерева, гнулся из металлической жести. В настоящее время этим термином обозначаются медные духовые пастушеские инструменты из рога коровы или быка, а также из жести [18, с. 98]. В удмуртской инструментальной традиции подобные инструменты обозначаются термином *сюр/скал сюр* ‘рог/коровий рог’, который также имеет древнетюркское происхождение.

Одним из важных направлений в сохранении материальной и духовной культуры этноса является коллекционирование. Это своего рода документация, фиксирующая быт той или иной эпохи, традиции, культуры. Благодаря музейным коллекциям мы можем видеть сегодня многие ушедшие из употребления предметы быта материальной культуры, к числу которых относятся и музыкальные инструменты.

Одна из ранних коллекций, в состав которой входит музыкальный инструмент удмуртов, относится к началу XX в. В 1906 г. земским учителем из села Шаркан был осуществлен целенаправленный сбор материалов по бесермянской культуре в Глазовском уезде Вятской губернии (Глазовский район УР). Благодаря этому, в Российском Этнографическом музее была сформирована коллекция И. К. Зеленова, состоящая из 119 предметов [33]. Привезен инструмент из д. Б. Жуам Глазовского уезда (совр. д. Жувам Юкаменского района УР) в 1906 г. Представленный в коллекции Российского этнографического музея *быз* сохранился в лучшем состоянии, в отличие от двух волынок, хранящихся в фондах Национального музея УР. О способе игры на волынке сам И. К. Зеленев оставил следующее замечание: «Музыкант, имея надутый воздухом мех, подмышкой нажимает его заставляя течь воздух по игральным трубкам и перебирая пальцами, воспроизводит мелодию»¹¹.

На сегодняшний день одна из богатых коллекций удмуртских традиционных музыкальных инструментов хранится в фондах Национального музея УР имени Кузубая Герда. Данная коллекция наиболее полно отражает инструментальную культуру удмуртского народа. Здесь имеются и археологические находки, инструменты, датируемые XIX в., отреставрированные и отреставрируемые, а также инструменты, изготовленные в XX–XXI вв.

С недавнего времени целенаправленный сбор традиционных аэрофонов ведется и в Удмуртском ИИЯЛ УрО РАН. Из числа охотничьих инструментов в коллекции имеются *сяла чипсон/пеллян* – рябчиковый манок, сделанный в 2005 г. современным охотником И. П. Седовым из липовой коры (1964 г.р.), *бадьпу/палэзпу шулан* – ивовый/рябиновый свисток – одновидовые инструменты, носящие название от рода дерева, из которого они изготовлены.

Также в коллекции представлен *чипчирган*, изготовленный из дудника/дягиля лесного Е. А. Худяковым в 2004 году. Им же сделан другой инструмент – *узъыгумы*. Пастуший рожок – *тутэктон* – для нашей коллекции сделал Н. А. Пронин в 2006 г.

Благодаря экспедициям 2007–2009 гг. коллекция инструментов значительно пополнилась. Были сделаны видеозаписи изготовления флейтовых инструментов: *шулан/чипсон гумы* – свистульки из дягиля лесного: свистковый механизм сохраняется как у продольной флейты, но длина инструмента может варьироваться. Так, в коллекции имеются инструменты длиной 21 см, 30 см и 44 см. Из этого же растения делается другой инструмент, представляющий собой закрытую трубку с частичной продольной прорезью-щелью (расщепленным стеблем) – *шулан/пеллян гумы*.

Среди инструментов детской игровой культуры в нашей коллекции появились свистулька из ржаной соломы – *куро чипсон* и деревянная свистулька с берестой – *пулэсь туй шулан*. Все они сделаны в Глазовском и Ярском районах. В д. Золотарево Глазовского района информацию об игре на открытой флейте со свистковым вырезом – *шулан/пеллян гумы* – мы получили от В. П. Золотаревой (1933 г.р.). Этот инструмент использовался преимущественно среди девочек.

Собранные в коллекции традиционные инструменты удмуртов дают возможность сопоставлять и сравнивать удмуртскую инструментальную культуру с

¹¹ *Быз* хранится в фондах РЭМ под № 1111-112 abcde.

культурой других народов. Кроме того, такого рода коллекции являются хорошим наглядным материалом в процессе обучения в общеобразовательных, средних и высших учебных заведениях.

Таким образом, в традиционной практике удмуртов музыкальные инструменты составляют важную часть. Некоторые из них, благодаря народным мастерам и музыкантам, до сих пор продолжают звучать. Более того, полевые материалы, зафиксированные в настоящее время, расширяют наши сведения о технологии изготовления и функционировании удмуртских аэрофонов, что позволяет ввести их в контекст мировой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь (ок. 15 тыс. слов). – Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. – 384 с. – (Памятники культуры Удмуртии. Лингвистическое наследие).

2. *Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г.* Песни южных удмуртов: Материалы и исследования. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. – Вып. 1. – 192 с. (Удмуртский фольклор).

3. *Бояркин Н. И.* Древние звуковые комплексы восточных финнов (по археологическим материалам) // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. И. Бояркин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – С. 23–70.

4. *Верещагин Г.* Вотяки Сосновского края. – СПб, 1886. – 218 с.

5. *Вертков К., Благодатов Г., Язовицкая Э.* Атлас музыкальных инструментов народов СССР. – Изд-во 2-е, доп. и перераб. – М.: Музыка, 1975 – С. 73–75.

6. *Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 356 с.

7. *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. – Ч.1. – СПб, 1776. – С. 55–66.

8. *Герд К.* Удмурт калык кыргызъёс. – Ижевск: Удкнига, 1927. – 1-тй книга 3-тй шуккетэз. – 113 с.

9. *Гиттиус Е. В., Эвальд, З. В.* Удмуртские народные песни: Тексты и материалы. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1989. – 84 с. Памятники культуры. Фольклорное наследие.

10. *Голубкова А. Н.* Музыкальная культура Советской Удмуртии (1917–1967). – Ижевск: Удмуртия, 1978. – 156 с.

11. *Голубкова А. Н.* К вопросу о ранних этапах формирования музыкальной культуры удмуртов // Истоки искусства Удмуртии / Отв. ред. В. В. Ложкин. – Ижевск: УИИЯЛ УрО АУ СССР, 1989. – С. 3–11.

12. *Голубкова А. Н.* Роль музыкальных инструментов и инструментальной музыки в духовной культуре удмуртов // Вестник Удмуртского университета. – 1992. – № 6. – С. 63–69.

13. *Карпов А. М.* Древние музыкальные инструменты (К этнографическому изучению) // Истоки искусства Удмуртии / Отв. ред. В. В. Ложкин. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1989. – С. 12–22.

14. *Корепанов К. И.* Музыкальные инструменты эпохи железа Волго-Камского региона VIII века до н.э. – III века н.э. – Уфа: Изд-во БЭК, 1998. – 24 с.

15. *Кошурников В.* Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Этнографический очерк. – Казань, 1880. – 44 с. (Приложение к ИОАИЭ при Казанском университете за 1879 год).

16. *Кунгуров С. Н.* Удмуртские традиционные музыкальные инструменты. Ижевск, 1994. – 28 с.

17. *Луппов П. Н.* Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX века. – Вятка: Губернская типография, 1911. – 318 с.

18. Макаров Г. М. Традиционные духовые музыкальные инструменты татар Волго-Камья (Проблемы генезиса и исторической реконструкции). – Казань, 2006. – 126 с.
19. Макаров Г. М. О формировании музыкально-инструментальной культуры финно-угров Волго-Камья в древности (по материалам народной терминологии) // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.И. Бояркин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – С. 71–89.
20. Нуриева И. М. Удмуртский крезь: терминологическая загадка // Инструментоведческое наследие Е. В. Гиппиуса и современная наука / Ред. кол.: Д. Абдулнасырова, Ю. Бойко, Е. Хаздан, И. Мациевский и др. – СПб, 2003. – С. 74–76.
21. Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – Вып. 2. – 332 с. (Удмуртский фольклор).
22. Нуриева И. М. Обрядовое пение удмуртов: жест и тембр // Инструментальная музыка в межкультурном пространстве: проблемы артикуляции / Отв. ред. И.В. Мациевский. – СПб.: Астерион, 2008. – С. 201–204.
23. Петров М., Каторгин А. Удмурт калык кырзанъёс нотаосын. – Ижевск: Удгиз, 1937. – 46 с.
24. Попова Е. В. Игрушки из растений в детской игровой культуре удмуртов и бесермян // Традиционная культура. – 2005. – № 3. – С. 85–93.
25. Радя В. В. Опыт акустической характеристики манков с городища Иднакар // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Сб. статей. – Ижевск, 1991. – С. 75–79.
26. Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. XIV. – Казань, 1870. – С. 201–215.
27. Рычков Н. П. Журнал или дневниковые записки Путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. 1769–1770. – СПб: Императорская Академия наук, 1770. – С. 156–182.
28. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. – М., 1978. – 349 с.
29. Соколов С. В., Туганаев В. В. Биологической нимкыльёсын кылбугор = Словарь биологических терминов / Под общей редакцией С. В. Соколова. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 144 с.
30. Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке. Учебное пособие по лексикологии удмуртского языка для студентов высших учебных заведений. – Ижевск, 1981. – 105 с.
31. Травина И. К. Удмуртские народные песни. – Ижевск: Удмуртия, 1964. – 228 с.
32. Удмуртско-русский словарь: ок. 35 000 слов / Под ред. В. М. Вахрушева. – М.: «Русский язык», 1983. – 592 с.
33. Фролова И. С. Комплектование коллекций по этнографии бесермян в собрании Российского этнографического музея // О бесермянах. Сб. статей. – Ижевск, 1997. – С. 121–129.
34. Штейнфельд Н. П. Бесермяне. Опыт этнографического исследования // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 г. – Вятка, 1894. – С. 220–259.
35. Яковлев В. И. Волынка у поволжских народов // Музыкальный фольклор и творчество композиторов Поволжья: сб. тр. / Отв. ред. З.Н. Сайдашева – Вып. 73. – М., 1984. – С. 75–83.
36. Wichmann J. Y. Wotjakische Sprachproben. Im auftrage der finnisch-ugrischen gesellschaft gesammelt und herausgegeben. I. – Helsingfors, 1893. – S. 194–199.

Поступила в редакцию 15.02.2010 г.

I. V. Pchelovodova

Wind musical instruments of Finno-Ugric people are discovered in the archaeological monuments. The earliest information in written sources of the Udmurts flute instruments is dated

from the end of 19 century. Modern field ethnographic materials extend the idea of the Udmurt aerophones and allow to specify the spread area of some of them. Udmurt aerophones has been collected in Udmurt institute of history, language and literature of the Ural branch of Russian academy of science.

Key words: instrumental culture, aerophones, musicians-producers, collecting.

Пчеловодова Ирина Вячеславовна,
кандидат филологических наук
Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН
г. Ижевск ул. Ломоносова, 4
E-mail: pchelka@ni.udm.ru

В. Н. Денисов

**К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ
ЕДИНОЙ ФОНОТЕКИ
УДМУРТСКИХ АРХИВНЫХ
ЗАПИСЕЙ: ПРИНЦИПЫ, МЕТОДЫ
И ТЕХНОЛОГИИ**

Статья посвящена анализу фондов ведущих фонограммархивов Европы, в которых хранятся коллекции записей удмуртского языка и фольклора, собранные различными учеными, начиная с 1911 г. Для сохранения этого бесценного звукового наследия исследователям необходимо изучить эти записи и ввести их в научный оборот путем создания Единой Фонотеки удмуртских записей на базе одного из ведущих научных учреждений республики – УИИЯЛ УрО РАН. Важно также обратить внимание на записи, хранящиеся в архивах Удмуртской Республики. При создании такой фонотеки рекомендуется применять стандарты Международной Ассоциации Звуковых и Аудиовизуальных Архивов (IASA), функционирующей под эгидой ЮНЕСКО.

Ключевые слова: фонограф, восковые валики, граммофон, фонограммархив, архивные записи, аналоговые и цифровые форматы, оцифровка, фонотека.

Касаясь вопроса о создании Единой Фонотеки удмуртских языковых и фольклорных записей, о принципах и основах ее организации, необходимо совершить небольшой экскурс в историю звукозаписи, которая началась в 1877 г. с изобретения фонографа американцем Томасом Эдисоном. На этом аппарате звук с помощью специальной иглы записывался на цилиндрический валик, сделанный из воска или целлулоида, и мог сохраняться на долгие годы. Именно с этого изобретения началась эпоха звукозаписи. Впоследствии фонограф проложил дорогу созданию граммофона, патефона, проигрывателя, диктофона, магнитофона и других звукозаписывающих устройств.

Фонограф быстро завоевал популярность среди этнографов, фольклористов и языковедов во всем мире. Например, в Европе уже в конце XIX в. помимо организации записей на самом континенте были посланы первые экспедиции в различные регионы мира для записи редких языков и малочисленных народов. Постепенно количество записей увеличилось настолько, что ученые стали серьезно задумываться о необходимости сохранения всего записанного в специальных хранилищах. Таким образом звуковые хранилища – фонограммархивы – появи-

лись в Вене (1899), Берлине (1900) и С.-Петербурге (1909) и стали первыми центрами сохранения, изучения собранных материалов, а также собирания новых коллекций.

Что касается удмуртских записей, то на сегодняшний день мы можем сказать, что впервые удмуртов записал немецкий исследователь-языковед Роберт Пелисье /Robert Pelissier/ еще в 1911–1912 гг. во время экспедиций на территорию Вятской и Пермской губерний. Одновременно он записал русских, коми-пермяков и татар¹. Эти архивные материалы до сих пор хранятся в **Берлинском Фонограммархиве**, который является в настоящее время частью Этнологического музея. Но наиболее обширными и значимыми являются записи 1915–1918 гг., сделанные во время I Мировой войны от удмуртов, оказавшихся на территории Германии среди военнопленных из России. Инициатором записей выступил Вильгельм Дёген /*Wilhelm Doegen*/ – известный немецкий ученый-филолог и педагог, а организация процесса записи военнопленных была возложена на Королевскую Прусскую Фонографическую комиссию, которую возглавил Карл Штумпф /*Carl Stumpf*/, один из основателей и первый директор Берлинского Фонограммархива. За этот период комиссия провела огромную работу с военнопленными из различных регионов мира в 32 лагерях Германии. Записи велись как на граммофон, так и с помощью фонографа Эдисона. Результаты работы были зафиксированы на 1022 восковых валиках и 1651 шеллаковых пластинках. Звуковые материалы, относящиеся к песенному фольклору, находятся в самом Берлинском Фонограммархиве, а языковые записи – в **Лаутархиве** университета им. Гумбольдта². По предварительным данным в этих двух берлинских архивах хранятся записи 12 информантов-удмуртов. Некоторые образцы записей удмуртов уже получены автором этих строк, но большую часть еще предстоит получить в ближайшее время. Материалы, собранные членами Фонографической комиссии, до сих пор являются уникальными с точки зрения как языка, так и фольклора. Кроме того, записи, хранящиеся в Берлине, отличаются неплохим качеством звучания, особенно языковые записи, сделанные с помощью граммофона на шеллаковые пластинки. Эти образцы удмуртской речи начала XX в. можно вполне использовать как материал для современных фонетических, лексических и грамматических исследований. Все звуковые материалы имеют тщательно оформленные письменные сопроводительные документы (или как принято сейчас называть – *метаданные*), отражающие весь процесс работы с информантом, включая персональные данные о нем. Впоследствии эти записи были расшифрованы, снабжены переводами на немецкий язык, а некоторые фольклорные записи имеют к тому же музыкальную нотировку. К сожалению, научные материалы по этим записям так и не были опубликованы, поэтому в настоящее время они доступны лишь при обращении непосредственно в указанные звуковые хранилища Берлина.

Удмуртские звуковые материалы, хранящиеся в **Венском Фонограммархиве**, также связаны с периодом Первой мировой войны. В 1915–1918 гг. группа специалистов под руководством австрийского композитора Роберта Лаха /*Robert Lach*/ и исследователя Рудольфа Пёха /*Rudolf Pöch*/ организовала запись военнопленных из России, представителей самых разных регионов и народов. В их числе были и удмурты, с которыми непосредственно работал известный всем нам ученый финно-угровед, академик Бернат Мункачи /*Bernhard Munkácsi*/,

а с представителями коми – его талантливый ученик и последователь Давид Рафаэль Фокош-Фукс /*Raphael Fuchs*/. За эти годы в общей сложности было записано 25 информантов-удмуртов. Впоследствии Роберт Лах опубликовал серию научных работ по итогам всех своих записей. В частности, отдельный сборник, посвященный записям удмуртов и коми, вышел в Вене и Лейпциге в 1926 году³. Только удмуртских песен там насчитывается более 80, так же обширно представлены записи коми языка и фольклора, причем, как коми-пермяцкого, так и коми-зырянского. Комментарии и расшифровки удмуртских и коми текстов были сделаны Б. Мункачи и его учеником Д. Фокош-Фуксом. В 1952 г. в Хельсинки на немецком языке был опубликован еще один основательный труд по итогам этих и предыдущих исследований – «Народные обычаи и народная поэзия удмуртов»⁴, которая, по выражению известного удмуртского ученого В. К. Кельмакова, является «...поистине энциклопедией патриархальной жизни удмуртов конца XIX и начала XX столетия»⁵. Редактировал и написал примечания к этой работе все тот же Д. Фокош-Фукс.

К настоящему времени все звуковые материалы, имеющие отношение к записям удмуртов и коми, как и другие исторические коллекции, оцифрованы и надежно сохраняются. Начиная с 1990 г., в Венском Фонограммархиве существует полная электронная база данных всех коллекций. Каждая запись сопровождается «протоколом», который включает в себя информацию об информанте, собирателе, содержании записи (расшифровка), технических характеристиках оборудования, на котором осуществлялась запись оригинала и перезапись на новые носители в новом формате. Недавно издан также отдельный 4-томный каталог всех коллекций Фонограммархива⁶.

В 2009 г. исполнилось 110 лет со дня основания Венского Фонограммархива. Во время поездки на юбилейную конференцию автору этих строк удалось получить в электронном виде все копии записей удмуртов и коми и метаданные к ним. Поэтому есть надежда, что после определенной обработки эти материалы станут доступными для исследователей пермских языков.

Кроме названных выше звуковых хранилищ весьма значительные по своему объему удмуртские материалы представлены также в **Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом)** в Петербурге⁷. Наиболее ранними из них являются записи Кузубая Герда, собранные им в конце 20-х гг. прошлого века во время нескольких экспедиций на территорию Удмуртии. Другую часть удмуртской коллекции составляют материалы для задуманного во второй половине 30-х гг. под руководством известных музыковедов Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд сборника «800 песен народов СССР». По результатам работы были подготовлены к публикации первые шесть томов серии: белорусский, удмуртский, чувашский, осетинский, карельский и коми⁸. Но, к сожалению, по различным причинам в те годы был издан лишь один сборник – белорусский⁹. Материалы по фольклору остальных народов так и остались неопубликованными. Впоследствии только удмуртский сборник, восстановленный по архивным материалам М. Г. Хрущевой и Р. А. Чураковой, был издан в 1989 г. в Ижевске¹⁰. Тем не менее, работа над сборником «800 песен народов СССР» позволила собрать значительный рукописный и фольклорный удмуртский материал, который хранится в Фонограммархиве ИРЛИ.

В числе собирателей музыкального фольклора мы можем назвать имена марийского ученого и музыковеда Я. А. Эшпая, удмуртского прозаика, поэта и драматурга М. П. Петрова, научного сотрудника УдНИИ В. А. Пчельникова, сотрудников Московской Государственной консерватории Л. А. Бачинского и М. Н. Бывальцева. З. В. Эвальд записала в Ленинграде в 1940 г. два валика песен в исполнении В. И. Алатырева. Все записи выполнены на восковых цилиндрических валиках с помощью фонографа Эдисона. Поскольку в процессе обработки и описания звукового материала валики многократно прослушивались, качество звучания на них достаточно низкое, но часть этих записей можно вполне использовать в исследовательских целях.

В общей сложности в Пушкинском Доме хранится 5 удмуртских коллекций, включающих в себя 111 единиц хранения из 320 записей на восковых валиках. Еще в середине 1980-х гг. они были переписаны на магнитные пленки, и лишь совсем недавно в 2009 г. эти записи с помощью ведущего инженера Фонограммархива В. П. Шиффа (1940-2009), высококлассного специалиста и замечательного человека, были переведены в цифровой формат. Все рукописные материалы, относящиеся к истории собирания этих коллекций, и их расшифровки переведены автором данной статьи в цифровой формат и находятся на стадии описания.

Прекрасные по своему описанию и качеству удмуртские коллекции хранятся в **Фольклорном архиве Эстонского Литературного Музея**. Архив был создан в 1927 г. в качестве автономной единицы при Эстонском национальном музее, и задачей его было сосредоточение всех фольклорных материалов в одном месте¹¹. В настоящее время Фольклорный архив в Тарту является ведущим центром фольклористики Эстонской Республики.

В этом архиве хранятся записи практически всех финно-угорских народов – более 1180 единиц хранения, включающих в себя 16 597 записей (это около 30 000 часов звучания). Из них удмуртские материалы составляют 44 единицы хранения и 730 записей¹². В отличие от трех уже упомянутых Фонограммархивов, где представлены только фонографические и граммофонные записи, удмуртские коллекции в Тарту были собраны в послевоенный период – уже в эпоху применения магнитофонов. Тем не менее, значимость и ценность этих коллекций нисколько не уменьшается. Несмотря на 15-летний опыт работы Фольклорного архива по оцифровке звуковых материалов, на данный момент лишь небольшая часть аналоговых удмуртских записей переведена в надежный цифровой формат и описана, остальные ждут своего часа.

Значительные по объему удмуртские звуковые материалы имеются также в Финляндии и Венгрии. В настоящее время у нас нет возможности даже приблизительно сказать, какое количество их хранится в государственных и частных архивах ученых в этих родственных странах. Но в том, что они там есть, – никто не сомневается! Детальное исследование данного вопроса – это задача ближайшего будущего. Не менее важная задача, на наш взгляд, заключается в том, что собрать это бесценное звуковое наследие воедино – в будущей **Единой Фонотеке удмуртских записей**, где эти материалы могли бы храниться надлежащим образом в цифровом формате и на самых современных носителях и были бы доступны самим носителям удмуртского языка и исследователям. Надо также как можно быстрее обратить внимание на материалы, собранные удмурт-

скими учеными – лингвистами, фольклористами и музыковедами, начиная с середины 50-х гг. прошлого века, как на территории самой Удмуртии, так и за ее пределами, в местах компактного проживания удмуртского населения в Пермском крае, Кировской области, Башкортостане, Татарстане, Марий-Эл, Свердловской и Томской областях и Красноярском крае. Например, в звуковом фонде Удмуртского института истории, языка и литературы только аудиокассет насчитывается около 1000, что составляет примерно 1420 часов звучания¹³. Кроме того, имеются еще обширные фото-, видео- и рукописные материалы, которые также необходимо перевести в цифровой формат с целью обеспечения их сохранности и доступности для всех исследователей. Не менее интересны и значимы звуковые коллекции, собранные за многие годы преподавателями и студентами факультета удмуртской филологии УдГУ во время различных экспедиций. Бесценные материалы, собранные Удмуртским радио и телевидением, также могли бы стать частью этой Фонотеки, включая видеоматериалы.

Таким образом, предварительный анализ звуковых материалов, хранящихся в архивах и фондах различных образовательных и научных учреждений, показывает, насколько обширны на сегодняшний день имеющиеся записи удмуртского языка и фольклора. Основная проблема заключается в том, что практически все эти уникальные звуковые материалы записаны на аналоговые носители – магнитные пленки и компакт-кассеты, то есть носители, которые могут исчезнуть уже в течение ближайших 10-30 лет в силу того, что магнитный слой и основа лент начинают разрушаться под воздействием механических, физических и химических процессов, особенно если учесть условия, в которых магнитные ленты хранятся уже в течение длительного времени. Пластинки, которые до недавнего времени широко использовались в качестве носителей звука, также не могут долго сохраняться.

Другой частью проблемы является старение аналоговой воспроизводящей техники, вероятность высокой степени изношенности лентопротяжного механизма магнитофонов и головок звукоснимателей. Использовать такую технику совершенно недопустимо при переводе аналоговых магнитных записей в новые цифровые форматы. Звуковые материалы, переписанные с использованием непрофессиональной воспроизводящей техники, да еще и с вышеперечисленными техническими дефектами, не могут считаться оригинальными – специалисты называют их «суррогатами». Ни один уважающий себя звуковой архив не включит переписанные таким образом архивные коллекции в основной фонд своего хранилища!

Цифровые технологии все глубже и глубже проникают во все сферы нашей жизни. Все больше специалистов в этой области привлекаются для работы в архивные учреждения. Поэтому, в принципе, многие сейчас знают, что нужно применять современные методы оцифровки для дальнейшего сохранения звуковой информации. Но мало кто представляет, тем не менее, сколько это стоит, какую технику следует применять, какие стандарты необходимы для оцифровки, чтобы в будущем иметь широкий доступ к коллекциям и чтобы эти стандарты были совместимы с международными стандартами.

В условиях Удмуртской Республики при наличии не очень большого числа учреждений, обладающих звуковыми архивами, нет смысла иметь несколько современных звуковых лабораторий. Работа по сохранению архивных записей,

основанная на самых новейших компьютерных технологиях, требует немалых финансовых вложений как на создание современных лабораторий, так и на сам процесс оцифровки звуковых материалов. Только усилиями всех заинтересованных сторон можно решить давно назревшую задачу сохранения нашего культурного наследия и широкого доступа к ним всех желающих.

Для решения этой задачи достаточно создать одну современную и оснащенную для этих целей структуру, которая могла бы профессионально обслуживать несколько учреждений. Например, подобную структуру можно организовать на базе Удмуртского института истории, языка и литературы, куда вошли бы небольшая фоноотека-хранилище с возможностями долгосрочного хранения оригиналов (в комнате, оборудованной системой климат-контроля и контролем влажности) и звуковая лаборатория, оснащенная определенным минимумом современных технических средств.

Такая лаборатория должна иметь следующий минимальный комплект технических средств:

- профессиональная аналоговая воспроизводящая техника, (катушечный магнитофон, кассетный магнитофон, проигрыватель);
- аналогово-цифровой преобразователь для перевода аналогового сигнала в цифровой формат;
- современный компьютер с профессиональной звуковой картой, соответствующим программным обеспечением и возможностями тиражирования записей на CD и DVD диски в формате MP-3;
- внешний модуль хранения цифровых коллекций.

Особое внимание следует обратить на качество профессиональной аналоговой техники, которая может давать серьезные искажения при воспроизведении старых форматов записи. Точную регулировку скорости воспроизведения ленты, уровень допустимых искажений, регулировку воспроизводящей головки по азимуту и определение степени ее изношенности можно произвести только при наличии специальной цифровой аппаратуры, которая стоит довольно дорого. Даже калибровочные ленты для профессиональной регулировки магнитофонов сейчас практически недоступны.

Вся работа по переводу в цифровой формат, так же как и сохранение в этом формате, должна строго соответствовать специальным стандартам, утвержденным Техническим комитетом Международной Ассоциации Звуковых и Аудиовизуальных Архивов – (IASA), функционирующим под эгидой ЮНЕСКО¹⁴.

Согласно требованиям Технического Комитета, процесс оцифровки должен также соответствовать стандарту IASA-TK 04, 6.5 для студий звукозаписи: необходимо использование аналого-цифрового преобразователя высокой точности, архивное разрешение которого соответствует международным стандартам – **96 кГц, 24 бит**¹⁵. При создании цифровых оригиналов звуковых файлов звукоинженеры должны строго и последовательно соблюдать следующие принципы:

1. Создание точной цифровой копии с аналогового оригинала в WAV-формате (ни в коем случае нельзя изменять оригинальную запись);
2. Создание копии в WAV-формате с выровненным уровнем сигнала (но звук не обрабатывают (т.е. записи не чистят), единственное исключение – это выравнивание уровня сигнала, – например, если оригинальная запись слишком тихая или уровень звукового сигнала колеблется за 50 дБ);

3. Создание улучшенных копий в формате MP-3 для пользователей, фондов библиотек и т. д.

Помимо перевода архивных записей на современные цифровые носители, необходимо составление электронного каталога звуковых коллекций, который через Интернет должен быть доступен для всех желающих. Также в соответствии с требованиями IASA и ведущих звуковых хранилищ мира оцифрованный материал должен быть в полном объеме снабжен метаданными. Это означает, что кроме оцифровки звукового материала необходимо сканировать и перевести в электронный вид рукописные материалы, которые, как правило, сопровождают звуковые архивы. Понятно, что рукописи часто находятся в неважном состоянии и их невозможно выдавать на руки всем желающим. В электронном виде эти материалы станут доступными широкому кругу специалистов. Без метаданных звуковые архивы в значительной степени теряют свою ценность, поскольку нет никакой другой информации, раскрывающей многие важные детали записи: дату, исполнителей, аппаратуру и формат, на котором произведена запись и т. д. Кроме этого, к каждой коллекции должна быть приложена полная информация о технических параметрах современного оборудования, которая используется в процессе оцифровки аналоговых архивных записей и сканировании различных рукописей, фотографий и других графических материалов. Формат хранения этих материалов в электронном виде также должен соответствовать определенным международным стандартам. Ответственные сотрудники звуковых архивов должны иметь в виду, что регистрация метаданных занимает примерно 1/3 ресурсов оцифровки. Что касается временных затрат при переводе аналоговых записей в цифровые файлы, то в ведущих фонограммархивах принята следующая практика:

(на 1 час реального звучания)

- Фонографические цилиндры и пластинки, записанные прямым методом
- зависит от состояния конкретного носителя;
- Пластинки на 78 оборотов/мин - 5 часов;
- Виниловые диски - зависит от их состояния;
- Магнитная лента - 3 часа,
включая описание - 6 часов;
- Или 1 час перезаписи оригинального материала с полным описанием,
в среднем - 1 рабочий день.

Опыт организации звуковых лабораторий показывает, что при соблюдении определенных условий техническая сторона этого вопроса может быть решена вполне успешно. Гораздо труднее небольшим звуковым хранилищам строго придерживаться принципов и стандартов сохранения звукового наследия, которые рекомендуются специализированными Международными организациями, функционирующим под эгидой ЮНЕСКО. Но это важно и необходимо, если мы хотим сохранить богатейшее звуковое наследие удмуртского народа для будущих поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Suzanne Ziegler*. "Die Wachsylinder des Berliner Phonogramm-Archivs", Staatliche Museen zu Berlin, 2006. – 512 s.

² О Берлинском Фонограммархиве и Лаутархиве см. также: *Ziegler, S.* Die akustischen

Sammlungen – Historische Tondokumente im Phonogramm-Archiv und im Lautarchiv. In: Theater der Natur und Kunst (Essays), herausgegeben von Horst Bredekamp, Jochen Brüning und Cornelia Weber. Berlin, Henschel, 2000. – S. 197–206; *Mahrenholz, J.* Music Recordings made by the Phonographic Commission on Shellac: Commercial Use and Scientific Reception. In: Susanne Ziegler, Gerd Grupe (Hrsg.), Proceedings of the XV Conference on the ICTM-Study Group on Historical Sources of Traditional Music, 2004.

³ *Robert Lach.* Gesänge russischer Kriegsgefangener. I B. Finnisch-ugrische Völker. 1. Abteilung. Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge. Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permiakischen von Dr. Raphael Fuchs, Wien und Leipzig. 1926. – 135 s.

⁴ *Munkácsi B.* Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs. – Helsinki, 1952. – 714 (5) s.

⁵ *Кельмаков В. К.* Слово о Бернате Мункачи, исследователе удмуртов // Венгерские ученые и пермская филология. Сборник статей. – Устинов, 1987, С. 20.

⁶ Подробную информацию о Венском Фонограммархиве см.: *Dietrich Schüller:* The Vienna Phonogrammarchiv 1899 – 1981. In: Recorded Sound 81 Journal of the British Institute of Recorded Sound, Jan. 1982, 33–40; также на сайте: www.pha.oeaw.ac.at.

⁷ *Денисов В. Н.* Записи удмуртского языка и фольклора в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) // Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. – С. 879–884.

⁸ *Материалы и статьи.* К 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса. Москва, Издательский Дом «Композитор», 2003. – С. 10, 54.

⁹ *Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.* Песни беларускага народа. Т. I. – Мінск, 1940.

¹⁰ *Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.* Удмуртские народные песни. – Ижевск, 1989, (подготовка к изданию Р. А. Чураковой и М. Хрущевой).

¹¹ Эстонский фольклорный архив, Тарту, 1996. – 76 с.

¹² *Орас Я., Тамм Я., Вястрик Э. –Х.* О сохранении фольклорных и лингвистических архивных записей как важнейшей части культурного наследия финно-угорских народов // Ежегодник финно-угорских исследований '08. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – С. 232–239.

¹³ *Владыкина Т. Г.* Актуальные проблемы исследований традиционной культуры в Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия «Филологические науки». – 2007. – № 12. – С. 103–108.

¹⁴ *Сохранение звукового наследия: этические аспекты, принципы и стратегии* (=IASA Технический Комитет – Стандарты, практические рекомендации и стратегии, IASA–TC 03). Пер. с англ. Денисова В. Н., Светозаровой Н. Д., 2005. – 17 с., <http://www.iasa-web.org/>.

¹⁵ *Guidelines on the Production and Preservation of Digital Audio Objects.* (IASA Technical Committee – Standards, Recommended Practices and Strategies, IASA–TC 04), 2004.).

Поступила в редакцию 17.01.2010

V. N. Denisov

To the question of creation of the United record library of Udmurt archive records: principles, methods and technologies

The article is devoted to the funds analysis of phonogram archives in Europe where collections of Udmurt language and folklore records are kept. To save this important sound heritage the researchers need to study these records and introduce them into the scientific use by creating the United record library of Udmurt records on the base of one of the leading scientific institution of republic - Udmurt institute of history, language and literature of the Ural branch of Rus-

sian academy of science. When creating such record library it is recommended to apply standards of the International Association of Sound and Audiovisual Archives (IASA) which functions under the aegis of UNESCO.

Key words: phonograph, wax rims, gramophone, phonogram archive, archive records, digitization, record library.

Денисов Виктор Николаевич,
кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербург

Н. И. Ураськина

**НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
В НАЦИОНАЛЬНОЙ (УДМУРТСКОЙ) ШКОЛЕ**

В статье рассматриваются некоторые трудности в изучении сложноподчиненных предложений русского языка в национальной (удмуртской школе), и предложены методические приемы их преодоления.

Ключевые слова: синтаксис, сложноподчиненное предложение, различение союзов и союзных слов при обучении русскому языку в удмуртской школе.

Развитие синтаксического строя русской речи учащихся – одна из практических задач преподавания русского языка в национальной школе.

С точки зрения лингвистики методика работы над развитием синтаксического строя русской речи учащихся при изучении сложноподчинённых предложений основывается на учении о двух формах речи – устной и письменной – в их взаимосвязи. Дифференцированный подход к устной и письменной речи, а также усиленное внимание к развитию устной речи дает заметные положительные результаты в практическом овладении языком, что особенно заметно при конструировании сложноподчинённых предложений. Одностороннее увлечение устной речью к желаемым результатам не приводит, но устное опережение эффективно для развития обеих форм речи.

В последние десятилетия в лингвистике наблюдается повышенный интерес к исследованию не только значения и структуры языковых явлений, но и закономерностей их функционирования, употребления в речи. В связи с этим, при обучении сложноподчинённым предложениям большое внимание следует уделять функционированию союзов и союзных слов в речи учащихся-удмуртов: выработке у них умения пользоваться сложными конструкциями для построения русской речи и синонимическими конструкциями, общению на русском языке, коммуникативной направленности обучения (работе над связным текстом, восприятием и порождением связного высказывания).

Синтаксис, занимая центральное место в системе языка, является наиболее трудным разделом русской грамматики, о чем свидетельствуют частые грамматические ошибки учащихся-удмуртов. Овладеть синтаксическим строем русского языка – значит свободно пользоваться синтаксическими конструкциями, включая сложноподчиненные предложения.

Для учащихся-удмуртов, как носителей языка финно-угорской группы, усвоение русского языка связано со специфическими трудностями. Главные из них при изучении придаточных предложений состоят в обилии союзов и союзных слов, в сложной грамматической форме указательных слов в главном предложении, в глагольном управлении. Усвоение сложноподчиненных предложений затрудняется еще и тем, что не всем подчинительным союзам и составным союзам русского языка можно найти соответствие в удмуртском языке. Для выражения тех значений, которые в русском языке передаются сложноподчиненными предложениями, в удмуртском чаще употребляются причастные, деепричастные и отглагольные обороты.

Определительные придаточные предложения с союзными словами *какой, который, чей* изменяются не только по числам, но и по родам. Учащиеся удмуртских школ испытывают трудности в согласовании названных союзных слов с определяемым существительным главного предложения и допускают ошибки: *Школа, в которой я учусь, находится в соседнем деревне.*

В сложноподчиненных предложениях с придаточным временным и условным глаголы-сказуемые в обеих частях сложного предложения находятся в определенной видовременной зависимости. Слабое знание видовременных особенностей глагола приводит к следующим ошибкам: *Если он придет, то мы будем идти и кататься. Когда наступила ночь, Метелица отправлялся в деревню.*

В русском языке слова *что, как, когда* могут выступать в сложноподчиненных предложениях не только в роли союзов, но и как союзные слова; Для учащихся-удмуртов представляет сложность правильное установление связи между словами в предложении.

Остановимся на разграничении подчинительных союзов и союзных слов. Учащимся необходимо объяснить, что термином «союзное слово» обозначается синтаксическое понятие, а не морфологическое. В роли союзных слов выступают две части речи: 1) относительные местоимения (*кто, что, какой, чей, каков, который, сколько*) и 2) относительные местоименные наречия (*как, когда, где, куда, откуда, зачем, почему, отчего, насколько*). Очень важно научить распознавать союзы и союзные слова. Для этого можно использовать: 1) приём изъятия (союз, в отличие от союзного слова, иногда можно опускать без ущерба для смысла высказывания); 2) приём замены сомнительного слова другим, синонимичным; 3) расчленение сложноподчинённого предложения на простые (при этом союзные слова заменяются полными словами, а союзы – нет); 4) установление синтаксических связей между словами в придаточной части (союзные слова вступают в эти связи, а потому являются членами предложения, а союзы – нет); 5) постановку словесного и логического ударения на союзном слове.

Для разграничения союзов и союзных слов следует объяснить учащимся, что вопросительное слово является членом вопросительного предложения: *Куда ты скачешь, гордый конь?* В данном предложении слово *куда* является обстоятельством места. В предложении: *Я не знал, куда я иду* – слово *куда* тоже является членом предложения, но оно выполняет двойную функцию: связывает придаточное с главным и в то же время является обстоятельством в составе придаточного предложения. Это и есть союзное слово.

При разграничении союзов и союзных слов следует опираться на интонацию. Союзное слово значимо, оно может иметь свое логическое ударение. В предложении: *Мы спросили, когда нам прийти снова* – на союзное слово падает логическое ударение. В предложении: *Мы увидели эту книгу на витрине магазина, когда возвращались домой* употреблен союз, произносимый без логического ударения. Союз можно заменить другим союзом, а союзное слово – другим значащим словом: *Когда включили свет, комната показалась большой и нарядной*. В этом предложении *когда* можно заменить союзами *как только*, *едва лишь только*, следовательно, это союз. В предложении *Не знаю, что привлекает меня в этом человеке* слово *что* можно заменить следующим образом: *Не знаю, какие черты привлекали меня в этом человеке*, следовательно, *что* – союзное слово. Выступая в роли союзного слова, *что* указывает на предмет и выполняет функции подлежащего (в форме именительного падежа) или дополнения (в форме винительного и творительного падежей) придаточного предложения. У союза *что* нет предметной отнесенности, нет категории падежа, его функция исчерпывается выражением синтаксических отношений между главным и придаточным: *Они точно боялись, что (союз) человек бросит в жизнь что-нибудь такое, что (союзное слово) нарушит ее уныло-правильный ход*. Различие союзного слова *как* и союза *как* основывается на их семантике: если слово *как* имеет количественное значение (насколько) или качественное (каким образом), то это союзное слово: *Профессор удивился, как (насколько сильно) был привязан мальчик к своему дому, отцу, товарищам по играм; Даже в том, как (каким образом) сидело на ней платье, как (каким образом) она двигалась по комнате, он видел что-то необыкновенное; Мы знали, как (союзное слово) выполнить эту работу*. Если слово *как* лишено этих значений, то оно выступает в функции союза: *Мы-то цирковые понимали, как отчетлива и смела была работа Пьера*. Так как союз не является членом предложения, то он может быть опущен, союзное слово опустить нельзя.

Порядок размещения частей сложного предложения является одной из особенностей всех типов сложного предложения в русском языке. В сложных предложениях, состоящих из двух предложений, различают два типа расположения частей: фиксированный и свободный. При фиксированном порядке каждая из частей сложного предложения занимает строго определенное место, при свободном – части сложного предложения могут изменять свою позицию в предложении. Фиксированный порядок частей сложного предложения определяется семантическими и структурными факторами. Часть сложного предложения со значением следствия обычно постпозитивна, так как следствию должна предшествовать причина. Придаточное определительное может занимать позицию внутри главного, или после него, так как ему должно предшествовать определяемое существительное: *Эта удивительная и правдивая история приключилась с одним писателем, который и рассказал нам о ней. – С одним писателем, который и рассказал нам о ней, приключилась эта удивительная и правдивая история*. Придаточные причины с союзом *так как* могут быть как в препозиции, так и в постпозиции, а с союзами *потому что* и *ибо* – обычно в постпозиции. Придаточные уступительные с союзом *хотя* могут занимать любую позицию, а с союзом-частицей *пускай (пусть)* – обычно препозитивны: *Пускай (пусть) идет дождь, я пойду гулять. Хотя идет дождь, я пойду гулять. Я пойду гулять,*

хотя идет дождь. При инверсии частей частица *пускай* утрачивает свойства союза, а предложение в целом приобретает характер бессоюзного, причем второе предложение получает присоединительный оттенок.

Русский язык в отличие от удмуртского языка богат большим количеством союзов (как семантических, так и функциональных.) и союзных слов. В русском языке придаточные части более подвижны, то есть могут занимать препозицию, постпозицию и интерпозицию по отношению к главной. В удмуртском языке, как правило, подчиняясь общей закономерности порядка слов, зависимое предшествует главному, и чаще придаточная часть может занимать препозицию и постпозицию по отношению к главной. В русском языке только более десяти союзов с придаточным причины (*потому что, так как, ибо, благодаря тому что, вследствие того что, оттого что, из-за того что, по причине того что* и др.), в удмуртском их всего два – *малы ке шуоно, шуыса* «потому что, так как».

Б. А. Серебренников полагает, что в современном удмуртском языке «происходит борьба двух синтаксических систем разных типов. Преобладающей является старая система тюрко-татарского типа, свойственная финно-угорскому праязыку. Но она постепенно разрушается» под влиянием синтаксиса русского языка. Наиболее значительным результатом такого влияния было «устранение правила постановки личной глагольной формы на конце предложения, что повлекло за собой глубокие и радикальные изменения порядка слов» [1: 116-123].

Как известно, в удмуртском языке исконно удмуртским является лишь один условный союз *ке* «если», остальные союзы и союзные слова заимствованы из русского языка. Поэтому учащиеся-удмурты выражают свои мысли короткими предложениями; испытывают немало затруднений при установлении связей между частями сложноподчиненного предложения с помощью вопросов, при разграничении союзов и союзных слов и определении функций указательных слов, употребляемых в главной части.

Большую трудность представляет для учащихся-удмуртов определение вида сложноподчиненных предложений в том случае, когда слова *что, где, когда, как* выступают в придаточном предложении в роли союзных слов: *Летом сестра отдыхала в деревне, где жила бабушка* (придаточное предложение учащимися определяется как придаточное времени) или: *Жила была такая, что маленькое движение утомляло* (придаточное определяется как изъяснительное). При работе над союзами и союзными словами чаще следует прибегать к наглядности. Чтобы легче усваивался материал, необходимо составить таблицу, которая заполняется по мере изучения каждого вида придаточного. В таблице отразить такие виды придаточных, которые присоединяются: а) только союзами; б) только союзными словами; в) союзами и союзными словами.

В русском языке

Придаточные, которые присоединяются к главному	
только союзами	только союзными словами
<p><u>Сравнения</u> <i>Как, будто, как будто, словно, точно, подобно тому как, чем-тем</i></p>	<p><u>Определительные</u> <i>Какой, который, каков, чей, кто, что, где</i></p>
<p><u>Времени</u> <i>Когда, пока, как только, лишь только,</i></p>	<p><u>Места</u> <i>Где, куда, откуда</i></p>

<i>едва, в то время как, с тех пор как, до тех пор пока</i>	
<u>Цели</u> <i>Чтобы, для того чтобы, с тем чтобы, дабы</i>	–
<u>Причины</u> <i>Потому что, оттого что, так как, ибо, благодаря тому что, ввиду того что</i>	–
<u>Следствия</u> <i>Так что</i>	–
<u>Условия</u> <i>Когда, если, коли, ежели, раз</i>	–
<u>Уступительные</u> <i>Хотя, несмотря на то что, пусть, пускай,</i>	–
и союзами, и союзными словами	
<u>Изяснительные</u>	
<i>Что, чтобы, как, будто, как будто, словно</i>	<i>Кто, что, чей, как, отчего, зачем, почему, где, когда, куда, сколько</i>
<u>Образа действия, меры и степени</u>	
<i>Что, чтобы, как, как будто, словно, точно</i>	<i>Как, насколько</i>

В удмуртском языке

Придаточные, которые присоединяются к главному	
только союзами	только союзными словами
<u>Причины</u> <i>Малы ке шуоно «так как, потому что, ибо»</i>	<u>Места</u> <i>Кытын «где», кытысь (кытысен) «откуда», кытчы «куда», кытй «где», кудлань «куда, в каком направлении»</i>
<u>Цели</u> <i>Шуыса «для того чтобы, чтобы, дабы»</i>	<u>Образа действия, меры, количества и степени</u> <i>Кызыы «как», кӧня (ке), кудмында, ма мында «сколько»</i>
<u>Условия</u> <i>Ке «если, ежели», бере «если, коли, раз»</i>	–
и союзами, и союзными словами	
<u>Изяснительные</u>	
<i>Шуыса «что, чтобы»</i>	<i>Кин «кто», ма «что», малы «почему», кызыы «как», кытын «где», ку «когда», кыӵе «какой», кӧня «сколько»</i>
<u>Определительные</u>	
<i>Шуыса «что»</i>	<i>Кудйӱз «который, которая, которое», кызыы гинэ «как (бы) ни», кӧня гинэ «сколько (бы) ни», кытын гинэ «где (бы) ни», котьма «хоть что, что (бы) ни», хоть кӧня «хоть сколько, сколько бы ни»</i>

Уступительные	
<i>Ке но</i> «хоть, хотя»	<i>Кин гинэ</i> «кто (бы) ни», <i>кызьы гинэ</i> «как (бы) ни», <i>кõня гинэ</i> «сколько (бы) ни», <i>кытын гинэ</i> «где (бы) ни», <i>котьма</i> «хоть что, что (бы) ни», <i>хоть кõня</i> «хоть сколько, сколько бы ни»
Времени	
<i>Гинэ</i> «тогда»	<i>Ку, куже</i> «когда»

Следует обратить внимание на определение синтаксической роли союзных слов в придаточном предложении, что представляет для учащихся большую трудность не только в русском, но и в родном языке. Выяснение синтаксической роли союзного слова практичнее начинать с анализа примеров, содержащих союзное слово *который*, выступающее всегда в роли члена придаточного предложения: *Книга, которую нам рекомендовали, очень понравилась*. Союзное слово *которую* имеет двоякую связь: с одной стороны, оно связано со словом главного предложения (книга), согласуясь с ним в числе (ед. число) и в роде (ж. р.), а с другой стороны, падеж союзного слова (в. п.) зависит от глагола-сказуемого придаточного предложения (*понавилась которая? – которую, то есть книгу*). Союзное слово *которую* в данном придаточном предложении служит дополнением. Данный вид приема способствует развитию у учащихся логического мышления и помогает лучше понять особенности построения сложноподчиненных предложений с союзными словами.

Все указанные трудности усвоения материала, говорят о том, что изучение сложноподчиненных предложений необходимо проводить в тесной взаимосвязи с морфологией, с темами о согласовании имен прилагательных с именами существительными в роде, числе и падеже, о глаголах совершенного и несовершенного вида, союзах и союзных словах и местоимениях. Большое значение следует придавать грамматическому разбору, который помогает определить, из скольких частей состоит данное сложное предложение, какими союзами или союзными словами связываются предложения в составе сложноподчиненного предложения, какое место занимает придаточное предложение по отношению к главному.

Изучение видов придаточных следует начинать с изъяснительного, затем перейти к знакомству с придаточными определительными, далее к – обстоятельству. Такая последовательность в изучении темы является вполне оправданной, так как определительные придаточные предложения по своим грамматическим средствам связи с главным предложением представляют более сложную категорию, и успех в усвоении зависит от имеющихся знаний и речевых навыков о придаточных предложениях.

В русском языке придаточное определительное, располагающееся за определяемым словом, часто оформляется в удмуртском языке причастным оборотом. Согласно правилу определение + определяемое, определительное придаточное должно было бы предшествовать главному, что невозможно для удмуртского языка. Поэтому основная трудность в усвоении сложноподчиненных предложений с придаточным определительным у учащихся состоит в установлении двойной синтаксической связи относительных местоимений «*который*»

и «какой» с другими словами в предложении. Выполняя роль союзных слов, эти местоимения с одной стороны, согласуются в роде и числе с тем существительным, к которому относится придаточная часть, а с другой - приобретают падежную форму в зависимости от синтаксической связи между словами в данной придаточной части. Но в последнее время в письменной речи, особенно публицистической и официально-деловой, наблюдаются и сложноподчиненные предложения с определительным придаточным, следующим за определительным словом, что противоречит типологическим особенностям удмуртского языка. По мнению Б. А. Серебренникова, «...сам строй агглютинативных языков препятствует возникновению придаточных европейского типа» [1: 116-123]. Русским придаточным обстоятельственным соответствуют удмуртские деепричастные обороты. Семантическими аналогами русских придаточных в удмуртском языке выступают распространенные члены предложений, стержневыми основами которых являются деепричастия, причастия, отглагольные имена.

По мнению А. Ф. Шутова, «в праудмуртском языке, имевшем относительно устойчивое словорасположение, не могли развиваться сложноподчиненные предложения с главной частью в препозиции и с препозитивными союзами русского типа «я знаю, что...» [2: 39-49], хотя в условиях современного активного двуязычия для разговорной речи удмуртов такие конструкции с русскими союзами весьма характерны, удмуртский союз при этом дублируется или может быть опущен: *Мон тодисько, что со лыктоз (шуыса)*. – «Я знаю, что он придёт».

Таким образом, чтобы учащиеся приобрели прочные навыки в построении различных видов сложноподчинённых предложений и умели активно пользоваться ими в устной и письменной речи, с первых же уроков следует установить определенный порядок разбора сложноподчиненного предложения: 1) найти главную и придаточную части; 2) определить, к чему относится придаточная (к слову, к словосочетанию или ко всей главной части); 3) указать, чем присоединяется придаточная часть к главной (союзом или союзным словом); 4) определить, на какой вопрос отвечает придаточная часть; 5) определить вид придаточной части.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Серебренников Б. А.* Синтаксис древнеудмуртского языка – синтаксис тюрко-татарского типа // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. УАССР. – Устинов. – 1986. – С. 116–123.

2. *Шутов А. Ф.* Постпозитивные союзы в сложноподчиненных предложениях удмуртского языка // Пермистика: Диалекты и история пермских языков: Сб. статей. – Сыктывкар, 1992. – С. 39–49.

Поступила в редакцию 17.02.2010 г.

N. I. Uraskina

The aim of the article is to consider some difficulties in studying of compound sentences of Russian language at the national (Udmurt) school.

Key words: compound sentence, spoken language, written language.

Ураськина Надежда Ивановна,
НИИ национального образования УР
Россия, г. Ижевск
ул. Советская, 1

Ю. А. Тамбовцев

**ЧАСТОТА ВСТРЕЧАЕМОСТИ
ФОНЕМНЫХ ГРУПП И КЛАССОВ
В ЗВУКОВЫХ ЦЕПОЧКАХ
ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ**

На основании доминантных фонетических признаков звуковых картин построены типологические расстояния между лингвистическими объектами, то есть языками и диалектами. С учетом порогового значения коэффициента Тамбовцева (ТМВ) лингвистические объекты, которые взяты для анализа, классифицируются на диалекты и отдельные языки на основании показателей типологических расстояний.

Ключевые слова: типология, звуковая цепочка, язык, диалект, звуковые расстояния, языковой таксон.

В данной работе осуществлен типологический подход, в основе которого лежит расчленение систем лингвистических объектов и их дальнейшая группировка с помощью обобщенной модели на основе выделенных признаков. Этот подход обычно применяется в языкознании. Наиболее последовательным его представителем является В. Д. Аракин. Типологический подход позволяет сопоставлять не только генетически родственные языки (например, русский, украинский и белорусский), но и достаточно далекие, типа русский и английский [Аракин 2000, С.5 – 8]. Концепция типологического подхода в языкознании позволяет сравнивать любые языки мира с разными структурами не только на фонетическом, но и на других уровнях языка. В то же время важность сопоставления различных языков в типологическом плане на фонетическом уровне всегда подчеркивается при описании общей типологии, например, [Реформатский, 2005: 455 - 456]. Метод фундаментального типологического сопоставления позволил В. Д. Аракину сравнивать между собой такие разные языки, как славянские, германские, тюркские, малайско-полинезийские и др. языки с разным генетическим происхождением и разных систем и структур [Аракин, 2000].

Обсуждая проблему языка и диалекта, Д. И. Эдельман отмечает, что проблема квалификации степени самостоятельности локальных языковых разновидностей относительно друг друга и окружающих языков представляет большие трудности в современной лингвистике. Вопрос о том, являются ли языковые образования того или иного ареала а) самостоятельными близкородственными языками; б) диалектами какого-либо единого языка;

в) диалектами, составляющими «переходную зону», или «зону вибрации», между двумя (или более) родственными языками; г) рядом близкородственных языков с относящимися к ним диалектами, не получает однозначного решения [Эдельман, 1980]. Мы полностью согласны с Д. И. Эдельман в том, что до сих пор не ясны лингвистические критерии, на основании которых два лингвистических объекта следует считать самостоятельными языками или диалектами одного языка. Мы попытались выработать такой критерий на основании звуковых картин языковых образований.

В общем виде, диалект и язык можно определять как лингвистический объект. При определении степени самостоятельности лингвистических объектов, то есть языков и их диалектов, мы используем фоностатистический критерий близости звуковых картин. Под звуковой картиной языка мы подразумеваем совокупность звуковых цепочек анализируемых языковых объектов. Исследование проводилось на материале финно-угорских, монгольских и тюркских языков. С целью сопоставления привлекались данные, полученные нами ранее при изучении языков индоевропейской семьи.

Проблему языка и диалекта поставили еще древнегреческие философы Сократ и Аристотель, которые пытались решить ее в общем, то есть как проблему целого и частного. Известно, что частное включает в себе характеристики целого. Действительно, можно ли диалект считать частью определенного языка или же этот языковой объект следует считать самостоятельным языком? Иными словами, служат ли отличия, которые характеризуют диалект, подтверждением общих тенденций функционирования языка и его диалекта? В качестве основополагающего критерия мы предложили ввести понятие «лингвистическая компактность». Его сущность заключается в том, что два типологически близких друг другу лингвистических объекта дают один лингвистический таксон, если они близки друг другу. Это покажет типологическое расстояние. Чем меньше расстояние, тем более похожи эти объекты. В то же время, чем меньше сумма расстояний, тем более похожи лингвистические объекты в таксоне. Под таксоном мы имеем в виду любую группу языков, даже такую, которая состоит только из двух членов, то есть любая пара языков или диалектов [Тамбовцев, 2002: 131].

Требуется решения и проблема языкового статуса лингвистических образований, входящих в состав мансийского, карельского, хантыйского и некоторых других финно-угорских языков. В данной статье мы также проверяем, насколько близки друг другу диалекты этих языков по типологии встречаемости базовых фонетических признаков, чтобы понять их статус.

В качестве примера нерешенности вопроса о статусе языкового объекта можно привести некоторые тюркские языки с их несколькими диалектами. Более подробные рассуждения в их отношении приводятся ниже.

Обратимся к языку долган, который до сих пор квалифицируется в тюркологической литературе то как диалект якутского языка, то как отдельный язык. Против того, чтобы считать долганский в качестве диалекта якутского языка, резко выступали известные тюркологи В. М. Надеяев и Е. И. Убрятова. Они неоднократно подчеркивали, что совокупность объективных лингвистических, функциональных и социальных факторов позволяет считать язык долган самостоятельным языком, отличным от якутского. Результаты, полученные нами

с помощью методов фонологической статистики, подтверждают правомерность данного положения. Требуется решения и проблема языкового статуса лингвистических образований, входящих в состав мансийского, карельского и других финно-угорских языков, чем мы и займемся в данном исследовании. Проверим, насколько близки друг другу лингвистические объекты по типологии встречаемости базовых артикуляторных характеристик.

В научной литературе нет единства взглядов и в отношении трактовки степени самостоятельности мордовских языков эрзя и мокша, имеющих ряд общих фонетических и грамматических признаков. А. С. Чикобава в 1953 г. рассматривал их как диалекты единого мордовского языка [Чикобава, 1953]. Но через несколько лет А. П. Феоктистов говорит уже об отдельных эрзя-мордовском и мокша-мордовском языках, которые близки между собой, как русский, украинский и белорусский [Феоктистов, 1966; 1993].

Получив числовые характеристики звуковой картины исследуемых языков и диалектов, мы сможем измерить расстояния между ними на фонетическом уровне. Расстояние измеряется при помощи величины критерия «хи-квадрат», который используется в статистических исследованиях для сравнения распределений объектов двух совокупностей на основе измерений в числовом виде признаков в двух независимых выборках. Данный статистический критерий широко известен. В рамках данной статьи невозможно, да и нет необходимости вдаваться в тонкости математических подсчетов с помощью критерия «хи-квадрат». Его описание можно найти в любых учебниках по математической статистике или математической лингвистике (например, [Пиотровский и др., 1977]). Кроме того, они даются в компьютерных приложениях в виде таких программ, как «Статистика», «Математика», «XL» и другие. Критерий «хи-квадрат» уже применялся нами ранее для определения типологической близости языков различных семей [Тамбовцев, 2003а; 2003б].

Важность применения этого критерия для лингвистических исследований заключается в том, что он позволяет исключить субъективизм суждений путем точного сопоставления любых лингвистических объектов, у которых признаки выражены в числовых величинах. Например, сравнение числовых значений признаков звуковых картин венгерского, хантыйского и мансийского языков подтвердило правомерность классификации венгерского языка в качестве члена угорской группы финно-угорской семьи, но в то же время не позволило отнести его к подгруппе обско-угорских языков, куда традиционно относятся хантыйский и мансийский языки. Наш метод позволил выделить его в отдельную, венгерскую, подгруппу, которая до сих пор внутри угорской группы еще не выделялась [Tambovtsev, 2009. С. 123].

При трактовке полученных данных следует учитывать наличие обратной зависимости между близостью языков и фонетическими расстояниями между ними: схожесть языков тем больше, чем меньше расстояния, и наоборот [Tambovtsev, 2008]. Таким образом, величина «хи-квадрат» показывает несхожесть языков и диалектов. Мы воспользовались методом сравнения двух выборок, которые могут иметь разный объем [Крамер, 1975].

В типологических исследованиях важно определить базовые признаки [Тамбовцев, 2003а], на которых строится наше сравнение. В данном случае было выбрано 9 доминантных фонетических признаков, к которым мы относим пока-

затели частоты встречаемости восьми групп согласных в звуковых цепочках языка: губных, переднеязычных, среднеязычных, заднеязычных, сонорных, шумных смычных, шумных щелевых, шумных звонких, – а также гласных [Тамбовцев, 2003б].

Для построения типологической модели звуковых картин в языках по названным фонетическим критериям необходимо протранскрибировать тексты с учетом инвентарей фонем и особенностей их реализации в речи. Так, в мокшанском и эрзянском языках транскрибирование проводилось в соответствии с общепринятой в этих мордовских языках системой фонем, описанной А. П. Феоктистовым [Феоктистов 1966; 1993], в мансийском языке – по выявленной нами фонологической системе с учетом фонетических исследований предыдущих авторов [Тамбовцев, 1977].

Следует отметить, что объективное типологическое расстояние между финно-угорскими языками не показывает их генетического родства. В то же время, генетически близкие языки обычно близки типологически [Tambovtsev, 1984]. Например, генетически родственные славянские языки – русский, украинский и белорусский имеют значительную типологическую близость, что подтверждается фоностатистическими данными.

Наши предыдущие исследования вносят в решение проблемы языкового статуса некоторые объективные основания. Результаты анализа фонетических систем трех диалектов карельского языка с точки зрения распределения фонем в их звуковых цепочках выявили существенные различия между тихвинским, ливвиковским и людиковским диалектами [Tambovtsev, 1984]. Фактически, на основании полученных нами типологических расстояний, их следует считать не диалектами, а отдельными языками.

Мы будем также сравнивать расстояние не только между диалектами, но и между языками, которые имеют близкие номенклатуры фонем. В частности, А. П. Феоктистов отметил почти полную идентичность фонемных номенклатур и сходство артикуляционно-акустических баз русского и эрзя-мордовского языков: по его мнению, русские и эрзянские звуки произносятся почти одинаково [Феоктистов, 1993]. Мы проверили, насколько похожи звуковые картины этих языков по статистическим критериям. Расстояние между русским и эрзя-мордовским языками составило 11,89% (от всего количества фонем). Это говорит о том, что даже похожие фонемные номенклатуры могут производить несхожие звуковые цепочки [Tambovtsev, 1988].

Впервые нами были исследованы звуковые картины мансийского и венгерского языков [Тамбовцев, 1977], что позволило рассчитать фоно-типологическое расстояние, то есть определить степень близости этих языков к некоторым другим финно-угорским языкам.

В таблицах 1 и 2 показаны величины выборки, а также частота встречаемости звуков – согласных и гласных, выявленная по результатам анализа фольклорных и художественных текстов в % ко всем фонемам выборки по каждому из языков и диалектов.

Выборки фонем по лингвистическим объектам: долганский (ДЛГ) – 35407; якутский (ЯКТ) – 236245; алтай-кижи (АКЖ) – 190525; алтай-чалкан (АЧЛ) – 5147; татарский-казанский (ТКЗ) – 31000; татарский-барабинский (ТБР) – 67569;

крымско-татарский (КРТ) – 10362; татарский-чулымский (ТЧЛ) – 5602; эрзя-мордовский (ЭРЗ) – 148164; мокша-мордовский (МКШ) – 143720.

Отметим при этом, что объем обработанного материала был значительным. Это снимает проблему рассмотрения вида распределения и других статистических ограничений [Tambovtsev 1998]. Статистическая обработка звучащей речи, имеющая целью выявление типологии распределения частоты встречаемости некоторых групп согласных и гласных в звуковых цепочках, позволила получить звуковые картины по разным языкам.

Таблица 1

Частота встречаемости согласных и гласных в финно-угорских языках

Выборки фонем по лингвистическим объектам: северный (сосьвинский) диалект мансийского языка (МСЕ) – 276284; кондинский диалект мансийского языка (МКД) – 19287; казымский (северный) диалект хантыйского языка (ХКЗ) – 74762; восточный диалект хантыйского языка (ХВС) – 110990; венгерский язык (ВНГ) – 514429; коми-зырянский язык (КЗР) – 147335; горно-марийский язык (МГР) – 101927; лугово-марийский (МЛВ) – 105959; эрзя-мордовский (ЭРЗ) – 148164; мокша-мордовский (МКШ) – 143720.

№	Группы фонем	МСЕ	МКД	ХКЗ	ХВС	ВНГ	КЗР	МГР	МЛВ	ЭРЗ	МКШ
		Частота встречаемости звуков, % ко всем фонемам									
1.	Губные	13,56	12,29	12,60	10,45	10,04	10,21	9,99	9,47	10,21	10,96
2.	Переднеязычные	30,08	29,72	30,83	30,81	34,47	32,94	33,90	37,95	41,17	40,09
3.	Среднеязычные	6,79	12,30	7,60	5,19	4,07	9,59	6,06	1,90	2,12	1,81
4.	Заднеязычные	10,64	8,46	8,61	13,53	9,44	5,94	7,92	9,28	6,86	7,79
5.	Сонорные	32,03	30,07	30,96	21,83	22,53	21,83	24,62	23,81	22,01	20,35
6.	Смычные шумные	17,00	16,56	17,19	24,20	22,62	20,65	16,35	18,22	21,84	22,77
7.	Щелевые шумные	12,04	16,15	11,48	13,95	12,87	16,20	16,90	16,57	16,51	17,53
8.	Звонкие шумные	2,74	4,50	0,00	10,51	12,70	13,05	9,43	8,89	11,70	11,31
9.	Гласные	39,93	37,22	40,36	40,02	41,98	41,32	42,13	41,40	39,64	39,35

Таблица 2

Частота встречаемости согласных и гласных в тюркских языках

Выборки фонем по лингвистическим объектам: долганский (ДЛГ) – 3407; якутский (ЯКТ) – 236245; алтай-кижи (АКЖ) – 190525; алтай-чалкан (АЧЛ) – 5147; татарский-казанский (ТКЗ) – 31000; татарский-барабинский (ТБР) – 67569;

крымско-татарский (КРТ) – 10362; татарский-чулымский (ТЧЛ) – 5602; башкирский (БШК) – 102199; туркменский (ТКМ) – 43334.

№	Группы фонем	ЯКТ	ДЛГ	АКЖ	АЧЛ	ТКЗ	ТБР	КРТ	ТЧЛ	БШК	ТКМ
		Частота встречаемости звуков, % ко всем фонемам									
1.	Губные	6,10	8,43	5,98	7,87	8,03	9,04	9,79	11,03	8,54	10,11
2.	Переднеязычные	32,77	32,45	38,25	36,86	35,52	34,60	34,30	35,18	31,14	33,51
3.	Среднеязычные	5,22	3,53	2,54	2,31	3,19	2,13	3,11	1,87	3,91	3,62
4.	Заднеязычные	13,27	12,72	11,71	10,70	10,92	11,35	10,46	10,85	14,04	10,53
5.	Сонорные	24,29	23,03	23,63	20,57	26,54	25,73	26,29	24,17	25,90	27,26
6.	Смычные шумные	22,14	28,48	29,12	27,63	23,17	23,54	21,55	25,35	18,75	20,12
7.	Щелевые шумные	10,92	5,62	5,73	9,54	7,95	7,85	9,82	9,41	12,98	10,39
8.	Звонкие шумные	9,17	11,98	11,94	10,76	11,93	7,22	12,74	10,91	11,46	15,99
9.	Гласные	42,64	42,87	41,52	42,26	42,34	42,88	42,34	41,07	42,37	42,23

При подсчете использовался введенный нами коэффициент Тамбовцева (ТМВ), означающий величину отношения вычисленного (эмпирического) значения критерия «хи-квадрат» к его теоретическим критическим значениям с учетом степеней свободы и уровня значимости. Коэффициент ТМВ облегчает работу лингвиста тем, что позволяет оценить статистическую идентичность или несхожесть двух языковых таксонов без расчета степеней свободы и анализа уровня значимости. Если это тексты одного языка, то коэффициент ТМВ может быть меньше единицы. Заметим, что для квалифицирования лингвистических образований в качестве диалектов одного языка величина коэффициента ТМВ не должна превышать величины ТМВ, которая получена эмпирически для таких близкородственных языков как русский и украинский, то есть 3,90. Получение коэффициента ТМВ в деталях описано в нашей монографии, где подробно рассматриваются некоторые статистические критерии, применяемые в лингвистике [Тамбовцев, 2003-б].

Таблица 3

Пример расчета близости двух лингвистических объектов по девяти фонетическим признакам. Эрзя-мордовский и удмуртский языки

№	Группы фонем	Губн.	Пере	Сред	Задн	Соно	Смыч	Щеле	Звонк	Гласн
1.	Эрзя-мордовский	10,21	41,17	2,12	6,86	22,01	21,84	16,51	11,70	39,64
2.	Удмуртский	13,66	29,47	6,94	8,71	25,10	21,98	11,70	12,90	41,22
3.	Хи-квадрат	0,17	0,09	8,25	3,31	2,87	18,31	0	77,23	3,37

Сумма “хи-квадрата” - 633,31. Табличное значение “хи-квадрата” при 0,05 уровне значимости и 8 степенях свободы составляет 15,507. $TMB = 40,84$.

Таблица 4

Расстояния между языками и диалектами по коэффициенту ТМВ

№	Языки и диалекты	Расстояние
1.	Мордовский: Эрзя – Мокша	1,59
2.	Татарский (Казанский) – Татарский (Крымский)	3,16
3.	Русский – Украинский	3,90
4.	Эстонский – Водский	4,87
5.	Русский – Белорусский	5,49
6.	Монгольский – Бурятский	5,75
7.	Чешский – Словацкий	6,00
8.	Эстонский – Ливский	7,33
8.	Татарский (Казанский) – Татарский (Чулымский)	7,58
9.	Татарский (Казанский) – Татарский (Барабинский)	9,48
10.	Татарский (Казанский) – Туркменский	9,48
11.	Алтайский (Алтай-кижи) – Алтайский (Чалканский)	10,35
12.	Татарский (Казанский) – Башкирский	14,18
13.	Марийский: Горный – Луговой	17,27
14.	Карельский: Тихвинский – Ливвиковский	18,24
15.	Мансийский: Северный – Кондинский	19,58
16.	Татарский (Казанский) – Хакасский	22,24
17.	Якутский – Долганский	23,33
18.	Карельский: Тихвинский – Людиковский	58,77
19.	Хантыйский: Казымский – Восточный	98,44

При трактовке полученных данных мы исходили из постулата о том, что если русский и украинский признаются самостоятельными языками ($TMB=3,90$), то лингвистические объекты, расстояние между которыми по коэффициенту ТМВ превышает этот пороговый показатель, безусловно, должны квалифицироваться как имеющие статус отдельных языков. И, наоборот, если коэффициент ТМВ меньше 3,90, то лингвистические объекты могут быть диалектами.

Сравнение звуковых картин эрзя-мордовского и мокша-мордовского языков показало наличие расхождений их звуковых цепей по критерию «хи-квадрат» – величина их коэффициента ТМВ больше единицы ($TMB=1,59$). Из этого можно сделать вывод, что звуковые картины этих языков различны. В то же время сравнение с эталонным в данном контексте $TMB=3,90$ (расстояние между русским и украинским языками), не дает оснований для трактовки эрзя-

мордовского и мокша-мордовского лингвистических образований в качестве самостоятельных языков. Звуковые картины мокша-мордовского и эрзя-мордовского языков намного более сходны с типологической точки зрения, чем звуковые картины восточно-славянских языков, которые нами взяты в качестве эталона близости. Из этого можно сделать вывод, что эрзя-мордовский и мокша-мордовский, так же как казанско-татарский и крымско-татарский (ТМВ=3,16), следует рассматривать в статусе диалектов.

Выводы. Если русский, украинский, белорусский, эстонский, водский, монгольский, бурятский, чешский и словацкий признаются лингвистами самостоятельными языками, то есть все основания для внесения поправок в классификацию некоторых финно-угорских и тюркских диалектов. Эрзя-мордовский и мокша-мордовский могут рассматриваться как диалекты, а не как отдельные языки. Тихвинский, ливвиковский и людиковский диалекты карельского языка следует квалифицировать в статусе отдельных – хотя и близкородственных – языков, но никак не диалектов. Якутский и долганский, несомненно, являются самостоятельными языками. К сожалению, до сих пор такие разные лингвистические объекты, как северный и кондинский диалекты мансийского языка, в лингвистической литературе фиксируются в качестве диалектов, что совершенно нелогично: точнее было бы северный и кондинский диалекты мансийского, а также казымский и восточный диалекты хантыйского также признать самостоятельными языками. Это же касается барабинского и чулымского лингвистических объектов, до сих пор рассматриваемых некоторыми языковедами в статусе диалектов татарского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М., 2000. – 256 с.

Крамер Г. Математические методы статистики. – М., 1975. – 485 с.

Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А. Математическая лингвистика. – М., 1977.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. – М., 2005. – 536 с.

Тамбовцев Ю. А. Некоторые характеристики распределения фонем мансийского языка // Советское финно-угроведение XIII. 1977. № 3. С. 195–198.

Тамбовцев Ю. А. Лингвистическая таксономия: компактность языковых подгрупп, групп и семей // Baltistica. XXXII (1). 2002. P. 131–161.

Тамбовцев Ю. А. Измерение фоно-статистических расстояний между уральскими языками // Fenno-Ugristica. № 25. (Tartu). 2003a. P. 120–168.

Тамбовцев Ю. А. Типология функционирования фонем в звуковой цепочке индоевропейских, палеоазиатских, урало-алтайских и других языков мира: компактность подгрупп, групп, семей и других языковых таксонов. – Новосибирск, 2003б. – 143 с.

Феоктистов А. П. Мордовские языки // Языки народов СССР. – М., 1966. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. С. 172–176.

Феоктистов А. П. Мордовские языки // Языки мира: уральские языки. – М., 1993.

Чикобава А. С. Введение в языковедение: Учеб. пособие. – М., 1953.

Эдельман Д. И. К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности // Теоретические основы классификации языков мира. – М., 1980. С. 127–147.

Tambovtsev Yu. A. Phoneme Frequency and Closeness Quotient: Establishing Relationship Degrees by Phonostatistics // Ural-Altai Yearbook. N 56. 1984. P. 103–119.

Tambovtsev Yu. A. The Linguistic Distances among some Languages of Asia // The Study of Sounds. Vol. 22. December, 1988. P. 17–34.

Tambovtsev Yu. A. Some phonological features as measure of closeness of dialects // *Philologia Fenno-Ugrica* (Freiburg). № 4. 1998. P. 1–19.

Tambovtsev, Yuri. The phono-typological distances between Ainu and other world languages as a clue for closeness of languages // *Asian and African Studies*. Vol. 17. № 1. 2008. (Bratislava). P. 40–62.

Tambovtsev, Yuri. How should the Hungarian language be correctly classified within the Ugric language taxon? // *Asian and African Studies*. Vol. 18. № 1. 2009. (Bratislava). P. 103–137.

Поступила в редакцию 11. 01. 2010 г.

Yu. A. Tambovtsev

Occurrence frequency of phonemic groups and classes in sound chains of Finno-Ugric languages and dialects

Building typology of sound chains in languages and their dialects is studied in this article. Typological distances between linguistic objects, i.e. languages and dialects, are built based on the prepotent phonetic features of sound pictures. Taking into account the threshold value of Tambovtsev coefficient, linguistic objects taken for the analysis are classified into dialects and separate languages on the basis of typological distances indexes.

Key words: typology, sound chain, language, dialect, sound directions, language taxon.

Тамбовцев Юрий Александрович

Новосибирский государственный педагогический университет

630126 Россия, Новосибирск

ул. Виллюйская, 28

E-mail: yutamb@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 82-95

В. И. Рогачев, Е. Н. Ваганова

О МИФАХ С ЛЮБОВЬЮ...

Вышла монография Н. Г. Юрченковой, доктора философских наук, профессора кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания МГПИИ им. М. Е. Евсевьева «Мифология мордовского этноса: Генезис и трансформации» (Саранск, 2009), в которой мифология рассмотрена как феномен культуры, глубоко проанализированы финно-угорские мифологические системы и их связь с мордовской мифологией. Представлена модель мордовской мифологии, прослежены ее генезис и эволюция, выявлено взаимодействие национальной мифологии с религией, литературой и изобразительными видами искусства.

Миф и мифологическое сознание существуют ровно столько, сколько существует человек. Мифология устойчива и проходит через всю историю человеческого общества. Исследователь Дж. Кэмпбелл, без боязни быть обвиненным в чрезмерной любви к мифологии, подчеркивает, что «...мифотворчество никогда не увядало; всякое порождение человеческого тела и духа есть плод вдохновения, черпаемого из этого живого источника, ...миф является чудесным каналом, через который неистощимые потоки энергии космоса оплодотворяют человеческую культуру во всех ее проявлениях».

XX век не только усилил интерес людей к мифологии как важному компоненту традиционной культуры, определяющему многие парадигмы человеческого мышления, но чрезвычайно расширил наши представления об этом феномене – мифе, его функциях и структуре, тесных связях с индивидуальной психологией творчества. Обращение к мордовской мифологии в литературе в живописи последнего времени стало нормой. Литературные произведения и художественные работы Я. Я. Кулдыркаева, В. К. Радаев, Ф. С. Атянина, А. М. Шаронова, Н. С. Макушкина, М. С. Шанина, А. И. Коровина, П. А. Алексеева, Л. В. Попова, Ю. В. Смирнова, А. С. Алешкина и др., включающие мифологические аспекты и сюжеты, хорошо известны и популярны в республике.

Проблемы мордовской мифологии не были вне поля зрения ученых: к мифологии как феномену культуры обращались в XIX в. видные писатели, ученые-этнографы П. И. Мельников, (А. Печерский), В. Н. Майнов, И. Н. Смирнов. На рубеже веков на мифологию обратили внимание Х. Паасонен, А. А. Шахматов, М. Е. Евсевьев. Известны весьма добротные работы Н. Ф. Мокшина, А. М. Шаронова и др., касающиеся религиозных аспектов мифа, героических сюжетов в мифологии, словарно-терминологических обозначений.

Однако, по мнению ученых, научное осмысление мифологии мордвы пока находится в стадии становления и уточнения ее предмета и методов изучения. Как

научная дисциплина мифология еще не обрела теоретической зрелости, а существующие исследования представляют собой попытки реконструкции древнемордовских мифов и нередко содержат довольно спорные и элементарные (практические и теоретические) сведения и основания.

Широкий современный интерес к мифологии далеко не праздный. Дело в том, что мифология играет особую роль в истории и культуре этносов, выражая отношение к ключевым проблемам бытия. Она помогает осознать национальную идею, выявить и осмыслить архетипы, воссоздать картину мировосприятия и мировоззрения, являющуюся стержнем культуры каждого этноса.

В последней монографии проф. Н. Г. Юрченковой мифология аргументированно представлена не только как генетический источник развития художественного мышления, но и как его вечная модель и существенный элемент. Мотивируя свое обращение к теме, автор пишет, что современное изучение мифологии продиктовано не только интересами разума, но и насущной потребностью человека разобраться в смысловых основаниях собственного бытия.

Задача, стоявшая перед исследователем, была непростая — попытаться осуществить переход от эмпирических реконструкций к подлинно научному осмыслению феномена мордовской мифологии. Ее решение потребовало комплексного исследования данного явления.

Монография Н. Г. Юрченковой «Мифология мордовского этноса: Генезис и трансформации», посвященная феномену мордовской мифологии, давно ожидаема в финно-угорском мире и в национальной филологии. В ней даются ответы на вызовы современности. Уже давно известны произведения мордовского эпоса «Сия-жар», «Масторава», имеющие мифологическую природу. На почве мифологического видения мира возник гений С. Эрзи, человека особого склада, способного воспринимать мир под широким углом зрения, обладающего полихромным видением мироздания, наделенного уникальными свойствами и способностями, утонченного, едва ли не мистического постижения природы, состояния людей, их бытия. Благодаря народной культуре и мифологии, он сломал традиционные каноны искусства, стал триумфатором нового направления в скульптуре, в жесткое время спел гимн любви к человеку.

В контексте с национальной мифологией развивается сегодня творчество многих видных деятелей искусства, литературы. Однако, долгое время значительным был разрыв между теоретическим, философским осмыслением мифа и его художественным воплощением, отсутствовали научные подходы в оценке мифа, его места в жизни, фольклоре, декоративно-прикладном искусстве, литературе, живописи. Можно сказать, что этот пробел ликвидирован. Читателю представлено серьезное и глубокое исследование по мифологии, вобравшее в себя межпредметные научные подходы и связи с философией и историей, археологией и этнографией, с фольклористикой и литературой, декоративно-прикладным искусством и живописью.

Монография Н. Г. Юрченковой по своим основным научным параметрам, разделам и тематической заданности соответствует решаемым проблемам. Она детально продумана, композиционно выверена, имеет универсальную и удобную трехчастную структуру: «Мифология как феномен культуры», «Мордовская мифология в контексте финно-угорской культуры», «Мордовская мифология как основание культуротворчества».

В первой (теоретической) главе повествуется о мифологии как форме социального познания, об историческом становлении мифа, его семиотическом аспекте – символе и мифе; вторая глава рассматривает проблемы культурного единства финно-угорского мира, модель мордовской мифологии, ее генезис и эволюцию, финно-угорские мифологические системы как ареал взаимодействия культур; третья глава, имеющая прикладной характер, посвящена мифологии и религии, мифологии и литературе, изобразительным видам искусства.

Книгу завершают два приложения, которые можно назвать ее хрестоматийной частью. Они являются своего рода разворотом издания к практике мифа. Первое Приложение «Произведения мордовского фольклора, содержащие мифологические образы и сюжеты» включает основные, наиболее важные сюжеты национальной мифологии. Второе («Реконструкция мифов») вобрало в себя воссозданные учеными и писателями варианты мифов. Оба Приложения органично вошли в ткань монографии и могут стать любимыми страничками для юношества, так как миф здесь звучит в его первоизданной популярной форме, именно в таком виде, в каком когда-то, может быть 1000 лет назад, он преподносился детям.

Монография лаконична. Исследовательская часть занимает 306 страниц, приложения – 77, а общий объем вместе с научным аппаратом – 412 страниц, или 33, 47 п.л., формат 70x100. В эти параметры вмещен весьма солидный аналитический материал, дающий основательное представление не только о мордовской, но и о финно-угорской мифологии в целом.

Поражает богатство иллюстративной части, включающей более 166 репродукций картин на мифологические сюжеты, 77 фотографий, связанных с этнографическими реалиями бытования мифов, с именами ученых, фольклористов, этнографов. Визуальный ряд сопровождает текстовый материал, облегчая восприятие разделов книги, усиливая интерес к ней. Восхищает полнота информации. В разделе «Финно-угорский мир: проблемы культурного единения» нашли место схемы: Происхождение финно-угорских языков, Генеалогическое древо финно-угорских народов, Виды языкового развития, Изображение связей между уральскими языками с помощью изоглосс; таблицы: Численность финно-угорских народов, Финно-угорские народы: Этнодемографические и социально-политические параметры и др.

Информативная насыщенность книги исключительна. Это тот случай, когда мы имеем дело с изданием, где словам тесно, а мысли просторно. Творческая удача пришла после многолетней и тщательной выверки всех разделов книги, замечательного редактирования, благодаря виртуозной электронной верстке, за счет притирки, ювелирной подгонки друг к другу всех ее частей, где всё необходимо, всё нужно для понимания идеи, содержания книги, в которой каждая глава и каждый параграф дают представление о сути, логично открывая доступ в мир других разделов. А все вместе они открывают фантастически красивый мир мордовской мифологии.

Книга сделана со вкусом, с любовью, написана хорошим языком. Несмотря на научный характер издания, автор не увлекается терминологией, сложные понятия излагает на простом языке. Стиль изложения легок, красив и доступен широкому читателю, материал богат и занимателен, может пригодиться всем – от учащихся старших классов до преподавателей вузов. Здесь есть что найти и студенту, и начинающему ученому, и философу, и художнику, и фольклористу, и этнографу.

В своем научном жанре монография заслуженно может считаться одним из лучших изданий последнего времени в финно-угристике.

Многие положения книги – плод длительных научных поисков и размышлений автора. Читателю небезынтересны категории, которыми оперирует автор, считающий, что мифология, длительное время определявшая многие стороны духовной жизни мордовского этноса, наложила существенный отпечаток на его мировосприятие, национальную психологию, менталитет, определяемые понятием «космо-психо-логос», который при самоидентификации этноса служит приоритетной составляющей, характеризует этнический облик в целом.

Исследовательский путь Н. Г. Юрченковой был непрост. По ее словам, «определенную сложность для исследования создавало отсутствие у мордовского народа собственно мифологических текстов, поэтому для изучения мифологического феномена, реконструкции мифологического мышления, выявления характера и уникальных особенностей древней культуры этноса привлекался мордовский фольклор в целом – сказки, предания, песни, плачи, пословицы, загадки, а также обычаи, обряды и ритуалы, отражающие мировоззрение этноса». Отрадно, что из этой непростой ситуации автор выходит достойно, гибко оперируя научным инструментарием. Н. Г. Юрченкова использует интегрированный подход к изучению мифологии: культурологическая, философская, фольклорная и этнографическая рефлексии способны привести к своеобразному сращиванию разных сфер знания и в большей степени объективировать осмысление мифологии (ее аспектов и категорий) в заданном научно-исследовательском режиме. Это обогатило и максимально полно представило национальную мифологию.

Автор разрушает бытовые представления о фольклоре и мифологии как о явлении прошлого, утверждая, что исследования последних десятилетий показали устойчивость феномена мифологии, проходящей через всю историю различных обществ. Мифология не является принадлежностью только первобытных народов или ранних, архаичных культур. Она не замыкается и в рамках того типа сознания и художественного творчества, который относится к классическим периодам, когда она уже встроена в более развитую духовную систему. Миф живет, умирает, возрождается вновь, и как форма освоения жизни он не устраним. Приведены примеры живучести и устойчивости мифологического сознания, проявляющего себя в более развитых построениях (религия, идеология, философия и художественное творчество).

Анализ сложной многоплановой работы «Мифология мордовского этноса: Генезис и трансформации» позволяет нам говорить о том, что Н. Г. Юрченкова впервые осуществила комплексный подход к изучению мордовской мифологии. Автором выявлена специфика мифологии мордвы как культурологического феномена. Мордовская мифология исследуется как структурированное явление, научное осмысление которого придает этому явлению новый онтологический статус.

В работе исследованы генезис и эволюция мифологических воззрений мордовского этноса (космогония, пространственные и темпоральные представления, образы и мотивы), проанализирована степень близости мифологических воззрений мордвы к воззрениям других финно-угорских народов, выделено общее и особенное, рассмотрено соотношение мордовской мифологии и мировых религий, мифологии и различных видов искусства.

В процессе реконструкции и анализа традиционного мировоззрения и ментальности мордвы Н. Г. Юрченкова воссоздает целостную мифологическую картину мира, рассматривает ее генезис, эволюцию, основные этапы развития и культурные факторы, оказавшие воздействие на направленность данной трансформации, проводит сравнительно-типологический анализ мифологических систем финно-угорских народов с использованием широкого круга источников, в том числе ранее не рассматривавшихся. Их введение в научный оборот базируется на понятиях системности и целостности, предполагающих представление мифологической картины мира в совокупности. С учетом последних достижений науки проанализированы процессы взаимодействия мордовской мифологии и разнообразных пластов культуры (религии, литературы, изобразительного искусства).

Исходя из достижений мировой науки и финно-угристики, автор дает определение мордовской мифологии как совокупность мировоззренческих представлений народа, особый тип мышления с характерным всеобщим одушевлением жизненно-родственных элементов, объяснением мира и способа существования в нем человека от периода существования единой этнокультурной общности и родоплеменного строя до настоящего времени актуализирующийся в общественном сознании.

Автор отдает дань уважения своим предшественникам: научный аппарат книги составляют более 500 источников. В современном аспекте рассмотрены труды финских ученых Х. Паасонена, П. Равилы, А. Хямяляйна, А. Тальгрена, У. Харва, Г. Стипа и других, изучавших духовную культуру мордовского народа. В числе зарубежных источников (более 100) труды видных ученых: Л. Леви-Брюль, М. Элиаде, Дж. Фрэзер, Э. Б. Тайлор, А. Тойнби, Ф. М. Мюллер, И. Бахофен, К. Леви-Стросс и др. Из отечественных ученых представлены А. Н. Веселовский, А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, А. Ф. Лосев, Е. М. Мелетинский, В. Я. Пропп, М. М. Бахтин, Б. А. Рыбаков, Ю. М. Лотман и др.

Важной чертой монографии является ее диалогичность. В ходе диалога сопоставляются, оспариваются разные точки зрения, идет неустанный поиск истины. Ученый сопоставляет различные взгляды на миф. И при этом его отличают научная этика, такт, деликатность, высокая культура ведения дискуссии, уважительное отношение к оппонентам, их вкладу в изучение проблемы.

Отрадно, что в монографии рассматривается такой важный вопрос, как мифологическая символика, взаимосвязь мифа и символа, их семиотический аспект, бытование символа и знака в декоративно-прикладном искусстве, в вышивке, резьбе по дереву и в живописи. Эта сторона проблемы долгое время, практически, оставалась белым пятном в национальной этнографии.

В отличие от ставшего традиционным рассмотрения отдельных вопросов мировоззрения и миропонимания мордвы, в данной работе впервые сделана попытка анализа всего мифологического материала как единой системной целостности. При этом традиционное мировоззрение мордвы осмысливается как одна из важнейших характеристик этноса, как феномен его сознания, неотъемлемая часть народной культуры.

Комплекс духовной культуры мордвы проанализирован в книге с учетом исторических реалий, с привлечением этнокультурных параллелей и сопоставлений. Главное внимание уделено таким основополагающим аспектам, как традиционные представления мордвы об устройстве мира, пантеон богов, мордовская мифология

и взаимодействие пластов культуры, мифологические воззрения мордвы в сравнении с другими финно-угорскими народами. Выявлены внутрисистемные связи мифологических сюжетов и персонажей, тем самым делается еще один шаг по пути реконструкции предполагаемого прафинно-угорского ядра мифологической системы.

Исследование генезиса и эволюции мордовской мифологии позволило автору выявить отличительную особенность мордовской космогонии. Приведен основной космогонический миф о ныряющей птице, демиурге-утке – прародительнице мира, дана пространственная модель мира, оформленная в мифологическом сознании в образе Мирового дерева, символизирующего центр Вселенной.

Изучая степень близости мифологических воззрений мордвы с другими финно-угорскими народами, исследователь обращается к вопросам предыстории народов уральской языковой семьи, к локализации места существования прауральской общности, ее дивергенции, внешним и внутренним связям. Используя лингвистические данные, открытия археологии, генетики, результаты изучения фольклорных традиций, собственные исследования, автор говорит об антропологической общности уральцев, о единстве культур, мифологии, оперирует понятием «финно-угорский мир», предполагая общие этнодемографические и социально-политические параметры составляющих его этносов. Это позволяет Н. Г. Юрченок у утверждать, что мифологические системы, которые можно включать в ядро архетипа, стали одним из краеугольных камней этногенетического единства финно-угорского мира. Их взаимодействие во многом обусловлено общим происхождением, основными чертами генезиса. Исходя из лингвистического, а также мифологического и фольклорного материала утверждается, что на определенном этапе исторического развития единая финно-угорская этнокультурная общность разделилась и на ее основе возникли родственные этнокультурные образования.

Это позволило сделать вывод о том, что единство происхождения, сходные этногенетические, этнодемографические и этнокультурные процессы во многом определили структурную общность культуры финно-угорских народов, ее основу, парадигму развития

Актуальны положения книги и о том, что из всех финно-угорских мифологических систем мордовская испытала наибольшее инородное воздействие, что обусловлено историческими контактами мордвы с соседними балтскими, славянскими и тюркскими этносами, носящими достаточно интенсивный характер.

Внимание ученого направлено на вопрос о той существенной роли, которую в развитии мордовской мифологии сыграли мировые религии, особенно христианство. Внедрение православия в мордовскую среду привело к взаимодействию и смешению, породило своеобразный сплав в мировоззрении мордвы – «двоеверие», привело к контаминации христианской мифологической картины мира и этнической модели мироздания.

Одним из важных разделов монографии является рассмотрение мифологии как основы культуротворчества. Указывается на то, что мифология во многом определила поэтику мордовского искусства, его национальное своеобразие, придала ему уникальность и самобытность. Подчеркивается, что мифотворческие традиции лежат в основе мордовского прикладного и профессионального искусства, что мифология оказала и продолжает оказывать воздействие на формирование и раз-

витие отдельных жанров мордовской литературы. Влияние мифологии прослеживается на сюжетно-композиционном и стилистическом уровнях текстов.

Своеобразно отражение мифологических воззрений мордвы в изобразительных видах искусства. Н. Г. Юрченкова рассматривает степень включенности мифа в быт, его овеществление в окружающих человека предметах. Так отмечено, что в мордовской вышивке и резьбе по дереву это проявилось в использовании отдельных мифологем (мотив «Мирового дерева», водоплавающей птицы, коня, солнца, звезд) на основе выработанной веками знаково-символической системы. Отмечено, что в основе орнаментальных украшений архаичных хозяйственно-бытовых предметов (сундуков-парей, донцов прялок) лежат мотивы, включающие изображения старинных женских украшений: лапчатых подвесок, блях, нашиваемых на пояс, нагрудных и шейных украшений.

В третьей главе книги рассматриваются мифология и изобразительное искусство, обращено внимание на своеобразие отражения мифологических воззрений мордвы в пластических работах С. Д. Эрзи, основанных на культурных архетипах мордовского этноса.

Здесь же исследуются мифологические аспекты в современной живописи, оцениваются работы художников разных поколений, отразивших в своем творчестве ритуально-магическую деятельность мордовского народа (жертвоприношения, моления, обряды) и отдельные мифологические образы и сюжеты. Отмечается, что наиболее разнообразны и оригинальны иллюстрации к литературным произведениям на мифологические сюжеты Н. С. Макушкина, сумевшего на высоком профессиональном уровне передать в них обобщенное осмысление мифологических образов. Обращается внимание и на новое направление современной живописи – этнофутуризм, где в абстрактно-символических образах, навеянных космогоническими воззрениями, находит отражение мордовская и финно-угорская мифология в целом. Отмечены работы А. С. Алёшкина, Ю. А. Дырина, Л. Н. Колчановой-Нарбековой и др., наполнивших свои творения поиском условных форм выражения, в которых изобразительно-сюжетная основа и сложная гамма красок способствуют своеобразному мифологическому прочтению полотна. В причудливых образах, созданных художниками нового направления, угадываются образы-символы, повествующие об этнических корнях и традициях мордовского народа.

В своей монографии Н. Г. Юрченкова не претендует на истину в последней инстанции, оставляя место для дискуссии, для дальнейших исследований в этом направлении. Автор признается в том, что, несмотря на ее стремление охватить в данной работе многие аспекты изучения мордовской мифологии, сама тема не исчерпаема, более того – обозначаются новые стороны проблемы, в том числе необходимость сравнительного изучения традиционного мировоззрения алтайских, индоевропейских и уральских этнических общностей с точки зрения культурологии.

Особо подчеркнем, что книга, заявленная в жанре научного издания, счастливо сочетает в себе все качества фундаментального исследования, вобравшего широкий спектр знаний по философии и культурологии, фольклору и литературе, этнической истории и этнографии, декоративно-прикладному искусству и живописи мордовского и других финно-угорских народов. Верится, что она по праву займет

достойное место в ряду изданий, посвященных культуре народов России и станет настольной книгой финно-угроведа.

Логотип книги «Милениум» в виде летящей к солнцу серебряной птицы (художник А. С. Алешкин) органично включает «Мифологию мордовского этноса» в информационное поле празднования 1000-летия единения мордовского народа с российскими народами, утверждая высокий полет национальной культуры.

Рогачев Владимир Ильич,
доктор филологических наук, профессор
МГПИ им. М. Е. Евсевьева,
г. Саранск

Ваганова Елена Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент
МГПИ им. М. Е. Евсевьева,
г. Саранск

А. А. Никишенков

**ОТЗЫВ О ДИССЕРТАЦИИ А. Е. ЗАГРЕБИНА
«ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФИННО-УГОРСКИХ
НАРОДОВ РОССИИ В XVIII – XX ВВ.:
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ»,
ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ
07.00.07 «ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ
И АНТРОПОЛОГИЯ».**

Изучение истории науки всегда является важным фактором ее развития. В настоящее время это обстоятельство приобрело особое значение, так как рубеж веков ознаменован кризисными явлениями во многих сферах общественно-научного познания. В этой ситуации важно изучить механизмы исторической эволюции научного познания для того, чтобы адекватно формировать предпосылки его развития в будущем. Рецензируемая работа представляется весьма существенным вкладом в дело изучения исторических предпосылок, теоретико-методологических оснований, а также институциональных форм этнографических штудий в области финно-угроведения.

Диссертация А. Е. Загребина состоит из Введения, четырех глав, Заключения и Приложения, общим объемом 363 стр. Во Введении лаконично и вместе с тем точно обосновываются актуальность темы, объект и предмет исследования, территориальные и хронологические его рамки и конкретные цели. Достаточно подробно и полно освещается степень изученности темы, в этом разделе критическому анализу подвергаются практически все труды отечественных и зарубежных специалистов, затрагивающие проблемы истории финно-угроведения. Раздел, посвященный анализу источников, впечатляет многообразием задействованных автором диссертации архивных материалов, изученных им лично в архивах Санкт-Петербурга, Хельсинки, Казани, Будапешта, Таллинна. Особо следует отметить раздел Введения, посвященный методологии. В нем представлены исследовательские методы, ставшие уже традиционными в науковедении – проблемно-хронологический, историко-генетический, историко-сравнительный, культурно-антропологический, историко-биографический, но основное внимание уделено концептуальной схеме, получившей несколько метафорическое название – «эпохи – идеи – герои». При всей своей кажущейся простоте эта схема в оригинальной трактовке автора предстает в виде эффективного эвристического приема, позволяющего системно связать вышеперечисленные методы и обеспечить целостность текста диссертации. Это достигается на основе прослеживания взаимозависимости политико-идеологических тенденций, характерных для каждого из изучаемых периодов истории науки, с сугубо научными идеями и, наконец, с личностными особенностями ученых. Такая авторская стратегия позволи-

ла органично сочетать общие черты исторического развития рассматриваемого направления финно-угроведения с индивидуальными особенностями каждой из эпох и каждого из великих его «героев».

Структура диссертации тщательно продумана, вполне оригинальна и научно оправдана: автор отказался от прямолинейной хронологической организации материала (распространенный стереотип в истории науки), хронологию он сочетает с т.н. «проблемным подходом», который воплощен в последовательном изучении разных аспектов темы диссертации, каждому из которых посвящена соответствующая глава: (1) интеллектуальные истоки этнографического финно-угроведения в эпохи Просвещения, Романтизма и Позитивизма; формирование объекта, предмета и метода этой дисциплины в исторической динамике и в контексте социально-политических ситуаций различных периодов истории; (2) организационные формы, в которых протекала этнографическая деятельность финно-угроведов с XVIII в. по начало XIX в.; (3) научные поиски финно-угорской идентичности, проблема общефинских этнолингвистических корней, классификация финно-угорских народов и (4) изучение основных блоков традиционной культуры финно-угорских народов в течение всего рассматриваемого в диссертации периода. Если на первый взгляд такой подход ведет к повторам, так как в каждой из глав «действующие лица» и научные труды в сущности одни и те же, то при более внимательном рассмотрении делаются очевидными исследовательские плюсы этой стратегии. Автор несколько раз как бы возвращается к своему объекту, но при этом видит его под разными углами зрения, высвечивает в нем все новые и новые качества. Это дает эффект многомерности и многокачественности изучаемого явления, что ведет к его более адекватному и глубокому познанию.

В главе 1 «Этнография финно-угорских народов: эпохи – идеи – герои» автор привлекает труды ведущих мыслителей Просвещения, Романтизма и Позитивизма – Г. В. Лейбница, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Гердера, И. Г. Фихте, О. Конта, Г. Спенсера и др. – и очень убедительно на этой основе воссоздает некий идейный и социально-политический контекст, во многом определивший гражданские, мировоззренческие и эстетические мотивы научно-исследовательской деятельности финно-угроведов. «Герои» этой главы – Ф. И. Страленберг, Г. Ф. Миллер, И. Г. Георги, Х. Г. Портан, В. И. Татищев, А. И. Шёгрэн, М. А. Кастрен, А. Регули, Д. Н. Анучин, У. Т. Сирелиус, Н. Н. Харузин, И. Н. Смирнов, И. Р. Аспелин, А. О. Хейкель и др. – предстают в качестве носителей идейных установок своего времени и в то же время создателей особого научного направления с его специфической исследовательской проблематикой. В этой главе много тонких наблюдений, касающихся общих тенденций развития финно-угроведения, и частных, но весьма важных моментов научной жизни. К примеру, мне представляется интересным и научно оправданным суждение автора о руссоистской подоплеке научного интереса исследователей эпохи Просвещения к финно-угорским народам России, как к «добрым дикарям» (с. 34 и др.); о влиянии европейских романтических течений первой половины XIX в., связанных с пробуждением национальных чувств, на активизацию этнографических исследований немецких, финских, венгерских ученых (с. 45).

В главе 2 «Институциональные формы финно-угорских этнографических исследований» А. Е. Загребин рассматривает роль Императорской Санкт-Петербургской Ака-

демии наук (§1), различных научных обществ – Императорского Русского географического общества, Общества любителей естествознания, антропологии, истории и этнографии при Императорском Московском университете, Уральского общества любителей естествознания, Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, Финно-угорского общества (§2) и этнографов-любителей (§3) в организации финно-угроведческих исследований. В этой главе по-новому ставится ряд важных проблем истории науки. В частности, анализируя работу финских ученых А. И. Шёгрена, М. А. Кастрена, А. О. Хейкеля и др. в имперских учреждениях, А. Е. Загребин, помимо тщательного разбора их экспедиционной и иной академической деятельности, затронул непростую проблему сочетания, с одной стороны, финнофильских их настроений с явным привкусом оппозиционности имперской политике, а с другой – неизбежного требования лояльности государственных служащих (с. 109, 116 и др.). При анализе этой проблемы он приходит к неоднозначным выводам, отмечая изменчивость исторической ситуации, но в целом констатирует приоритеты научных целей деятельности финно-угроведов, ради достижения которых большинство из них стремилось к оптимальному соотношению своих национальных чувств и интересов имперских научных учреждений.

Значительный интерес представляет раздел о «местных помощниках» ученых финно-угроведов, в котором автор диссертации проделал полезную работу по сведению в один проблемный узел разнородного материала о представителях финно-угорских народов России, привлеченных к участию во многих научных проектах. В этом разделе местные краеведы-любители представлены не только в качестве информантов и собирателей фактов для «больших ученых», но и в качестве первых представителей национальной интеллигенции, многие из которых положили начало осмыслению этнокультурного достояния своих народов и путей сохранения и развития этого достояния. Таковыми в диссертации являются помощник Т. Г. Амиоффа священник удмурт И. Васильев, ставший со временем профессиональным этнографом (с. 140); сотрудник А. О. Хейкеля учитель М. Е. Евсеев, один из основателей мордовской этнографии (с. 141); мариец Т. Е. Евсеев, работавший с Ю. Вихманом; первый удмуртский этнограф Г. Е. Верщагин и коми В. П. Налимов, начавшие свою научную карьеру в сотрудничестве с финским ученым У. Т. Сирелиусом (с. 142–147), и др.

Глава 3 «Проблемы этнической идентификации финно-угорских народов» является, на мой взгляд, своеобразной кульминацией труда А. Е. Загребина, так как в ней анализируется центральная проблема финно-угроведения, проблема генетической общности финнов и угров и множества связанных с ней вопросов: об их прародине, о взаимосвязи их языков и культур, о месте и роли каждого из финно-угорских народов в этнической истории Евразии и др. Собственно говоря, вся эта проблематика и породила в свое время финно-угроведение.

По принятой в диссертации исследовательской стратегии проблемы эти рассматриваются в исторической динамике – от эпохи Просвещения до начала XX в. Автор начинает изложение материала главы с анализа общих идей Просвещения о рационалистических и прагматических принципах классификации, которые распространялись и на этнолингвистические явления (Г. В. Лебниц, А. Л. Шлёцер и др.) (с. 151). Воплощение этих установок он вполне обоснованно

усматривает в трудах Ф. И. Страленберга и В. Н. Татищева, которые уже довольно отчетливо сформулировали идею финно-угорского языка–основы (с. 161). Много внимания в данной главе уделено развитию этой проблематики в трудах Г. Ф. Миллера и И. Г. Георги, в частности, указывается на то, что первым – был фактически развенчан миф о «Великой Татарии», многие годы мистифицировавший вопрос об идентификации финно-угров (с. 164), а вторым – была предложена одна из первых научных концепций этногенетических процессов в Восточной Европе, в которой предкам финнов отводилась весьма значительная роль (с. 178), и выдвигался важный тезис о перманентном характере межэтнических смешений, продолжающихся вплоть до современности (с. 190).

В данной главе особо подчеркивается роль А. И. Шёгрена, М. А. Кастрена и А. Регули в развитии проблемы идентификации финно-угорских народов. Именно их полевая работа, аргументированно утверждает А. Е. Загребин, придала этому направлению эмпирически фундированный вид, в частности, этнографические материалы Шёгрена позволили создать более точную карту расселения финно-угорских народов (с. 195–201), а в работах Кастрена идея финно-угорского родства преобразовалась из туманной гипотезы в научно обоснованную концепцию (с. 203). В диссертации отдается должное усилиям Кастрена, направленным на классификационное упорядочение гигантского лингвистического и этнокультурного материала, результатом чего явилась известная урало-алтайская теория, ориентирующая на поиск общих корней угро-финских, тюркских, монгольских и манчжурских языков (с. 214–215). Не меньший вклад в развитие этой проблемы, по мнению автора диссертации, внес и А. Регули, который эффективно использовал принципы научной лингвистики, делающей первые шаги в трудах В. фон Гумбольдта и Ф. Боппа (с. 221), что позволило ему вывести на новый уровень старую проблему происхождения и прародины венгров, которую он уверенно и аргументированно связал с уральским регионом (с. 220).

Создается впечатление, что три вышеупомянутых ученых особенно дороги по-человечески А. Е. Загребину и эта его симпатия не является недостатком диссертации, но, по моему мнению, может считаться достоинством, так как не противоречит общему тону научной объективности этого труда и подчеркивает существенный для понимания научной деятельности личностный аспект. Автор диссертации нередко указывает на патриотическую ангажированность некоторых из своих «героев» и элементы идеализации финно-угорской идентичности в их трудах. Так, Кастрен в его трактовке не раз преувеличивал меру этнокультурного единства финно-угорского пространства, говоря о его непрерывности от Зауралья до Финляндии (с. 200) и даже, более того, о том, что «Проезжая среди вотяков, я не переставал всем своим духовным существованием находиться в Финляндии... А потом ведь оба края населяет в сущности один и тот же народ» (с. 210). Между тем, эти чувства Кастрена, так же как и его учителя Шёгрена, подмечает А. Е. Загребин, вовсе не мешали им, невзирая на то, что их имперская служба «отринула от них некоторых друзей и знакомых», занять позицию, выраженную формулой: «Служение интересам Родины можно было осуществлять, сотрудничая с властями, убеждая их в своей лояльности, делая их своими союзниками, добиваясь поддержки, или, по крайней мере, непротивления исследовательским инициативам» (с. 195). «Герои» этой главы диссертации – не просто исследователи, но в чем-то трагические фигуры: они теряли здоровье в нечело-

веческих условиях интенсивной полевой работы, длившейся годами, что в своей совокупности лишало их физической возможности обработать и опубликовать весь собранный материал. Примером этого трагизма может служить судьба А. Регули, который, вернувшись в Венгрию, страдая от недугов и недоброжелательства венгерской элиты, не желавшей принимать идею своего родства с «дикими» вогулами и остяками, впал в депрессию и усомнился в собственном этнолингвистическом материале и в выводах из него об уральском происхождении венгров (с. 230).

Последний параграф данной главы является своеобразной квинтэссенцией ее содержания, это как бы еще один «герменевтический круг», если использовать понятие Э. Гуссерля как метафору, осмысления проблемы прародины финно-угров. В нем детально анализируются многие ее аспекты в трудах продолжателей дела Шёгрена, Кастрена и Регули – Х. Винклера, И. Р. Аспелина, А. О. Хейкеля, Е. Зичи, Й. Папай, Т. Г. Аминоффа, Ф. П. Кёппена, Х. Паасонена, Э. Н. Сётяля и др.

Глава 4 диссертации «Традиционная культура финно-угорских народов в свете этнографических исследований второй половины XIX – начала XX вв.» представляет собой систематизацию уже рассмотренного ранее под разными углами зрения научного наследия финно-угроведов, систематизацию, осуществленную по модели, принятой у нас называть «монографическим подходом». Именно эта модель уже много десятилетий служит основой изучения и описания различных этнокультурных объектов (этнических общностей и историко-этнографических областей различного уровня), включая такие разделы, как материальная культура (жилище, одежда, хозяйство), духовная культура (религия, народное творчество) и общественная организация (община, брак и семья, родственные отношения). Сама по себе эта модель не плоха и не хороша. Важно то, что на ее сверхобщие параметры ориентирована до сих пор значительная часть отечественного этнологического сообщества, и поэтому то, что А. Е. Загребин дал себе труд представить изученный им историографический материал в таком виде, можно считать вполне оправданным и весьма полезным. Тем более, что данная глава – это не простая экспозиция эмпирических данных. Этнографический материал, собранный несколькими поколениями ученых, дан в проблемном ключе и снабжен аналитическими и критическими комментариями.

В данной главе основное внимание уделено материалам А. О. Хейкеля, У. Т. Сириуса, И. Р. Аспелина, А. Алквиста, Т. Г. Аминоффа, Х. Паасонена, К. Ф. Карьялайнена, А. Каннисто, Б. Мункачи, У. (Холмберга-) Харва, Э. Н. Сётяля, а также Н. Н. Харузина и И. Н. Смирнова, собранным и опубликованным в конце XIX – начале XX вв. Нет нужды вдаваться в анализ аутентичности этого материала – автор диссертации в предыдущих разделах убедительно продемонстрировал высокую степень точности, с которой его «герои» фиксировали факты в поле. Особый интерес представляет его анализ применяемых типологических процедур и теоретических выводов. Этот анализ не лишен критического отношения. Так, признавая важность пионерских работ А. О. Хейкеля о жилище финно-угров, он отмечает произвольность его типологии, в которой основным критерием служит форма кровли (с. 248). Говоря о принципах интерпретации фактического материала, принятых в финно-угроведении рассматриваемого времени, А. Е. Загребин тонко подмечает несколько тенденций. В русле одной из них явления интерпретируются методом расположения их на шкале эволюции, имеющей пространственную природу «с востока на запад», но скрывающей под собой

диахронный вектор «от дикости к цивилизации». Так поступает У. Т. Сирелиус, изучая жилище финно-угров (с. 252). Другая тенденция выражается в несколько иной манере группировки фактов – большинство исследователей рассматривало формы семьи и термины родства, располагая их на историко-генетической линии, восходящей к гипотетическому общеугрофинскому состоянию, оно было вожделенной целью А. Хмяляйнена, У. (Холмберга-) Харва и многих других финских исследователей. Русские же финно-угроведы (А. Я. Ефименко, Н. Н. Харузин) рассматривали общественные формы на шкале универсальной однолинейной эволюции, имеющей социально-экономическую природу закономерного восхождения от простого к сложному (с. 304). В данном случае речь идет о разности исходных мировоззренческих установок: многие финские исследователи более склонны к немецкой романтической традиции поисков этнической идентичности и обращены преимущественно к прошлому, а их оппоненты – к позитивистской традиции прогрессивного развития и обращены к будущему. Мне кажется, материал диссертации А. Е. Загребина служит убедительной иллюстрацией такого рода противоречий.

Итак, можно с уверенностью констатировать, что диссертация А. Е. Загребина представляет собой значительное и беспрецедентное событие в отечественной этнологии. Это оригинальный научный труд, основанный на огромном литературном и архивном материале, значительная часть которого впервые подвергнута анализу, а многие важные фрагменты текстов зарубежных авторов, извлеченных из архивов, переведены диссертантом на русский язык и приведены в его труде. Диссертация отличается эффективной методологией, важной особенностью которой является историзм – А. Е. Загребин последовательно трактует научные события XVIII – XX вв. в контексте конкретных периодов времени не поддаваясь соблазну презентизма «выносить приговоры» с высоты достижений современной науки, хотя у читателя диссертации не может быть сомнений в том, что он вполне владеет этими достижениями. Это обстоятельство не только способствует объективности науковедческого анализа, но свидетельствует о высоком стандарте научной этики. Этим же стандартам соответствует и позиция автора по поводу острых политико-идеологических вопросов, касающихся взаимоотношений угро-финских народов и их интеллектуальных элит с российской государственностью, вопросов, актуальность которых и спустя два столетия не исчезла, хотя и приобрела новые формы. Нельзя не отметить и обширную эрудицию автора диссертации, которая проявляется не только в сфере собственно угро-финноведения, но в других областях социогуманитарного познания, причем, в новейших его образцах.

Можно сказать, что диссертация А. Е. Загребина близка к безупречности, она, как и всякая глубокая и интересная научная работа, стимулирует мысль читателя, направляя ее на «дистраивание» прочитанного. В частности, этнографическое изучение финно-угорских народов России, проводившееся преимущественно финляндскими и венгерскими учеными, в какой-то мере приобрело характер общественного движения, которое демонстрирует типологические черты, общие с различными версиями славянофильского движения и ориентированной на них этнографии (движение «будителей» в славянских землях Австро-Венгрии, Османской империи, Германии, породившее этнографию Л. Нидерле, П. Й. Шафарика и др.), с движением «иберизма» в испаноязычных странах,

с немецким народоведением, генетически связанным с романтическими поисками национальной идентичности и другими подобного рода движениями, ориентированными на поиск общих корней обширных внесоциальных этнолингвистических общностей. Помещение финно-угроведения в такой контекст может дать интересные сопоставительные выводы, существенные для понимания собственно научных штудий. Впрочем, это соображение ни в коем случае не является упреком работе А. Е. Загребина, это не более, чем пожелание на перспективу, если оно покажется ему заслуживающим внимания.

В заключение можно сказать, что диссертация А. Е. Загребина «Этнографическое изучение финно-угорских народов России в XVIII – XX вв.: вопросы истории, теории и практики» является оригинальным научным исследованием, посвященным актуальной теме, написанным на высоком теоретико-методологическом уровне. Автореферат, опубликованные научные монографии и статьи отражают основные положения диссертации. Все это дает основание считать, что данная диссертация соответствует требованиям ВАК РФ, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 «Этнография, этнология, антропология», а ее автор заслуживает присуждения этой ученой степени.

Поступила в редакцию 18.02.2010 г.

А. А. Никишенков,
официальный оппонент, доктор исторических наук, профессор
зав. кафедрой этнологии исторического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова
15.04. 2009 г.

ЮБИЛЕИ

УДК 821.511.131

В. Л. Шибанов

**УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ПОЭТ
НА ПОДСТУПАХ К ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМУ**
(к 60-летию проф. А. С. Измайловой-Зуевой)

Такая постановка темы – на подступах к постструктурализму – некоторых читателей может удивить. Ведь А. С. Измайлова-Зуева не отстаивает принципов деконструктивизма и интертекстуальности, особо не обращается к проблемам гендера, психоанализа, симулякров, гиперреальности и т. п., а с 1980-х гг. продуктивно работает в русле структурализма (модель Мирового Древа, модель волшебной сказки и др.), до сих пор отстаивая основные принципы это направления (см. одну из последних ее работ «Архетип Мирового Древа» // Инвожо. 2009. № 5–6. С. 20–31). Однако практика европейского структурализма показала, что все талантливые структуралисты уже с самого начала, с 1960-х годов, под-сознательно «подрывали» устои так называемой структуры, так или иначе «усложняли» свой структурно-семиотический анализ постструктуралистскими приемами. Речь идет не только о Р. Барте, М. Фуко, Р. Якобсоне, Ж. Женетте, но и признанном метре структурализма Клоде Леви-Строссе. По словам Дж. Каллера, «когда структурализм стал направлением или «школой», теоретики структурализма от него дистанцировались. Стало ясно, что работы мнимых структуралистов не соответствуют идее структурализма как попытки познать и кодифицировать структуры», ибо «...многие постулаты, ассоциируемые с постструктурализмом, выдвигались в работах этих ученых еще в тот период, когда их считали структуралистами» («Теория литературы. М., 2006. С. 142–143). То же самое можно сказать и о теоретическом базисе исследуемого нами автора, где этапными являются монографии «Поэтика удмуртского романа» (1984) и «Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций» (1997).

Родилась Анна Сергеевна Зуева в деревне Иткулат Селтинского района в семье сельских учителей. Учится она на «отлично», с четвертого класса является юнкором, в школьные годы была премирована путевкой во всесоюзный пионерский лагерь «Артек». Далее Можгинское педучилище, Удмуртский государственный педагогический институт, аспирантура ИМЛИ. Она и отличная студентка (Ленинский стипендиат), и общественный деятель (секретарь комитета ВЛКСМ УдГУ, депутат Индустриального района двух созывов и т.д.), и подающая надежды ученый. В теоретическом плане А. Зуева изучает труды проф. Б. О. Кормана, одновременно с Р. И. Яшиной впервые использует эту методику при изучении удмуртских произведений.

Однако в конце 1970-х – начале 80-х для А. С. Зуевой, как и других советских ученых, проблемы постструктурализма были еще далекой перспективой –

необходимо было отстаивать принципы структуралистского метода, умело вплетенного в рамки традиционной исторической поэтики. Молодым аспирантам, даже уникальным, в рамках советской идеологии и тем более при защите кандидатской диссертации непозволительно было выйти далеко за пределы устоявшихся стандартов. Вроде бы, этапной вехой Анны Сергеевны является ее монография «Поэтика удмуртского романа», но почти весь ее материал был апробирован гораздо раньше, как, например фрагмент «Сказочный эпос и становление романного жанра» в коллективном сборнике «Внутренние и межнациональные связи удмуртской литературы и фольклора» (Ижевск. 1978. С. 30–45).

Принципиально важными, на наш взгляд, являются следующие положения из этой монографии. Обращение к теории автора Б. Кормана при анализе романа Кедр Митрея «Тяжкое иго» позволило автору выделить два типа повествователя – повествователя-современника и повествователя-историка: «Автор в первой роли – свидетель изображенных событий, или повествователь-современник. Вторая его роль – повествователь-историк, дающий толкование фактам и событиям прошлого» («Поэтика удмуртского романа», 1984. С. 24–25). Отсюда исследователь обнаруживает логику, объясняющую сочетание и чередование двух творческих методов в романе – реализма и романтизма.

Роман М. Коновалова «Гаян» исследуется А. С. Зуевой в призме модели «волшебной сказки». Автор обращается к идеям В. Проппа и интуитивно угадывает те положения, которые изложил Клод Леви-Стросс в споре и диалоге с В. Проппом (судя по всему, через запрещенного в то время И. Смирнова, чье имя смело поставлено в список использованной литературы). Статья французского структуралиста «Структура и форма» (Семиотика. М., 1983) увидела свет тогда, когда работа А.С. Зуевой была уже в целом завершена и сдана в печать. Тем интереснее оказываются положения, выдвигаемые удмуртским литературоведом.

«Событийное движение романа, – пишет А. Зуева, – убеждает, что Гаян, как любой сказочный герой, проходит через серию приключений и испытаний, побеждает всех противников и добывает себе волшебных помощников» («Поэтика...» С. 50). Далее описываются три волшебных помощника, обряд инициации, пиршественная сцена: «Мотив переодевания героя, объединенный с пиршественной сценой, читается как сказочный, с явной ориентацией на элемент волшебной структуры – «Обряд инициации – посвящения юношей, которые по достижении зрелости должны пройти через испытания, чтоб стать полнокровными членами коллектива взрослых охотников» («Поэтика...» С. 54), со ссылкой на Е. Мелетинского. Подобный взгляд на удмуртский роман был в то время принципиально новым шагом вперед. До сих пор у нас считалось, что критик и литературовед должны донести до читателя то, что хотел сказать автор-творец; теперь перед нами другой случай: собственно произведение говорит и сообщает больше, чем его автор-творец. При этом описание структуры текста ориентировано на обнаружение его глубинных смыслов, на качественно иную интерпретацию текста, чем встречалась в трудах других удмуртских литературоведов.

Но исследователь романа «Гаян» на этом не останавливается. В его поле зрения попадает литературный контекст произведения (по современной терминологии, интертекстуальное поле): Айбек «Священная кровь», Т. Садыкбеков «Темир», С. Злобин «Салават Юлаев», М. Джавахишвили «Арсен из

Марабды». В результате анализа А.Зуева признает, что в этих произведениях фольклорная основа одновременно и утверждается, и преодолевается («Поэтика...» С. 65).

Принципиально новым в монографии «Поэтика удмуртского романа» является и изучение жанровой специфики романа Г. Красильникова «Арлэн кутско-нэз» («Начало года»), что позволило определить его в качестве полифонического романа. Удмуртский литературовед опирается на идеи М. Бахтина и Б. Кормана. Близкий к автору повествователь, отмечает А. Зуева, не дает героям завершающих определений, прямых оценок, но свое отношение выражает опосредованно. «Это вытекает из новой концепции характера, из понимания того, что человек вправе сам говорить о себе, о своем внутреннем мире» («Поэтика...» С. 127). В таком ключе новаторским стало и изучение подтекста романа «Начало года». «Наличие подтекста в романе Г. Красильникова говорит не только о мастерстве писателя, его умении работать полутонами, но об открытии нового типа читателя» («Поэтика...» С. 139). Другими словами, читатель привлекается к соучастию, сотворчеству. Так, А. Зуева обозначает идеи, которые стали краеугольными в рецептивной поэтике, одном из направлений современной философской герменевтики.

Именно такие структуралистские нововведения отличали кандидатскую диссертацию, а затем монографию «Поэтика удмуртского романа», о чем Татьяна Очирова, ст. научный сотрудник ИМЛИ АН СССР, писала так: «Интерес исследователя к проблеме формирования и развития художественно-эстетической структуры жанра представляет собой качественно новый для удмуртского литературоведения уровень анализа, начало последующей работы» («Вопросы литературы. 1986. № 9. С. 243). Если посмотреть с позиций современного литературоведения, данная Т. Очировой оценка («качественно новый уровень») говорит о том, что удмуртский ученый умело вплетает в традиционный анализ приемы не только структурализма, но и постструктурализма.

Для того чтобы обогатить свою теоретическую базу, необходимы были выезды за границу. Республика, куда вернулся работать молодой специалист, оставалась закрытой, а теория Б. Кормана все больше подвергалась официальной критике. В 1980 г. А. С. Зуева в составе советской делегации принимает участие в работе конгресса финно-угроведов в городе Турку (Финляндия), выступает с докладом «Художественные поиски в современной прозе пермских литератур». Налаживаются контакты с филологами разных стран, особенно с финскими: Каарина Сала, Эйла Туовинен, Аня Виникка. В 1989 г. А. С. Зуева по приглашению коллег выезжает в Хельсинки, выступает с чтением лекций на английском языке. В архивах финно-угорского общества она обнаруживает (благодаря помощи коллег) материалы переписки Кузубая Герда с финскими учеными и писателями, а также удается найти рукопись диссертации К. Герда «Человек и его рождение у восточных финнов», которую он написал в годы обучения в аспирантуре. А. Зуева налаживает и поддерживает контакты с учеными из других стран – с Джоном Гордоном Коутсом (Англия), Петером Домокошем (Венгрия), Ллойдом Гедра (США), Сирккой Лиимитайнен (Канада). Плодотворные контакты с зарубежными коллегами, особенно с финнами, вылились в особый интерес к женской литературе (Финляндия того времени – один из центров гендерно-феминистической критики). Так была составлена антология

«Мир женской души» (Ижевск, 1992), а затем, совместно с ученицей Е. Галевой, написана статья «Текст любовной магии в структуре женской поэзии», которая стала основой доклада А. С. Зуевой в ряде международных конгрессов. На республиканской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Ашальчи Оки, ученый наметил поистине инновационные перспективы изучения ее лирики (в духе постструктурализма и деконструктивизма), но эти материалы, к сожалению, так и остались не напечатанными.

В 1998 г. А. С. Измайлова-Зуева в ИМЛИ РАН защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук. Известные российские литературоведы высоко оценили эту работу. Проф. С. Н. Кузнецов (МГУ им. М. В. Ломоносова), пишет, что «Положения и выводы диссертационного исследования А. С. Измайловой открывают новые перспективы в системном изучении фольклоризма и мифологизма в национальных литературах народов России». Проф. А. И. Брыжинский (Мордовия) отмечает: «Труд А. С. Измайловой-Зуевой – крупный вклад в дальнейшее изучение процессов развития не только литератур народов Поволжья и Приуралья, но и литератур народов России в целом». А. В. Исаакян, проф. ИМЛИ РАН, подтверждает мнение вышеназванных ученых: «...исследование свидетельствует не только о высокой профессиональной подготовке ученого, но и в целом о степени развития современного удмуртского литературоведения» (цит. по Н. Атнабаевой: «Долг». 2009. № 27–28. С. 5). Однако в рецензиях этих ученых почти не говорится о том, что соискатель, работая в русле российской академической науки, сознательно обращается и к теории постструктурализма. Ведь в своем автореферате А. Измайлова-Зуева прямо отметила: «Говоря о методологии исследования, мы не можем не упомянуть современный постструктурализм, представленный французским ученым Ж. Дерридой и его учениками. Нас привлекает их взгляд на литературу не как на систему знаков, а как на систему смыслов. Если позиция структурализма допускала, что существуют достаточно четкие модели, обладающие объяснительной силой по отношению к ряду различных текстов, то теперь, с точки зрения постструктурализма, ученые стали полагать, что каждый текст порождает уникальную модель понимания изнутри» (Автореферат дис. ... д.ф.н. . М., 1998. С. 10–11).

Монография «Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций» (Ижевск, 1997; Гос. премия УР за 2002 г.) – обобщающий капитальный труд, посвященный актуальной в современном литературоведении и культурологии теме – изучению национальной литературы в контексте исторических, духовных, эстетических взаимосвязей, с учетом преемственности и развития, синхронных и диахронных параллелей. Автору было важно показать, каким образом общечеловеческие ценности структурируют художественное произведение, когда автор-творец над этим сознательно не размышляет. А. Зуева-Измайлова стремится интерпретировать не то, что лежит на поверхности, а то, что образует фундамент произведения, его подсознательный мифологический пласт. Обратимся к трем, наиболее ярким, на наш взгляд, положениям этой монографии.

Образ Мирового Древа как универсальная концепция мира и человека определяется как основная в структуре лирики Флора Васильева. Но у удмуртского поэта практически нет ни одного стихотворения, которое бы наглядно подтвер-

ждало обозначенную модель (не только в качестве мифологического Мирового Древа, но и библейского Древа познания). Тем не менее, анализ стихов Ф. Васильева проведен на высоком теоретическом уровне, так как А. С. Зуева-Измайлова вышла за рамки структурного метода и, так или иначе, обратилась к приемам постструктурализма. В конечном итоге, ссылаясь на Г. Гачева, она констатирует наличие «национального варианта» Мирового Древа в лирике Ф. Васильева.

При анализе цикла стихов К. Герда о сеятеле А. С. Зуева-Измайлова впервые в удмуртском литературоведении по существу обратилась к изучению интертекстуального поля лирики. Образ сеятеля, широко представленный в русской поэзии, не мог не отразиться на контексте стихов К. Герда, утверждает А. С. Зуева-Измайлова, если даже поэт непосредственно не обращался к ней в процессе написания стихотворений. Таким образом, изучение литературного контекста вышло далеко за рамки ременищенций и получило качественно новое воплощение.

В творчестве Г. Красильникова исследователь обнаруживает религиозную сущность мировосприятия в области творчества, выходящую на глубинные основы бытия и выраженную в образной системе. Так, известная оппозиция Соснов/Световидов прочитывается ученым в совершенно другом ракурсе, точнее, *деконструируется* в постструктуралистском значении этого термина. А. С. Зуева-Измайлова пишет: «Сюжет романа «Начало года» можно прочитать, в известной мере, как диалог Христа и Антихриста (Соснов и Световидов), в рассказе «Уходящий пусть уходит» как бы угадываются аллюзии на известную притчу о блудном сыне» (Автореферат... С. 36).

Современное удмуртское литературоведение постепенно осваивает те методы и приемы, которые апробируют и предлагают европейские гуманитарные науки. В трудах как специалистов, так и в выпускных квалификационных работах студентов все чаще можно увидеть термины «гендер», «постмодернизм», «постструктурализм», «интертекст», «герой-шизонарцисс» и т. д. Все новое для молодых не только привлекательно, но и модно.

И все же нашим исследователям нельзя забывать, что решающая роль в утверждении новых принципов анализа в удмуртском литературоведении принадлежит проф. А. С. Зуевой-Измайловой, внедрявшей новые идеи «естественно», без вызова, чаще всего не оперируя этими громкими и яркими терминами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Атнабаева Н. А.* С юбилеем, мой дорогой учитель! // Долг (Ижевск). 2009. 5 ноября. № 27–28. С. 4–5.

² *Зуева-Измайлова А. С.* Архетип Мирового Древа // Инвожо. 2009. № 5-6.

³ *Зуева-Измайлова А. С.* Библиографический указатель. – Ижевск, 2005.

⁴ *Зуева А. С.* Поэтика удмуртского романа. – Ижевск, 1984.

⁵ *Зуева А. С.* Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций. – Ижевск, 1997.

⁶ *Измайлова (Зуева) А. С.* Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций. Автореферат дис. ... д.ф.н. М., 1998.

⁷ *Каллер Дж.* Теория литературы: Краткое введение. – М., 2006.

⁸ *Леви-Стросс К.* Структура и форма // Семиотика. – М., 1983.

⁹ *Очирова Т.* Критерий историзма и литературная реальность // Вопросы литературы. 1986. № 8.

¹⁰ *Смирнов И. П. От сказки к роману // История жанров в русской литературе X–XVII веков. – Л., 1972.*

Поступила в редакцию 12.01.2010 г.

Шибанов Виктор Леонидович,
кандидат филологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск,
ул. Университетская, 1

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

УДК 78(470.51)''1941/1945''

А. Н. Голубкова

УДМУРТСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ГОДЫ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны музыкальная культура Удмуртии продолжала развиваться в трех направлениях: профессиональное творчество, профессиональное исполнительство, самодеятельное искусство. Однако характер этих направлений, их роль в общественной жизни края, их содержание и формы существенно изменились: приостановили свою деятельность театры, перейдя от стационарных спектаклей к концертной деятельности, закрылись клубы и Дома культуры, здания которых временно использовались под госпитали, военные курсы и т. п., а самодеятельность перешла в цеха, красные уголки, общежития.

Известный советский композитор В. Захаров отметил: «Когда началась война, когда вся страна мобилизовала силы для борьбы с врагом, казалось в первые дни, что искусство у нас умрет, что не до самодеятельности нам. Но жизнь показала совершенно обратное. Мы знаем, что во время войны организовалось огромное количество музыкальных коллективов...».

Действительно, уход на фронт многих профессиональных и самодеятельных исполнителей и другие трудности породили неверное представление о ненужности, несвоевременности развития искусства в военные годы. Но уже в 1942 г. в Комитете по делам искусства при Совнаркомом СССР обсуждаются вопросы восстановления деятельности художественных коллективов, задачи искусства в новых военных условиях; создается специальная репертуарная комиссия по отбору новых произведений для профессиональных и самодеятельных коллективов.

С началом войны многие деятели музыкального искусства ушли на фронт. Рядовым воевал композитор и дирижёр С. И. Погорелов, с 1943 по 1946 г. служил на Дальнем Востоке и участвовал в 1945 г. в войне с империалистической Японией в должности начальника бригадной артиллерийско-оружейной мастерской композитор Г. А. Корепанов, в те годы младший техник-лейтенант.

В армии Г. А. Корепанов (в школьные годы занимавшийся литературным творчеством) вел литературный дневник, готовя материал для большой книги о командирах и политработниках нашей армии, написал поэму иронического склада о военной службе, но сохранить свои записи не смог: этому помешал СМЕРШ (организация «Смерть шпионам»). В армии продолжились и музыкальные занятия Г. А. Корепанова. Приказом командира полка он был назначен ка-

пельмейстером духового оркестра своего полка, освоил новые для него музыкальные инструменты, их исполнительские возможности, репертуар и начал работать над аранжировками популярных в те годы песенных мелодий. Для духового оркестра он написал более десяти оригинальных сочинений и выступал с их исполнением перед своим воинским подразделением. В основном это были сочинения легкого, эстрадного жанра, но в числе их встречаются обработки народных песенных мелодий, например, украинской народной песни на слова Шевченко «Як умру, то поховайте», что было новым для репертуара духовых оркестров. В эти годы Г. Корепанов продолжает импровизировать на темы песен современных композиторов на любимом с детства музыкальном инструменте – мандолине, с которой не расстается.

23 сентября 1944 г. с концертом выступил перед ижевскими слушателями Г. И. Титов. Он исполнил удмуртскую народную песню «*Ой, шулдыр*», русскую народную «Вдоль по Питерской», романсы Глинки «Ночной смотр», «Сомнение», арии из опер Верди, спел романсы Гурилёва. Вокальное мастерство Г. И. Титова, выросшее за годы учебы в Московской консерватории в классе профессора Н. И. Сперанского, раскрылось на концерте в оперном и романсовом репертуаре. Сценическое перевоплощение, стремление к созданию зримого образа–качества, которые станут впоследствии основными в исполнительской деятельности Г. И. Титова.

В начале войны Г. И. Титов – студент консерватории – пошел добровольцем в ополчение, но в конце 1941 г. по ходатайству консерватории вернулся в Москву и был назначен солистом концертной бригады по обслуживанию частей Красной Армии и освобожденных районов СССР при политуправлении Народного комиссариата обороны и политуправлении Народного комиссариата сообщения. Бригада состояла из педагогов Московской консерватории, актеров и студентов. С 1941 по 1945 г. бригада постоянно концертировала на фронтах Великой Отечественной войны, в особенности Брянском и Сталинградском. Артисты въезжали в освобожденные города по следам горячих боев, и их выступления сменял грохот уходящей на запад канонады. На импровизированной сцене перед бойцами Г. И. Титов пел советские патриотические песни, арию Сусанина из оперы Глинки «Иван Сусанин», арию Мельника из оперы Даргомыжского «Русалка» и удмуртские народные песни «*Лымы тдды*», «*Та турынэз турнаны*» и др.

Участником Великой Отечественной войны, прошедшим весь её путь с автоматом и баяном, был педагог, концертмейстер и автор песен, сольных и хоровых обработок удмуртского песенного фольклора М. В. Коробов. Он сражался в составе сформированной в Удмуртии 357-й стрелковой дивизии и участвовал в разведках, налётах на вражеские опорные пункты. Особое мужество проявил М. В. Коробов в боевой обстановке сурового лета 1942 г., когда дивизия выводилась из вражеского тыла. Под огнём противника, проваливаясь по пояс в болотные ямы, Коробов вынес в сохранности мешок с дивизионными документами. Бывший командир 357-й стрелковой дивизии, генерал-майор в отставке, кандидат исторических наук А. Кроник в своих воспоминаниях рассказывает о том, как баян М. В. Коробова стал другом дивизии: «...канонада затихла, и я услышал тихие мирные звуки баяна. Кто-то за стеной играл любимый мною с юных лет вальс “Амурские волны”».

- Кто играет? – спросил я сидевшего напротив меня Н. М. Шиленко.
- Это наш автоматчик, баянист из Ижевска Михаил Коробов, – ответил начальник политотдела...
- Позовите его сюда!

Через несколько минут в горницу, освещенную тусклым светом висячей лампы, вошел невысокого роста боец с автоматом на ремне. Приложив руку к серой, набекрень надетой ушанке, четко доложил: «Боец роты автоматчиков Коробов по вашему приказанию прибыл!». Я пожал ему руку, пригласил сесть, спросил:

- Чем Вас, товарищ Коробов, привлек баян?
- Да как же его не любить? – ответил боец. – Ведь это инструмент народный. Как заиграешь – душа радуется. Разрешите исполнить что-нибудь по Вашему вкусу?

...Шёл смертельный бой с немецкими фашистами, а ижевский баянист играл для нас в труднейших фронтовых условиях произведение, которое знает весь мир. Вот так бывает на фронте. Баян становится другом автомата...».

В 1941 г. оборвалась жизнь талантливого фольклориста М. Н. Бывальцева, окончившего в июне того года дирижерско-хоровой факультет Московской консерватории и с первых дней войны участвовавшего в народном ополчении. С конца 1941 г. М. Н. Бывальцев пропал без вести, так и не приступив к исследованию собранного им во время экспедиций фольклорного материала, отредактированного и подготовленного к изданию (М. Н. Бывальцев считал, что удмуртскую песню следует не только собирать, но и глубоко изучать). В марте 1941 г. рукопись сборника, включающего предисловие и 50 записей (подготовленную совместно с Д. С. Васильевым-Буглаем), должна была идти в набор, но война помешала этому. «У М. Н. Бывальцева была мечта, – пишет музыковед И. Н. Поздеева, – широко пропагандировать удмуртскую песню, открывать людям богатства мировой музыкальной культуры. Но война разрушила мечты и творческие планы молодого музыканта. Война отняла у нас человека, который смог бы весь свой талант, всю свою энергию отдать родной Удмуртии, делу ее культурного подъема».

На фронтах Великой Отечественной войны как герои сражались и погибли артисты ансамбля И. Лебедев, П. Калинин, Г. Исупов, К. Хохряков, А. Ерофеев, А. Спиридонов; в июле 1942 г. погиб композитор Н. А. Голубев, несколько лет тому назад успешно начавший свой творческий путь в Удмуртии с создания театральной музыки (например, к спектаклю И. Гаврилова *«Кезьыт ошмес»* и М. Петрова *«Италмас»*) и обработок народных песен.

Напряженно работала в годы войны филармония, развернувшая огромную концертную и массово-пропагандистскую шефскую деятельность в республике. В ее ведении были десятки концертных бригад, ансамбли, музыкальные лектории, организация многочисленных концертных выступлений, программы которых отражали героические подвиги и труд советских людей. Например, летом 1942 г. 15 бригад выезжали для обслуживания сева. Бригады дали за этот период 302 концерта, охватив около 60 тысяч зрителей, выступая в день по два-три раза.

Значительным творческим явлением в работе филармонии явилась организация бригады артистов для культурного обслуживания фронта. В августе

1943 г. эта бригада в составе артистов Гавриловой, Цуканова, Семёнова, Михалеви́ча, Лейкума, Николаева, Щербакова, Шкиренко выехала в действующую армию в расположение Н-ского гвардейского кавалерийского корпуса. «После каждого концерта – а их мы дали 57 – как правило, проводились краткие митинги, на которых фронтовики просили передать свой горячий боевой привет трудящимся Удмуртии. «Мы,- говорили они, – не посраим славы русского оружия...» За длительное пребывание на фронте мы немало поездили по дорогам войны. Мы своими глазами видели страшные следы «нового порядка», который гитлеровцы насаждали на временно захваченных ими советских территориях».

Помимо концертных программ филармония в 1942 г. имела оперный ансамбль, который ставил отдельные сцены из опер Чайковского «Евгений Онегин», Мусоргского «Борис Годунов», Леонкавалло «Паяцы». В 1943 г. в филармонии был организован музыкальный лекторий, выступавший в концертах с музыкальными лекциями-беседами «Стихи и песни Великой Отечественной войны», «Русская народная песня и танец» и т.д.

Большой вклад в музыкальную жизнь республики внесли исполнительские коллективы, ансамбли и мастера искусств, посетившие по приглашению филармонии Удмуртию. Следует назвать выступления пианистов Э. Гилельса, Г. Нейгауза, Я. Зака, Г. Гинзбурга, Государственного русского народного хора им. Пятницкого.

В военные годы изменилась деятельность профессиональных исполнительских музыкальных коллективов Удмуртии: ансамбля песни и пляски удмуртской филармонии, хора Удмуртского радио, Удмуртского драматического театра (который вел значительную концертную работу) и профессиональных певцов и инструменталистов.

...Весной 1941 г. ансамбль готовился к поездке по Средней Азии, но выехать не успел. Шла репетиция, когда по радио объявили войну. На другой же день многих артистов взяли на фронт, из репертуара пришлось снять некоторые номера и взять другие: понадобились песни о войне, о мужестве, о ненависти к врагу.

В годы войны ансамбль особенно много работал в районах республики, в день по 2-3 концерта. Добирались иногда пешком, в свободное от репетиций и выступлений время работали в поле. В декабре-феврале 1942 г. гастролировали по Башкирии и Татарии, выступая в основном в госпиталях и Домах офицеров; в июле-сентябре того же года были в Казани, Горьком (ныне Нижний Новгород), Сормово; в апреле-августе 1943 г. ездили по Уралу; в ноябре - в Молотовской (ныне Пермской) и Свердловской областях; в 1944 г. посетили Кировскую область. Все эти годы ансамбль работал с разными дирижёрами (Н. Винюкова, Г. Нечаев, В. Тиунов), что, вероятно, затрудняло творчество, однако основной состав (А. Широбокова, Т. Волкова, М. Харитонова, А. Рыбакова и др.) не менялся. Удалось сохранить исполнительскую культуру, которую ансамбль под художественным управлением А. В. Каторгина выработал в предвоенное время. Солистка ансамбля Зинаида Акмарова в годы войны работала во фронтовой бригаде. Дошла до Румынии. «Было всякое... Счастье, видно, рядом ходило,- вспоминает Зинаида Илларионовна. – Один раз шел концерт в вагоне. Налетели фашистские самолёты. Вагоны, что рядом стояли, превратились в щепки,

а мы остались целыми...» 3. Акмарова пела удмуртские, русские и украинские песни. Часто встречалась на фронте с земляками.

К началу войны значительную известность в Удмуртии получил хор Удмуртского радио (руководитель Е. В. Молоткова). Программа выступлений была более разнородной: это и концертное исполнение оперы Чайковского «Евгений Онегин», и тематические концерты о творчестве Танеева, Глинки, Балакирева, Шуберта, и, самое интересное, записанные в этом коллективе с голоса, аранжированные удмуртские народные песни: «Юг-юг ёжуёсалоз», «Воже бадяра кадь ик», «Э, мугоры, мугоры», «Поръялоз, поръялоз» и др. В 1942 г. хор Удмуртского радио временно был расформирован, некоторые участники его влились в оперный ансамбль удмуртской филармонии. В 1943 г. хор Удмуртского радио возобновил свою работу под руководством А. И. Гордон. В этот период с хором работает известный в Удмуртии талантливый концертмейстер и аккомпаниатор О. С. Фарфель, обладавшая незаурядной техникой аккомпанемента. При ее участии выступали солисты хора Удмуртского радио В. Утробина, И. Иванов, Е. Касперсон, исполнялись технически сложные хоровые сочинения.

С концертными программами выступали актеры Удмуртского театра. С 1941 по 1944 г. театр работал в Алнашах. Было поставлено 8 спектаклей и подготовлено 3 концертных программы. Театр дал около 600 концертных и театральных выступлений. В 1944 г. театр выступает в Можге, Камбарке, а осенью 1945 г. возвращается в Ижевск и возобновляет свои музыкальные спектакли, например, «Камит Усманов» (музыка Н. Греховодова, при участии Г. И. Титова).

Концертные программы наполовину состояли из боевых песен, песен военных кинофильмов и театральных постановок. Театр имел свои концертные бригады, которые выступали в воинских частях, обслуживали лесопункты, заводы, колхозы. Успехом всей театрально-музыкально-концертной деятельности коллектив Удмуртского театра особо обязан народному артисту РСФСР К. А. Ложкину, народным артистам УАССР В. К. Виноградовой, К. И. Гавриловой, Г. П. Овечкину, заслуженной артистке РСФСР А. В. Шкляевой, заслуженным артистам УАССР А. В. Чубуковой, А. В. Волковой, артистам В. Г. Волкову, Я. Н. Вахрушеву, Г. М. Баженову, Я. Н. Перевошикову, В. Г. Гаврилову. Подводя итог деятельности театра за три военных года, В. Голдобин пишет: «Выступать и готовить программы приходилось в холодных и непригодных помещениях. Но, в каких бы условиях мы ни работали, нас вдохновляло сознание того, что мы выполняем важное, нужное дело, воспитывая в наших зрителях средствами искусства любовь к Родине и ненависть к врагу».

В годы войны существенно меняется характер самодеятельного искусства. Праздничные вечера в честь знаменательных дат, многолюдные торжественные смотры, расцвеченные яркими костюмами и декорациями, декады национального искусства уступают место более сдержанным, тематически выдержанным в духе военного времени и небольшим по объему концертным выступлениям. Распространённым видом самодеятельного исполнительского искусства городских и заводских художественных коллективов стали тематические вечера со следующим содержанием: «Стихи и песни Отечественной войны», «Любовь и боевая дружба», «Город-герой Ленинград» и др. Подобный вечер в 1943 г. прошёл в Удмуртском государственном педагогическом институте. Вечер укра-

инской поэзии и музыки, а также вечера, посвященные Тимирязеву и Сеченову, были организованы в Ижевском мединституте.

Активизируется музыкальная работа в заводских общежитиях, создаются новые коллективы на заводах, формируются концертные бригады для шефской работы. Так, в 1942 г. при общежитии Ижевского механического завода организуются струнный, драматический и хоровой коллективы, силами которых были даны концерты. Тридцать художественных коллективов принимают в апреле 1943 г. участие в городском смотре художественной самодеятельности. Из них вышли победителями ансамбль песни и пляски трудовых резервов, самодеятельный коллектив работников НКВД, художественный коллектив школы № 27. Наиболее значительными были хоровой ансамбль Ижевского металлургического завода (руководитель М. А. Васнецова), хор Ижевского машиностроительного завода (руководитель Г. С. Максимов), оперный ансамбль и хоровой ансамбль Боткинского машиностроительного завода (руководитель А. А. Иванов).

В сравнительно небольшом творчестве военных лет существенное место занимают обработки народных песен, выполненные Н. М. Греховодовым и И. Я. Галкиным. Показательно, что из народных произведений выбираются сюжеты, близкие духу времени, например, драматический сюжет о гибели воина *«Раненой солдат»*. Обработка песни сделана композитором И. Галкиным. Можно назвать ряд хоровых обработок лирических песен, в которых раскрывается тема ожидания, верности, разлуки, к их числу принадлежит обработка Н. Греховодовым удмуртской песни *«Улязы вож садысь у́чыез»*. Обработки фольклорных произведений воспроизводят многие типичные черты национального песенного искусства, прежде всего его многоголосную основу, ладовую структуру, ритмику. В концертные программы вошли обработки народных песен *«Э, коркае, коркае»*, *«Сизъым арес»*, *«Лымы тӧдды»*, *«Ӝильыр-Ӝильыр»* И. Я. Галкиным, *«Арама кузя»*, *«Ой татчы но уд пыры но»* Н. М. Греховодовым. Творчество Н. Греховодова развивается и в жанре оригинальной массовой песни. Его произведения отражают современную военную тематику и трудовые будни тыла, в особенности песня *«Проклятому врагу смерть»* и *«Песня о трассе»*, посвященная строителям Ижевско-Балезинской железнодорожной магистрали, имеющей важное народно-хозяйственное значение. Творчество И. Галкина в военный период разворачивается в театральном жанре. Он пишет музыку к спектаклям *«Андже-ло»* (по В. Гюго), *«Сирано де Бержерак»* (по Э. Ростану) и музыкальную драму *«Аннок»* (по пьесе И. Гаврилова), воссоздавшую картину прежней жизни удмуртского села и раскрывающую некоторые обрядовые черты национального музыкального фольклора. Произведение *«Аннок»* создано в 1941 г. Интересны его хоровые номера, например: хор *«Шудэлэ, серектэ»*, *«Ой, пиос, ой, нылъёс»*, *«Ой, кылъэз ук»*.

В развернутых музыкальных сценах раскрыт образ героини. Пользуется сценической популярностью песня Аннок *«Уй пей-мыт»*, основанная на народном напеве *«Чоръялоз атасэд»*. Наибольший интерес в этой музыкальной драме *«Аннок»*, как отмечают И. Н. Поздеева и Р. А. Чуракова, исследователи творчества И. Галкина, представляют номера, написанные на народные темы. Развитие их происходит за счёт вариантного преобразования темы; излюбленный прием – неожиданный тональный сдвиг в процессе развития. В оригинальных номерах преобладает пентатоника, которую нельзя назвать полностью удмуртской.

Во время войны в Удмуртии работал И. Я. Пустыльник. Его хоровые сочинения этих лет «Луд вылын», «Ныллэн кырӟанэз», «Бертоз», «Песня Санй», «Чузьяськись куара», «Паськыт сюрес» обнаруживают некоторые черты, близкие национальной музыкальной культуре.

Итак, в период Великой Отечественной войны музыкальное исполнительство и творчество сыграли важную роль в жизни республики. Музыкальная жизнь Удмуртии была интенсивной, искусство помогало фронту и тылу.

Голубкова Ариадна Николаевна,
кандидат искусствоведения,
заслуженный деятель науки УР,
член Союза композиторов РФ.
426034, Россия, г. Ижевск,
ул. Университетская, 1

РАБОЧИЕ ПРОГРАММЫ

УДК 37.09:52 (470.51)

А. И. Гатауллина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АСТРОНОМИЧЕСКИХ И ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ УДМУРТОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ШКОЛЬНОГО КУРСА «АСТРОНОМИЯ» И ВУЗОВСКИХ ДИСЦИПЛИН НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА

Особенности методики преподавания курсов с астрономическим содержанием

Задачи повышения уровня образования, приближение содержания курсов к современному уровню науки, удовлетворение запросов жизни и практики предполагает особый подход к изучению дисциплин с астрономическим содержанием.

В астрономии в настоящее время наблюдается бурный рост научной информации. Возникшая ещё в середине прошлого века астрофизика из небольшого раздела астрономии превратилась в наши дни в доминирующую ее часть, что подтверждается глубиной ее проблем и обилием открытий. Перед курсом астрономии и дисциплинам с астрономическим содержанием поставлены следующие основные задачи:

- дать обучающимся систему знаний по основам астрономии и показать ее значение для практики;
- способствовать выработке правильного научного мировоззрения, четкого представления о научно-естественной картине окружающего мира.
- В основе астрономии лежат наблюдения астрономических явлений, поэтому необходимо проводить такие наблюдения.
- На протяжении всего курса, начиная с вводной части и кончая заключительными разделами, необходимо разъяснять учащимся различия между кажущимися (видимыми) и действительными явлениями.

Большую роль при преподавании астрономии в Удмуртии, по нашему мнению, может сыграть этнокраеведческое приложение, при помощи которого учащиеся знакомятся с представлениями предков современных удмуртов о явлениях, происходящих вокруг них, параллельно этому дается научная трактовка данного явления.

Астрономия изучает объекты материального мира с учетом их развития, поэтому конечной целью курса является формирование у обучающихся представления о развивающейся вселенной, которое соответствует современным астрофизическим и радиоастрономическим данным.

О некоторых астрономических познаниях удмуртов

В какой бы точке земной поверхности мы ни находились, нам всегда кажется, что все небесные тела находятся от нас на одинаковом расстоянии, а точнее на внутренней поверхности некоторой сферы, которая в просторечии называется «небом». В безоблачную ночь на темном небе мы видим звезды, Луну, планеты, иногда кометы и другие небесные тела. Первое впечатление от наблюдения звездного неба – это бесчисленность звезд и беспорядочность расположения их на небе. В действительности, звезд, видимых невооруженным глазом, примерно 6000 на всем небе, а на каждой половине его – не более трех тысяч. Млечный Путь – проекция звезд нашей Галактики на небесную сферу. 250 миллиардов звезд, по современным оценкам, входят в состав нашей звездной системы. Если же учесть число открытых галактик (около 1 млрд.), то общее число звезд во Вселенной будет задаваться числом 20-го порядка.

Взаимное расположение звезд на небе меняется очень медленно. Смещение звезды на небесной сфере за год называется собственным движением звезды (μ). Из-за малости собственных движений изменение видимых положений звезд незаметно для невооруженного глаза. Поэтому яркие звезды нашими предками были давно объединены и легко запоминаемые группы, называемые созвездиями.

В названиях звезд, созвездий прослеживается большая наблюдательность удмуртов. Можно заметить, что в привычных очертаниях звезд, созвездий им видятся, как правило, предметы обихода и быта.

В северном полушарии можно наблюдать созвездие Северная Корона, отличающееся большой компактностью и удивительными очертаниями, получившими у удмуртов название «Исьникут кизили».

Полярная звезда и созвездие Большой Медведицы в древности назывались соответственно «Йыр йыл кизили» и «Кузьбыжо кизили».

Часть созвездия Орион – пояс Ориона получил у удмуртского народа название «Жӱк кук кизили». Самая яркая звезда северного неба Сириус – по-удмуртски «Зоринча кизили» (2, 3).

Луна. Почему на Луне видны пятна?

Поверхность Луны довольно темная. На поверхности выделяются светлые (материки) и темные (моря) области.

Различия в коэффициенте отражения лунных пород «морей» ($A=0.079$), занимающих 40% видимой поверхности Луны и «материки» ($A=0,120$), являются причиной разной освещенности лунной поверхности. Поэтому и видны на ней лунные пятна.

В расположении лунных пятен удмурты увидели «девицу с ведрами» (7, 8).

В сказке «Плешивый мужик», записанной Г. Верещагиным, и в другой удмуртской сказке «Дочь хозяина мира» удмурты обожествляют небесные объекты и явления, определяя в них, в сравнении с земными, большую значимость и силу.

В приложении (4) приведено около 40 загадок о Луне, ряд пословиц и поговорок о ней. Их удачная подборка вызовет дополнительный интерес слушателей к объекту изучения.

Радуга

Объяснить появление радуги можно, рассмотрев дисперсию света. Существование дисперсии света в среде обусловлено тем, что ее показатель преломления n зависит от частоты, то есть теоретическое описание дисперсии сводится к установлению зависимости $n(\omega)$. При прохождении пучка белого света через призму, изготовленную из какого-либо прозрачного материала, на экране, установленном за призмой, наблюдается радужная полоса, которая называется призматическим, или дисперсным, спектром (явления нормальной дисперсии открыл И. Ньютон).

Возникающее аналогичным образом природное явление называется радугой. Радуга возникает в результате преломления и отражения солнечных лучей в каплях дождя.

Вуюись, вукарнан называют удмурты радугу. «Принарядится, приоденется – под небосводом пристроится» – одна из удмуртских загадок о радуге. В представлении удмуртов радуга – то доброе, то злое существо. Распространенный вариант тканого узора удмуртских женщин – эффектная разноцветная радуга.

Специфика изложения темы «Природа тел солнечной системы» с учётом национально-регионального компонента

Основные задачи изучения темы

Знакомство с физической природой тел Солнечной системы – одна из главных задач курса астрономии. Основные методические идеи данной темы сводятся к показу объективности методов изучения физической природы небесных тел, физической обусловленности происходящих на них явлений и сходства или различия с известными учащимся природными процессами, происходящими на Земле.

Основываясь на тезисе о всеобщей связи и обусловленности явлений природы, необходимо подчеркивать связь основных черт строения и свойств небесных тел с важнейшей их характеристикой-массой. Это сразу позволит выделить в Солнечной системе две группы тел: большие планеты и малые тела, – а затем уже рассматривать индивидуальные особенности отдельных членов этих групп. Далее можно отметить обусловленность их физической природы целым рядом других факторов (расстоянием от Солнца, условиями образования и последующего развития и т. д.).

Целесообразно отметить, что исследования, проведенные космическими аппаратами, позволили получить физические данные о Венере и Марсе, вполне сопоставимые по точности и достоверности с данными о Земле.

Неизбежно возникает вопрос о возможности жизни на планетах, имеющий большое философское значение. Астрономия изучает физические условия на планетах и может лишь констатировать пригодность или непригодность их для жизни, известной по земным представлениям.

Особого рассмотрения заслуживают взрывоподобные процессы, возникающие при встрече крупных тел с Землей, например, тайна Тунгусского метеорита. Совокупность всех наблюдавшихся в 1908 г. явлений, связанных с падением не-

бесного тела в Тунгусскую тайгу, вполне объяснима, если допустить, что встретившееся с Землей тело было небольшой кометой, взорвавшейся на высоте нескольких километров от земной поверхности. Падение ядра кометы на поверхность планеты Юпитер, аналогичное Тунгусскому явлению, наблюдалось летом 1994 г.

Кроме того, по нашему мнению, большую роль при изучении каждого из разделов данной темы будет играть дополнительный этнокраеведческий материал, который поможет не только оживить и разнообразить обычный урок, но одновременно привить интерес и уважение учащихся к языку, культуре, истории удмуртского народа.

Одно из занятий в рамках этой темы «Земля – представитель планет земной группы»

Цель занятия: Изучить основные геофизические характеристики Земли и околоземного пространства. Познакомить учащихся с этнокраеведческим материалом на эту тему.

Наглядные пособия: Диапозитив «Сравнительные размеры планет и Солнца», плакат или диапозитив «Внутреннее строение Земли», «Внутреннее строение Сатурна и Земли»; плакат «Разрез земной атмосферы и происходящие в ней явления», плакат «Радиационный пояс Земли» и др.

План изложения нового материала:

1. Разделение планет на 2 группы по их общим физическим характеристикам.
2. Земля в поверьях, преданиях, загадках удмуртов. Земля – типичный представитель планет земной группы.
3. Внутреннее строение Земли. Легенды удмуртов о существовании жизни внутри Земли.
4. Атмосфера Земли: облака, химический состав атмосферы, изменение температуры и давления с высотой, диссипация легких газов. Понятие об ионосфере. Предания удмуртов о громах, молнии, радуге и т.д. Приметы, пословицы о явлениях, происходящих в атмосфере Земли.
5. Магнитное поле Земли: напряженность и характер его силовых линий, радиационный пояс, полярные сияния. Полярные сияния в поверьях удмуртов.

КОНСПЕКТ ЗАНЯТИЯ «ЗЕМЛЯ – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПЛАНЕТ ЗЕМНОЙ ГРУППЫ» С УЧЕТОМ ЭТНОКРАЕВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Ниже приведен конспект одного из занятий темы «Физическая природа тел Солнечной системы» с учетом этнокраеведческого материала для учреждений, профилированных в преподавании на региональный компонент.

На примере разработки конкретного занятия показано увеличение удельного веса астрофизического материала и широкое применение дополнительного материала этнокраеведческого характера.

Применение дополнительного материала (4) позволит обогатить и разнообразить обычное занятие, разовьет интерес учащихся не только к астрономии, но и к истории родного края.

Различие физических характеристик планет земной группы и планет-гигантов

В состав Солнечной системы (размеры ее более 200 а. е.) входят Солнце и планеты (8 больших планет; двойная планета Плутон-Харон в 2007 г. была исключена из числа планет) со спутниками (их открыто около 50), астероиды, кометы, метеориты, межпланетная пыль и газ. [Показать диапозитив «Сравнительные размеры планет и Солнца»]. Четыре ближайших к Солнцу планеты: Меркурий, Венера, Земля и Марс – называются планетами типа Земля. Планеты земной группы сходны между собой по физическим свойствам (это связано с этапами образования и развития планет). Двойная система Плутон-Харон мало изучена, но по размеру и массе она близка к планетам земной группы. Размеры и масса планет определяют силу тяжести на поверхности, которая, прежде всего, указывает, может ли планета удержать вокруг себя атмосферу. Малые планеты и большинство спутников планет не имеют никакой атмосферы. У других планет земной группы плотность атмосферы мала.

У планет-гигантов с большой силой тяжести атмосферы плотные и содержат в своем составе молекулярный водород, практически отсутствующий в атмосфере планет земной группы.

Земля – типичный представитель планет земной группы. Земля в поверьях, преданьях, загадках удмуртов

Рассказ о Земле можно начать с того, как представляли себе ее предки удмуртов (4).

Земля является типичным представителем планет земной группы.

Характерные особенности планет земной группы:

1. Все планеты имеют твердые оболочки.
2. Венера, Земля, Марс обладают газовой атмосферой.
3. Только Земля имеет гидросферу и литосферу.
4. Меркурий, Венера, Земля имеют в центральных областях жидкие ядра.
5. У планет, кроме Венеры и Меркурия, есть спутники.
6. Наиболее обильные элементы в твердых оболочках планет земной группы – железо, кремний, магний. В атмосферах планет мало водорода и инертных газов.

Внутреннее строение земли Легенда о существовании жизни внутри земли

Многочисленные фотографии Земли, полученные с борта космических аппаратов, дают возможность увидеть три основные оболочки земного шара: атмосферу, гидросферу и литосферу с ее природными покровами. Этим оболоч-

кам соответствуют три агрегатных состояния вещества; газообразное, жидкое, твердое.

Теория строения твердой составляющей Земли дается в монографии В. Н. Жаркова (6). В качестве дополнительного материала можно привести информацию о том, каким представляли строение Земли древние удмурты (4).

В настоящее время непосредственному исследователю доступен лишь очень незначительный по толщине (6-12 км) верхний слой земной литосферы (коры). Для этого слоя можно определить плотность и химический состав. В составе земной коры преобладают 8 элементов, которые составляют 99% ее массы. По числу атомов среди этих элементов на первом месте кислород, это и неудивительно, если учесть, что многие горные породы представляют собой различные соединения кислорода.

Исследования показывают, что с глубиной происходит увеличение плотности земного вещества (глубже располагаются более тяжелые элементы) и давления, оно увеличивается к центру Земли в 35 раз. Имеет место увеличение температуры с глубиной до значения 6200°C в центре нашей планеты. Температурное поле Земли характеризуется большим постоянством. Это обусловлено малой теплопроводностью вещества земных недр, очень малой скоростью их разогревания за счет радиоактивного распада.

Необходимо пояснить, что тепло внутри Земли вовсе не является остатком какого-то первичного расплавленного состояния Земли. Источником тепла в недрах Земли являются радиоактивные элементы, которые при своем распаде выделяют его. Иногда расплавленное вещество выбрасывается на поверхность Земли – происходит извержение вулкана. Удмурты очень образно дали название вулкану – Тыл ошмес.

Основным методом исследования более глубоких (чем это доступно при бурении скважин) слоев литосферы Земли являются сейсмические исследования. При землетрясении или взрыве ограниченной области под поверхностью земли излучаются упругие колебания – сейсмические волны. Область, из которой излучаются сейсмические волны, называется очагом землетрясения. Сейсмические волны – это низкочастотные звуковые волны, распространяющиеся в твердой упругой среде. Испытав преломление и отражение в недрах планеты, они регистрируются сейсмографами в различных точках земной поверхности. Скорость распространения волн зависит от плотности и упругих свойств среды, в которой они распространяются. Характер преломления сейсмических волн в недрах Земли указывает на изменение с глубиной плотности вещества и других его физических характеристик.

Эти исследования позволили выделить: твердую оболочку – мантию, простирающуюся до глубины 3000 км, жидкое ядро – до 5000 км, внутреннее ядро (1400 км от центра Земли). Последнее находится в особом состоянии, сходном по своим свойствам с твердым телом, находящимся под высоким давлением.

Наружная часть мантии покрыта оболочкой-корой, толщина которой составляет около 10-11 км под морями и от 30 до 80 км под материками. [«Внутреннее строение Земли» диапозитив или плакат].

Оценки средней плотности земного вещества $\bar{\rho} = 5,52\text{г}/\text{см}^3$, плотность же земной коры $\rho = 3,6\text{г}/\text{см}^3$.

Кора и мантия Земли состоят из силикатов, а в отношении химического состава ядра в науке нет единого мнения. Возможно, что на границе ядра, где давление достигает 1.3 млн. атм., происходит изменение физических свойств силикатов, которые переходят в «металлическое» состояние. Атомы силикатов в этих условиях теряют часть своих электронов, которые, став свободными, обуславливают металлические свойства вещества в ядре (например, высокую теплопроводность). Уменьшение размеров атомов из-за потери части электронов из внешних оболочек, обеспечивает при высоком давлении большую плотность вещества. Движение свободных электронов в ядре Земли считается причиной появления магнитного поля нашей планеты.

Вопрос о возрасте пород возникает не только при изучении Земли, но также метеоритов и Луны. Поэтому следует пояснить учащимся принцип определения возраста пород.

Возраст Земли (и других небесных объектов, образцы пород которых можно иметь на Земле) определяют радиоактивным методом.

$$N(t) = N_0 \cdot e^{-\frac{t}{1,44T_{1/2}}} \quad (1),$$

где $N(t)$ – количество ядер, не успевших распасться за время t ;

N_0 – общее количество радиоактивных ядер;

$T_{1/2}$ – период полураспада, то есть время, по истечении которого число ядер уменьшается в 2 раза.

Тогда N_p – число ядер продуктов распада равно:

$$N_p = N_0 - N(t) = N_0 [1 - e^{-\frac{t}{1,44T_{1/2}}}] \quad (2)$$

При определении возраста конкретных образцов числа $N(t)$ и N_p известны. В данном случае необходимо установить время, за которое от начального количества атомов N_0 осталось $N(t)$. Для этого измеряются количество радиоактивного элемента в заданном образце $N(t)$ и количество ядер продуктов распада N_p .

$$\text{Тогда} \quad N_0 = N(t) + N_p$$

$$\text{следует} \quad t = 1,44 \cdot T_{1/2} \cdot \ln \left[1 + \frac{N_p}{N(t)} \right] \quad (3)$$

Возраст Земли, вычисленный радиоактивным методом, дает абсолютный возраст Земли, так как радиоактивный элемент и конечный продукт его распада остаются связанными между собой. Чтобы установить, насколько сама Земля как планета старше своей современной внешней оболочки – коры, сопоставляют содержание изотопов урана и свинца в ней с их количеством в метеоритах. Этим путем и получено, что возраст Земли составляет $(4,55 \pm 0.07)$ млрд. лет.

Атмосфера Земли

В первую очередь обучающимся следует сообщить основные количественные характеристики земной атмосферы и рассказать о преданиях удмуртов о явлениях, происходящих в атмосфере.

Масса газовой оболочки (атмосферы Земли), составляет 1/1000000 массы Земли. Состоит она в основном из азота (78%), кислорода (21%) и некоторых других газов.

Выделяют три основных слоя атмосферы: тропосферу, стратосферу, ионосферу, – различающихся характером изменения физических параметров с высотой (например, t, P). Закономерности, наблюдаемые в земной атмосфере, свойственны атмосферам всех планет земной группы. [В качестве наглядного пособия можно использовать плакат «Разрез Земной атмосферы и происходящие на ней явления»].

Наблюдая за явлениями, происходящими в атмосфере (облаками, ветром, осадками), удмурт-земледелец мог ориентироваться в сроках подготовки и проведения сева, сбора урожая.

Предания, сказания, поверья, связанные с атмосферными явлениями, приведены в главе 1 (4).

Значения физических параметров (давления P , концентрации частиц в ед. объема n , плотности вещества ρ и т. д.) для земной атмосферы определены. Известны и законы изменения этих величин с высотой над уровнем Земли h :

$$P = P_0 \cdot e^{\frac{-h}{H}} \quad n = n_0 \cdot e^{-h/H} \quad \rho = \rho_0 e^{-h/H} \quad (4)$$

где P_0, n_0, ρ_0 – давление, концентрация, плотность у поверхности Земли при $h = 0$.

$$H = \frac{kT}{mg} = \frac{R \cdot T}{\mu \cdot g} \quad (5)$$

где H – шкала высот или высота однородной атмосферы.

k – постоянная Больцмана ($k = 1,38 \cdot 10^{-23}$ Дж/°К).

m – масса молекулы, кг;

g – ускорение силы тяжести, м/с²;

μ – молярная масса, кг/моль

R – универсальная газовая постоянная $R = 8,31$ Дж/к.моль.

Подставляя средние числовые значения параметров в формулу (5), а именно – считая:

$$T = 290^0 \text{ К}$$

$$g = 9,8 \text{ м/с}^2$$

$$\mu = 29 \cdot 10^{-3} \text{ кг/моль}$$

получаем $H = 8$ км. Таким образом, давление, концентрация частиц, плотность на высоте 8 км в $e = 2,7$ раза меньше, чем на уровне моря.

Шкала высот имеет максимальное значение для водорода, а для кислорода и гелия она соответственно в 16 в 8 раз меньше.

Следовательно, падение концентрации молекул происходит в соответствии с их массой, чем можно объяснить обнаруженное на больших высотах изменение химического состава атмосфер.

На высоте свыше 500 км плотность атмосферы такова, что атомы и молекулы движутся практически без столкновений. Те молекулы, средняя скорость которых превышает параболическую (вторую космическую скорость) $v = 11,2 \text{ км/с}$, покидают земную атмосферу. Это явление называется диссипацией атмосферы.

Полезно объяснить явление рассеяния атмосфер с использованием функции распределения Максвелла:

$$f(v) = \frac{4}{\sqrt{\pi}} \left(\frac{m}{2kT} \right)^{3/2} v^2 e^{\left(-\frac{mv^2}{2kT} \right)} \quad (6)$$

где v – скорость молекулы;

m – масса молекулы;

T – абсолютная температура;

k – постоянная Больцмана;

$f(v)$ – функция распределения.

Максимум $f(v)$ будет определять значение наивероятнейшей скорости v_H движения молекул при заданной температуре.

Чтобы найти скорость v_H , нужно приравнять к нулю производную от функции распределения:

$$\frac{df(v)}{dv} = 0 \quad (7)$$

Производя дифференцирование, получим:

$$2ve^{\left(-\frac{mv^2}{2kT} \right)} \left(1 - \frac{mv^2}{kT} \right) = 0 \quad (8)$$

Равенство (8) выполнимо либо при $v = 0$, либо при $v = \infty$, либо при условии, что

$$\left(1 - \frac{mv^2}{kT} \right) = 0 \quad (9)$$

Ясно, что два первых условия не соответствуют максимуму кривой распределения. Следовательно, v_H определяется из уравнения (9):

$$v_H = \sqrt{\frac{2kT}{m}} \quad (10)$$

При рассмотрении проблемы рассеяния атмосферы удобно выразить функцию распределения Максвелла в форме, в которой скорость молекул выражена не в обычных единицах, а в относительных:

$$U = \frac{v}{v_H} \quad (11),$$

где v – заданная скорость молекул,
 v_H – наивероятнейшая скорость при данной температуре T .

Из формулы (10) видно:

$$\frac{m}{2kT} = \frac{1}{v_H^2} \quad (12)$$

Заменив в формуле (6) выражение:

$\frac{m}{2kT}$ через v_H^2 и вводя $U = \frac{v}{v_H}$, придадим уравнению Максвелла вид:

$$f(U) = \frac{4}{\sqrt{\pi}} \cdot e^{-U^2} U^2 \quad (13)$$

Это уравнение является универсальным. В таком виде функция распределения не зависит ни от рода газа, ни от температуры.

По графику $f(u)$ можно определить долю молекул и атомов, рассеивающихся в мировом пространстве.

Как уже говорилось выше, для того, чтобы какое-либо тело покинуло Землю, оно должно обладать так называемой второй космической скоростью, равной $v_2 = 1,12 \cdot 10^4$ м/с. В этом случае кинетической энергии достаточно для совершения работы, позволяющей телу удалиться на ∞ . Среди молекул атмосферы имеются и такие, скорости которых превосходят вторую космическую скорость. Эти молекулы покидают атмосферу. Пользуясь графиком $f(U)$, можно найти долю этих, частиц. Наивероятнейшая скорость молекул H_2 при 0°C равна:

$$v_H = 3,94 \cdot 10^2 \text{ м/с}$$

Тогда относительная скорость для молекул земной атмосферы –

$$U_3 = \frac{1,12 \cdot 10^4}{3,94 \cdot 10^2} = 28$$

Анализ графика $f(u)$ указывает на малую долю частиц, покидающих земную атмосферу.

Скорость диссипации различных газов неодинакова, так как различна $v_H = \sqrt{\frac{2kT}{m}}$ из-за разницы в массах m молекул при одной и той же температуре.

Подсчитано: если бы потери водорода ничем не возмещались, то его количество должно уменьшаться в e раз всего за тысячу лет. Гелий, так же как и водород, должен улечься из атмосферы Земли достаточно быстро. Присутствие в атмосфере Земли этих газов означает, что их потери постоянно возмещаются. Гелий поступает в атмосферу в результате процессов радиоактивного распада

в земной коре, а водород – вследствие диссипации паров воды под действием ультрафиолетового излучения Солнца.

Ультрафиолетовое излучение вызывает также ионизацию O_2, N_2 , то есть происходит образование ионов и электронов в верхней атмосфере. Эта часть атмосферы ($h > 80 \text{ км}$), где газы ионизированы, называется ионосферой. Она представляет собой плазму. Степень ионизации атомов определяется формулой Саха:

$$n_e \cdot \frac{n^+}{n_1} = \frac{g^+ 2 (2\pi m k T)^{3/2}}{g_1 h^3} \cdot e^{-\frac{x_u}{kT}} \quad (14)$$

где n_e – число свободных электронов,

n^+ - число ионов в основном состоянии в 1 см^3 ,

g^+ - статистический вес этого состояния,

x_u - энергия ионизации из основного состояния.

Как видно из формулы (14), степень ионизации выражается электронной плотностью, то есть числом электронов в единице объема. Однако эта плотность равна ионной, то есть плотность положительных и отрицательных частиц одинакова. Являясь в целом нейтральной, плазма, тем не менее, ведет себя иначе, чем газ, состоящий из нейтральных частиц. Это происходит потому, что электроны движутся с большей скоростью в сравнении с массивными ионами и быстрее реагируют на изменение электромагнитного поля Земли и Солнца. Поэтому ионосфера преломляет, отражает и поглощает радиоволны, [В качестве наглядного пособия можно использовать плакат «Строение земной атмосферы». Дополнительно заслушать сообщение на тему «Геофизические проявления солнечной активности»].

Магнитное поле Земли

Область околоземного пространства, где влияние магнитного поля существенно, называется магнитосферой. Магнитное поле достаточно велико (около $5 \cdot 10^{-5} \text{ Тл}$). С удалением от Земли индукция его ослабевает.

Исследование околоземного пространства космическими аппаратами показало, что наша планета окружена мощным радиационным поясом, состоящим из быстро движущихся заряженных элементарных частиц – протонов и электронов. Радиационный пояс называют также поясом частиц высоких энергий. Внутренняя часть пояса простирается примерно на 5000 км от поверхности Земли. Внешняя часть радиационного пояса находится на высоте от 1 до 5 радиусов Земли ($R_3 = 6371,22 \text{ км}$) и состоит из электронов с энергией в десятки тысяч ЭВ, то есть на порядок меньшей, чем энергия частиц внутреннего пояса.

Частицы, образующие радиационный пояс, вероятно, захватываются земным магнитным полем из числа частиц, выбрасываемых Солнцем. Особенно мощные потоки частиц рождаются при взрывных явлениях на Солнце – так называемых солнечных вспышках. Поток частиц от Солнца движется со скоростью $400-1000 \text{ км/с}$ и достигает Земли примерно через 1-2 дня после того, как на Солнце произошла породившая его вспышка горячих газов. Такой усиленный корпускулярный поток возмущает магнитное поле Земли. Изменение напряженности

магнитного поля Земли называется магнитной бурей. Стрелка компаса колеблется, нарушается радиосвязь, иногда наблюдается полярное сияние. Полярные сияния разной формы и окраски возникают на высотах от 80 до 100 км. Их образование можно объяснить тем, что в полярных областях частицы, двигаясь вдоль линий индукции магнитного поля, которые там почти перпендикулярны к поверхности, проникают в атмосферу. Частицы бомбардируют молекулы воздуха, ионизируют их и возбуждают свечение, как поток электронов в вакуумной трубке. М. В. Ломоносов первым высказал гипотезу о том, что полярные сияния имеют электронную природу. Цветовые оттенки полярного сияния обусловлены свечением различных газов земной атмосферы. В своих преданиях, не умея объяснить причины и механизма полярных сияний, наши предки связывали свечения на небе с плохими предзнаменованиями. Они считали, что появление полярных сияний на небе приведет в скором времени к страшной кровопролитной войне, боги выясняют отношения друг с другом. (См. главу 1)(4)

[Можно подготовить и заслушать сообщения «Солнце – биосфера Земли», «Космос и здоровье»].

Итак, мы выяснили, что на Земле и в ее атмосфере происходят разнообразные физические процессы, многие из которых связаны с Солнцем, отстоящем от нас на 150 млн. км.

Ниже приведены две программы курсов с астрономическим содержанием, где целесообразно использовать материал с этнокраеведческим содержанием.

Программа школьного курса «Астрономия» с этнокраеведческим содержанием

Базовая программа	Содержание регионального компонента	Примечания
	Введение (1 ч.)	
Предмет астрономии. Место астрономии среди других наук, ее значение при формировании естественнонаучного мировоззрения.		
Общие представления о строении Вселенной.	Инмар как владыка Вселенной, предание о небесных жителях.	
	1. Практические основы астрономии (5 ч.)	
Видимые движения светил как следствие их собственного движения в пространстве, вращения Земли и ее обращения вокруг Солнца.		
Небесные координаты.		
Звездная карта.	Мифы древних греков о названиях созвездий, удмурты о названиях созвездий. Название созвездий Орион, Северной короны, Большой Медведицы.	
Звездная величина.	Загадки о звездах, созвездиях.	

Суточное движение светил.	Поверье удмуртов о Шунды-мумы (Солнце-мать).	
Высота светила в кульминации.	Загадки, пословицы и поговорки о Солнце.	
Годичное движение Солнца.	Специфические названия месяцев у удмуртов.	
Эклиптика		
Видимое движение и фазы Луны.	Поверье удмуртов о Луне и лунных пятнах; сказка о Солнышке и Лунушке; пословицы, поговорки и загадки о Луне.	
Солнечные и лунные затмения.	Предание о злом Убире, съедающем Солнце и Луну.	
Время и календарь.	О названии года, месяцев, частей суток в удмуртском языке. Специфика удмуртского солнечного календаря. Загадки о календаре, годе, месяце, неделе, дне, ночи, сутках. Пословицы о дне и ночи.	
Определение географических координат наблюдателя по астрономическим наблюдениям		
	2. Движение небесных тел (4 ч.)	
Гелиоцентрическая система Коперника – начало революционного переворота в науке и мировоззрении. Структура и масштабы Солнечной системы. Конфигурация и условия видимости планет. Определение расстояний до тел Солнечной системы и их размеров. Законы Кеплера, движение космических объектов под действием сил тяготения. (определение масс небесных тел). Орбиты космических аппаратов.		
	3. Методы астрофизических исследований (3 ч.)	
Анализ электромагнитного излучения – основа современной всеволновой астрономии. Телескопы и радиотелескопы, их основные характеристики. Внеатмосферные наблюдения. Определение физических свойств и скорости движения небесных тел по их спектрам. Эффект Доплера.		

	4. Природа тел Солнечной системы (5 ч.)	
Солнечная система – комплекс тел, имеющих общее происхождение. Система Земля – Луна. Планеты земной группы.	Предание удмуртов о Луне. Предание о Земле, сказ о межах Кылдысина. Объяснение землетрясений. Сказание о людях и животных, живущих внутри Земли. Загадки о Земле.	
Планеты – гиганты Спутники и кольца планет.		
Особенности рельефа поверхности и атмосфер планет по данным космических аппаратов.	Объяснение явлений, происходящих в земной атмосфере: - предание о гудыри-мумы (Гром-мать); - поверье о первом громе, грозе; - поверье о радуге; обряды вызывания и запрета дождя; - обожествление ветра, объяснение бури, вихря, смерча; - поверье удмуртов о Инвожомумы (матери небесной кары). Загадки о молнии, громе, дожде. Загадки об облаке, тучах, радуге	
Малые тела Солнечной системы.	Поверье о комете. Открытие кометы Ахмарова-Юрлова.	
Метеориты	Предание о падающих звёздах	
Возраст тел Солнечной системы. Современные представления о происхождении Солнечной системы. Физическая обусловленность важнейших особенностей тел Солнечной системы.		
Международное сотрудничество в мирном освоении космического пространства. Использование космических исследований.		
	5. Звёзды и Солнце (5ч.)	
Звезды – основные объекты Вселенной. Определение расстояния до звёзд. Годичный параллакс. Двойные звёзды. Основные характеристики звёзд: температура, светимость, радиус, масса; их взаимосвязь. Закон Вина. Закон Стефана-Больцмана. Химический состав звёздной плазмы. Внутреннее строение и источники энергии		

звёзд. (Переменные и нестационарные звезды). Эволюция звезд, ее этапы и конечные стадии. Белые карлики, нейтронные звёзды, чёрные дыры.		
Солнце – ближайшая к нам звезда.	Поверье о Шунды-мумы	
Строение солнечной атмосферы.	Загадки о Солнце. Пословицы и поговорки о Солнце	
Активные образования: пятна, вспышки, протуберанцы. Роль магнитных полей на Солнце.		
Радиоизлучение Солнца. Корпускулярное излучение Солнца. Солнечно-земные связи.	Удмурты о полярных сияниях.	
	6. Строение и эволюция Вселенной (4ч.)	
Строение и эволюция Вселенной как проявление физических закономерностей материального мира. Состав и структура Галактики.		
Звездные скопления.	О Млечном Пути. Легенда о Плеядах (шерпуж кизиля)	
Межзвёздный газ и пыль. Космическое радиоизлучение. Вращение Галактики. Другие галактики и их основные характеристики. Активность ядер галактик. Квазары. Красное смещение. Расширение Вселенной. Реликтовое излучение. Мировоззренческое значение современных представлений о строении Вселенной и её эволюции.		
	7. Заключительная лекция (1ч.)	
Естественнонаучная картина мира.	Представления удмуртов об окружающем мире.	

**РАБОЧАЯ ПРОГРАММА ПО ДИСЦИПЛИНЕ
«Астрономические воззрения удмуртов».**

1. Принципы построения курса

-курс входит в цикл дисциплин, включенных в учебные планы специальности «журналистика» по решению Ученого Совета факультета журналистики,

-курс является одной из дисциплин естественнонаучного цикла, определяющей мировоззрение будущего специалиста;

-ядро курса составляют основные разделы современной астрономии преломленные в представлении удмуртов на рубеже XVIII–XIX вв.

При построении курса были выдержаны принципы «от ближнего к дальнему» (при рассмотрении объектов, являющихся предметом изучения астрономов), «от простого к сложному» (при изложении материала данной лекции).

2. Цели курса.

После изучения материала в объеме, определяемой рабочей программой, студент (учащийся) должен иметь представление:

- о предмете, месте и роли астрономии в системе естественнонаучных знаний человечества, удмуртского народа;
- о специфике восприятия явлений окружающей природы удмуртами в XVIII–XIX вв.

Студент должен знать:

- суть и природу явлений, происходящих на небесных объектах, являющихся предметом изучения астрономии;
- основы представлений удмуртов об окружающем мире (хозяйственная деятельность, быт и вероисповедание).

Студент должен уметь:

- применять полученные знания при освоении дисциплин естественнонаучного цикла;
- самостоятельно работать с научной и справочной литературой.

3. Структура курса.

Объем дисциплины (в часах) и виды учебной работы (7 семестр).

Общая трудоемкость дисциплины – 40.

Аудиторные занятия – 18.

Лекции – 18.

Самостоятельная работа – 22.

Итоговый контроль – контрольная работа с элементами самостоятельного исследования, зачет.

4. Учебно-тематический план курса «Астрономические воззрения удмуртов».

Распределение часов по темам курса и видам деятельности.

№п/п	Тема	Количество часов	
		Лекции	Самостоятельная работа
1	Введение. Предмет и задачи астрономии.	2	2
2	Формирование удмуртского языка. Вероисповедание удмуртов.	4	6
3	Явления природы в преданиях и поверьях удмуртов	4	6
4	Легенды, мифы, предания об объектах Солнечной системы.	4	4
5	Элементы галактической, внегалактической астрономии в мировоззрении удмуртского народа.	4	4
	Всего	18	22

5. Содержание курса лекционных занятий (18 часов) 7 семестр

Введение.

Лекция 1. Предмет и задачи современной астрономии. Исторические этапы в развитии астрономии. Общественно-практическая деятельность – основа астрономических понятий удмуртов (2 часа).

Осознание окружающего мира в устном народном творчестве, в мифах, преданиях, сказках (самостоятельно)

Глава 1. Формирование удмуртского языка. Вероисповедание удмуртов.

Лекция 2. Общие черты финно-угорского языкознания. Особенности удмуртского языка. Влияние других народов на формирование древнеудмуртского языка. Специфика современного удмуртского языка, диалекты удмуртов (самостоятельно).

Лекция 3. Язычество – вера древних удмуртов. Название главного бога Инмар и других богов – попытка объяснения явлений окружающего мира. Преклонение перед небом. Боги, божества древних удмуртов в преданиях, легендах, сказках удмуртского народа (самостоятельно).

Глава 3. Явления природы в преданиях и поверьях удмуртов.

Лекция 4. Системы счёта времени. Календари. Специфика удмуртского времяисчисления. Афоризмы удмуртов об особенностях сезонов (самостоятельно).

Лекция 5. Земля как одна из планет солнечной системы. Земная атмосфера, ее состав и физические условия в ней. Погода и явления природы в поверьях древних удмуртов. Древние и современные обряды удмуртов, влияющие на погодные условия (самостоятельно).

Глава 4. Легенды, мифы, предания об объектах Солнечной системы.

Лекция 6. Строение Солнечной системы. Солнце – типичная звезда Галактики. Планеты Солнечной системы. Предания удмуртов о Земле, Солнце, планетах. Пословицы, поговорки, загадки о телах Солнечной системы (самостоятельно).

Лекция 7. Малые тела Солнечной системы – спутники планет, кометы, метеориты. История открытия кометы Ахмарова-Юрлова и Хасселя. Поверья о Луне, кометах, объяснение солнечных и лунных затмений древними удмуртами.

Луна, кометы, Солнце, Земля в современной удмуртской литературе, поэзии (самостоятельно).

Глава 5. Элементы галактической, внегалактической астрономии в мировоззрении удмуртского народа.

Лекция 8. Созвездия – азбука астрономии. История происхождения названий созвездий (мифы, легенды древних греков). Специфика названий созвездий и звезд у древних удмуртов. Этнографические аспекты в материалах Удмуртского института истории, языка и литературы (УдНИИ).

Лекция 9. Структура и строение нашей Галактики. Классификация галактик по Хаббллу. Квазары – маяки Вселенной. Представления удмуртов о Галактике (предания о «гусиных следах»).

Словарь астрономических терминов (самостоятельно).

6. Программа самостоятельной работы студентов.

7 семестр «Астрономические воззрения удмуртов».

Виды занятий	Сентябрь				Октябрь				Ноябрь				Декабрь			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Лекционный материал		Рк		Рк		Рк		Рк		Рк		Рк		Рк		3

Рк – работа над конспектом.

З – защита контрольной работы.

Замечания. В ходе изучения курса студент пишет домашнюю контрольную работу с элементами исследования проблемы астрономических понятий удмуртов в устном народном творчестве и современной удмуртской поэзии и литературе.

7. Учебно-методическое обеспечение дисциплины

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верецагин Г.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии: Собр. соч.: В 6 т., Т. 2. Под ред. В. М. Ванюшева. Ижевск: УИИЯиЛ УрО РАН, 1996.
2. *Верецагин Г.* Указ собр. соч. Т. 1. 1995.
3. *Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина удмуртов. – Ижевск: «Удмуртия», 1994.
4. *Гатауллина А. И.* Естественнонаучная картина в представлении удмуртов. – Ижевск: ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2007. – 90 с.
5. Ежегодник финно-угорских исследований '07: под ред. Н. И. Леонова. – Ижевск: УдГУ. ERGO, 2008. – 314 с.
6. *Жарков В. Н.* Внутреннее строение Земли и планет. – М.: Наука, 1978.
7. *Munkacsi B.* A votjakok k zrt // Ethnografia / Budapest, 1892.
8. *Munkacsi B.* Votjak nyelvtanulmanyok // NyK. Budapest, 1884 – Kt XVIII.
9. Удмурты: очерки о духовном идеале, философии, древних корнях, истории, культуре, менталитете и перспективе сохранения. – Ижевск: КнигоГраф. – 2008. – 212 с.

Поступила в редакцию 01.02.2010 г.

Гатауллина Ангелина Ивановна,
кандидат физических наук, доцент
426034, Россия, г. Ижевск,
ул. Университетская, 1

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований

Выпуск 1

Под редакцией Н. И. Леонова

Составители – А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова

Дизайн обложки – Л. Н. Загуменова

Компьютерная верстка – Н.А. Крюкова

Сдано в производство 20.04.2010. Печать офсетная.
Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 11,9.
Тираж 300 экз. Заказ № 750.

Издательство «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru